

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КАМЕННЫЙ
ВЕК
НА ТЕРРИТОРИИ
УКРАИНЫ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ХОЗЯЙСТВА И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1990

Каменный век на территории Украины: Некоторые аспекты хозяйства и этнокультурных связей / Отв. ред. В. И. Неприна; АН УССР. Ин-т археологии.— Киев: Наук. думка, 1990.— 128 с. ISBN 5-12-0015-19-0

Сборник содержит статьи по двум направлениям в исследовании неолита на территории Украины: о взаимосвязях синхронных или генетически связанных между собой культур; о различных сторонах хозяйственной деятельности древнего населения каменного века. Оба направления обусловлены стремлением к более глубокому истолкованию археологических источников. Рассмотрены вопросы планиграфии, трассологии и определения критериев мезолита.

Для археологов, историков, работников музеев, студентов вузов.

Ответственный редактор В. И. НЕПРИНА

**Утверждено к печати ученым советом
Института археологии АН УССР**

**Редакция литературы по социальным проблемам
зарубежных стран, археологии и документалистике**

Редактор В. П. Лагодзкая

0504000000-505
К ————— 67-90
M221(04)-90

ISBN 5-12-0015-19-0

© Институт археологии АН УССР, 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник составили статьи двух направлений в исследовании каменного века на территории Украины: выяснение характера взаимосвязей между отдельными синхронными или генетически связанными между собой группами древнего населения и освещение различных аспектов хозяйственной деятельности древнего населения. Оба направления обусловлены стремлением к более глубокому истолкованию и пониманию археологического источника в настоящее время, когда типологические и культурно-хронологические построения в основном завершены, хотя и не всегда имеют однозначное разрешение.

Выяснение различных аспектов взаимосвязей этнокультурных явлений древности, как синхронных, так и генетически связанных между собой, представляет большой интерес для исследователей. Особенно это важно для характеристики взаимоотношений различных по своим внешним проявлениям культур, например, культур с производящей и присваивающей экономикой – трипольской, буго-днепровской с днепро-донецкой и неолитом ямочно-гребенчатой керамики. Для дописьменных периодов истории вещественные материалы, по которым реконструируются этнокультурные связи, зачастую являются единственным источником, на основании которого делается заключение о синхронизации разнокультурных явлений, о неравномерности в их общественном развитии и в целом решаются другие исторические проблемы. Генетические связи вскрывают суть процессов формирования новых культур, а в конечном счете – новых этносов. Вопросы этнокультурных связей рассматриваются в семи статьях сборника.

Статья Д. Я. Телегина посвящена хронологии и периодизации культур юга Украины и их связям с культурами Нижнего Подунавья и Балкан. Автор, продолжая разработку этих проблем вслед за В. Н. Даниленко, Т. Г. Мовшей, В. И. Маркевичем, В. Г. Збеновичем и др., устанавливает пять этапов в существовании контактов в этом регионе и их характер. Он считает, что существовали как диффузии, так и прямые взаимопроникновения, миграции.

В. И. Неприна вслед за М. Я. Рудинским, А. Я. Брюсовым, Д. Я. Телегиным, В. Н. Даниленко и С. С. Березанской предприняла попытку конкретизировать гипотезу о сложении марьяновской культуры на основе неолита с ямочно-гребенчатой керамикой. Ею проведено сравнение кремневых, кварцитовых и керамических комплексов поздненеолитических и раннебронзовых памятников с привлечением данных о хозяйственной деятельности. Сохранение неолитического уклада жизни у населения раннемарьяновской культуры и наличие генетической преемственности производственного инвентаря культуры памятников типа Вырчище, относящейся к раннему этапу неолита ямочно-гребенчатой керамики Украины, заставляют предполагать непосредственное перерастание одной культуры в другую без какого-либо хронологического перерыва. Согласно исследованиям В. И. Неприной, культура памятников типа Вырчище имеет генетические корни в мезолите и неолите Волынского и Новгород-Северского Полесья, что получило также новейшие

подтверждения в работах Л. Л. Зализняка. Эти данные позволяют утверждать наличие глубоких местных традиций и в марьяновской культуре ранней бронзы на северо-востоке Украины.

Взаимоотношениям культур неолита в степной и лесостепной зонах Украины посвящены три статьи. Е. Н. Титова на основе типолого-статистического анализа системы орнаментации и форм керамики, семантики орнаментальных композиций обосновала наличие значительного взаимовлияния в производстве керамики населения киево-черкасской и буго-днестровской культур. Она приводит доказательства высказанному ранее предположению о зарождении зачатков земледелия и керамического производства у раннеземледельческих племен Среднего Поднепровья под воздействием буго-днестровских. В статье орнаменты на сосудах киево-черкасской культуры трактуются как раннеземледельческие культовые символы.

Н. Т. Товкайло вводит в научный оборот материалы расположенного в степном течении р. Южный Буг поселения буго-днестровской культуры Пугач, которые свидетельствуют о теснейших контактах неолитического населения данного региона с племенами сурско-днепровской и азово-днепровской культур.

Н. С. Котова рассматривает вопрос о взаимодействии населения днепродонецкой и азово-днепровской культур, развивая взгляды В. Н. Даниленко по проблеме различий между днепродонецкой культурой и памятниками типа мариупольских могильников, которые он выделил в азово-днепровскую культуру. Автору удалось показать, что имеются проявления этой культуры в более раннее время, когда бытовали днепродонецкие поселения бузьковского типа.

В статье В. П. Чабая, посвященной раннему палеолиту Юго-Западного Крыма, обобщены достижения предшественников по изучению этого района и рассмотрены кремневые и фаунистические комплексы открытых здесь стоянок. Сравнивая наборы инвентаря из навеса в Холодной балке, Бахчисарайской стоянки, Кабази, Чокурчи 2 и Шайтан-Кобы с материалами памятников аккайской культуры в восточном районе Крыма и устанавливая различия в фаунистических и кремневых комплексах обеих групп памятников, автор считает возможным для эпохи мустье Крыма выделять два хозяйственно-культурных типа – охотников на мамонтов и охотников на стадных копытных животных. Кроме того, он предлагает разработку гипотезы Ю. Г. Колесова о связи мустьерских индустрий Крыма и Балканского п-ва.

В статье В. Ю. Коена приведены новые материалы по неолиту Крыма. Известно, что эта эпоха наименее изучена на полуострове, поэтому публикация выразительного кремневого комплекса и остатков наземного жилища, представленного очагом в яме от сохранившейся его центральной углубленной части, является существенным дополнением к исследованию названного периода истории Крыма. Учет своеобразия общей обстановки данного района, а также сохранение особенностей, присущих мезолитическому хозяйству, и в неолитическую эпоху позволяет автору объяснить типологическую нерасчлененность мезолитических и неолитических комплексов Крыма, сложность освещения последних в сравнении с культурами неолита степной зоны Украины.

В исследовании первобытности значительное место принадлежит реконструкции хозяйства, отдельных видов производственной деятельности древнего населения. Вещественные материалы – орудия труда, остатки фауны и флоры, предметы быта – при особом рассмотрении характеризуют производительные силы изучаемых эпох. Установление уровня развития производительных сил и характера общественных отношений позволяет решать исторические вопросы. В последнее время археологи Украины, занимающиеся социально-экономическими проблемами первобытной эпохи, стремятся определять принадлежность древнего общества к тому или иному хозяйст-

венно-культурному типу, на основе чего затем, привлекая данные этнографии, производить реконструкцию хозяйства и общества в целом. Шесть статей сборника посвящены выяснению хозяйственно-культурных типов и обусловленных ими общественных отношений населения каменного века Украины или изучению отдельных аспектов древнейшего производства.

Л. Л. Зализняк предпринял попытку реконструкции хозяйства и общества, населения позднепалеолитического времени среднеевропейских низменностей, учитывая данные археологии, этнографии, естественных наук. Недостатки археологического источника (отсутствие изделий из органических материалов и остатки фауны) компенсируются более углубленным анализом кремневых комплексов стоянок и планиграфическими наблюдениями над залеганием остатков кремневого производства и жилых построек.

Исследование кремневого производства эпохи верхнего палеолита предпринято А. А. Кротовой. Выработав критерии для выделения нескольких этапов кремнеобработки и применив их затем к материалам стоянок Донбасса, она проследила их специфику по отношению к этапам кремневого производства, установила зависимость между структурой каменной индустрии и степенью удаленности от месторождений. В статье С. А. Балакина и Д. Ю. Нужного вновь поднимается вопрос об археологических критериях мезолитической эпохи. Рассмотрение подкреплено освещением развития производительных сил. Авторам удалось проследить тесную зависимость между изменениями в кремневом инвентаре и в экономике. Это позволило оценить появление геометрических микролитов в качестве достаточного критерия для определения нижнего рубежа мезолитической эпохи.

Предложено неординарное решение проблемы реконструкции хозяйства мезолитического населения лесов Горного Крыма. На основе комплекса археологических, палеоклиматических, палеозоологических и палеоботанических данных с привлечением этнографических аналогий реконструируется структура хозяйства и отдельных его отраслей: охоты, собирательства, рыбной ловли, — его сезонного цикла. Хозяйственно-культурный тип охотников и собирателей лесов Горного Крыма рассмотрен А. А. Яневичем в динамике — от его становления в раннем мезолите, до расцвета в позднем мезолите и перерождения в неолите.

Некоторые специфические стороны древнейшего кремневого производства освещены в статье А. В. Колесника, который изучил мастерские по выработке кремневого сырья и его первичной обработке. Обжитость территории в эпохи ашеля и мустье предполагала наличие мастерских наряду со стоянками и охотничьими угодьями. Автор показывает целенаправленную деятельность и процесс осознания древним человеком стадий в обработке кремня, что отразилось в различном соотношении типов изделий первичного и вторичного циклов расщепления камня на стоянках и в мастерских.

В. Н. Степанчук продолжил изучение развития технологии кремнеобработки в мустье Крыма, пытаясь проследить направленность деятельности древнего человека в подборе галек для выделки необходимых ему орудий. Сделанные наблюдения позволили автору прийти к выводу, что инструменты для производства орудий и орудия для производства предметов потребления возникли одновременно. Анализ данных археологии подтвердил процесс становления общественного производства.

Все материалы сборника могут быть использованы при написании обобщающих работ по проблемам истории каменного века Украины и смежных территорий.

В. И. Неприна

I. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Д. Я. ТЕЛГГИН

СТЕПНОЕ ПОДНЕПРОВЬЕ И НИЖНЕЕ ПОДУНАВЬЕ В НЕОЛИТЕ – ЭНЕОЛИТЕ

В развитии культур VI–III тыс. до н. э. Северного Причерноморья выделяется три основные периода – неолитический и два энеолитические. Показана синхронность культур этих периодов с культурами Нижнего Подунавья, а также основные направления культурных влияний между этими регионами.

В неолите и энеолите культурно-историческое развитие Степного Причерноморья и Нижнего Подунавья проходило в тесной взаимозависимости. Характер этих связей в разное время был неодинаков. В конце VI–IV тыс. до н. э.* на культурное развитие Северного Причерноморья оказали влияние балканские земледельческие культуры – Криш, Прекукутени, Кукутени, Гумельница и др. Но в середине VI–III тыс. до н. э., наоборот, усилилось влияние на развитие Балкан скотоводческих культур северопонтийского региона: среднестоговской, новоданиловской, нижнемихайловской, кемио-бинской, ямной и др.

Для установления конкретных контактов северопонтийского степного населения важно рассмотреть вопросы синхронизации культур двух названных регионов. Заметим, что эта проблема ставилась исследователями уже давно [Gavašanin, 1961; Passek, 1962; Мерперт, 1965; Даниленко, 1969; Cimbutas, 1977; Mallory, 1977; Тодорова, 1980; Comsa, 1980; Tasić, 1988; и др.].

В настоящее время состояние источников таково, что мы можем проводить синхронизацию культур Северного Причерноморья и Балкан более обоснованно. Лишь на Украине за последнее десятилетие получено более 150 новых радиоуглеродных и археомагнитных дат. Датировались в основном трипольские поселения и ямные погребения. Эти материалы позволили нам провести общую периодизацию неолитических и энеолитических культур юго-запада СССР [Телегин, 1977, 1985]. По нашему мнению, в развитии неолитических и энеолитических культур по хронологическому принципу могут быть выделены три основные эпохи, или периода: неолитический (I), энеолитический докуранный, или "кукутени-трипольский" (II), и энеолитический курганный, или ямный. Первый период датируется концом VI–V тыс. до н. э., второй – IV – первой четвертью III, третий – второй четвертью III – началом II тыс. до н. э. Каждый из трех периодов, в свою очередь, делится на два, или на три этапа (рисунок).

Попытаемся проследить синхронизацию культур юго-запада СССР и Нижнего Подунавья по трем хронологическим срезам схемы.

Неолитическое время (конец VI–V тыс. до н. э.). В неолите развивались

* Здесь и далее даты не калиброваны.

следующие культуры: в Нижнем Подунавье – Криш (Кереш) – Старчево – Кремиковицы – Караново I, Винча, Дудешти, Боян (ранние этапы), Вэдастра, Хаманджия и др., а в Северном Причерноморье – буго-днестровская (БДК), сурская, или сурско-днепровская, днепро-донецкая (ДДК) раннего этапа и др. В Румынском Прикарпатье, в Молдавии и на Украине обитали также носители культуры линейно-ленточной керамики (КЛЛК) с "нотной" керамикой.

Синхронизация неолитических культур Северного Причерноморья и Нижнего Подунавья лучше всего прослеживается по материалам культур Криш и буго-днестровской, которые в районе р. Прут соприкасаются территориально. По радиоуглеродному методу культура Криш датируется первой половиной V тыс. до н. э. – около 5000–4300 лет до н. э. [Долуханов, Тимофеев, 1972]. Памятники Караново I и Старчево возникают еще в конце VI тыс. до н. э. В развитии культуры Криш Молдовы Е. Комша выделяет два этапа: Главанешти Вехи и Вали Лупулуй.

В Берлинской лаборатории получены две даты и для буго-днестровской культуры (4880 ± 150 ; 4545 ± 100), которые коррелируются с определениями для культуры Криш [Маркевич, 1974]. В развитии БДК В. Н. Даниленко [1969] выделяет шесть фаз. Д. Я. Телегин [1977] определяет три основных этапа: ранний досамчинский, или кришский, средний самчинский и поздний савранский. По мнению Е. Комши, досамчинский этап БДК (Сокольцы, Печера) синхронен с этапом Валя Лупулуй и Главанешти Вехи культуры Криш Румынии [Gomşa, 1982]. В. И. Маркевич [1974, с. 140] указывает на наличие в досамчинском периоде кришско-старчевских элементов. Следовательно, мы можем говорить о полной синхронности культуры Криш Подунавья с ранним досамчинским (кришским) этапом в БДК, которые датируются первой половиной V тыс. до н. э. Два последующих этапа БДК – самчинский и савранский – бытовали позже культуры Криш в Подунавье.

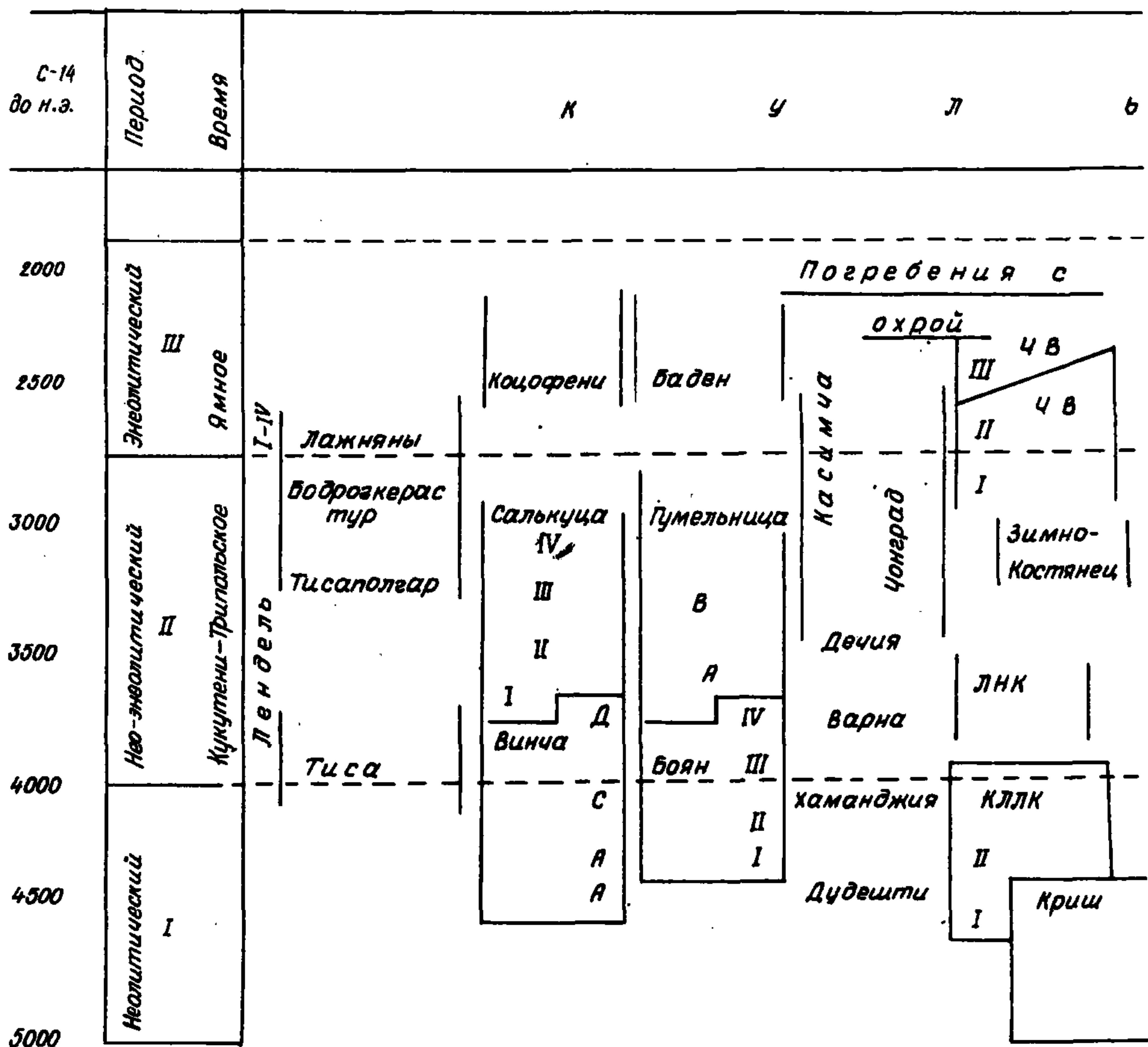
Такое заключение вытекает также и из анализа хронологического сопоставления культур Криш, БДК и культуры линейно-ленточной керамики (КЛЛК). Для определения абсолютного возраста последней получено более 50 радиоуглеродных дат. На Украине, в Молдавии и Румынии известны поздние памятники КЛЛК с "нотным" орнаментом. Последние Г. Квитта датирует в пределах 4400–3900 лет до н. э. [Qutta, 1971].

В Румынии известны памятники (Перизэни, Чипеу), где слои Криш перекрывались слоем КЛЛК с "нотным" орнаментом. Следовательно, в Подунавье КЛЛК сменяет культуры Криш, что вполне коррелируется с данными радиоуглеродного анализа. Несколько иная картина наблюдается на Украине и в Молдавии, где КЛЛК, как и в Румынии, сменяет буго-днестровскую культуру, но не всю, а лишь памятники раннего досамчинского (кришского) этапа. КЛЛК, следовательно, сосуществует с самчинским и савранскими этапами БДК. Последнее обстоятельство хорошо подтверждается наличием в слоях этого времени БДК (Базьков Остров, Сороки V) импортов "нотной" керамики, и наоборот – наличием в слое КЛЛК Новые Русешти фрагмента керамики БДК [Даниленко, 1969, с. 66; Маркевич, 1974, с. 116].

Таким образом, памятники БДК в Молдавии и на Украине развивались дольше, чем культура Криш на Дунае. Они бытуют, как и КЛЛК, на протяжении второй половины V тыс. до н. э. и, возможно, в начале IV тыс. до н. э.

Вопрос о синхронизации иных неолитических культур V тыс. до н. э. Северного Причерноморья и Нижнего Подунавья пока может быть рассмотрен лишь приблизительно, главным образом с учетом проведенного выше анализа хронологии культур Криш, БДК и КЛЛК.

На Балканах культура Винча-Турдаш, судя по радиоуглеродным датам (4500–4000 лет до н. э.), синхронна КЛЛК. Она, уже как Винча-Плочник, продолжала свое развитие и в первой четверти IV тыс. до н. э. [Dimituescu, 1974]. Культура Дудешти, по мнению Е. Комши [1962], сменяет культуру Криш и предшествует культурам Боян и Гумельница.

Неолитические и энеолитические культур
 ЧВ – Черновода, КЛЛК, ЛНК – культура линейно-ленточной и линейно-накольчатой керам
 НД – новоданиловские погребения; ССК – среднестоговская культура;

На стоянке Гредиштя Улмилор, например, слой с материалами Дудешти и отдельными находками культуры Боян-Болинтиняну был перекрыт метровым слоем культуры Гумельница. В. Думитреску относит культуру Дудешти к началу второй половины V тыс. до н. э. и в хронологическом плане ставит ее перед культурой Боян. Такого мнения придерживается и Е. Комша, который синхронизирует второй этап культуры Дудешти с поздними этапами КЛЛК. Исходя из ряда данных Е. Комша считает, что культура Дудешти синхронна Караново III (Веселиново) Болгарии и самчинскому и савранскому этапам БДК Украины [Comsa, 1974, p. 10].

Вэдастра, родственная культура Дудешти, по данным Е. Комши [1962], развивалась сначала параллельно с ней, а затем, пережив ее, сменяется культурой Гумельница. В. Думитреску для времени Дудешти-Вэдастра предлагает следующий ряд синхронизации: Дудешти III-Винча В₁-Караново III-IV, далее Вэдастры III-IV – Винча С₂ – С₃ [Dumitrescu, 1983].

Ко второй половине V тыс. до н. э. относят румынские исследователи и первые три этапа (I-III) культур Боян-Болинтиняну, Джулешти и, видимо, Видра [Dumitrescu, 1983]. Это косвенно подтверждается радиоуглеродными определениями: позднейший этап культуры Боян – тип Спансов – датируется по С¹⁴ в пределах 3900–3600 лет до н. э.

Сложным остается вопрос о хронологии культуры Хаманджия. Единичные

т у р ы				Календарные даты до н.э.	
<u>Я м н а я</u>				НМ/КО	
Триполье				II	
Ф-У С-2				I в	
Кукутени				II а	
В				II	
АВ С-1				II	
А В-2				II	
Дрекутени				II в	
А В I				II а	
III БДК				СДК II	
II III				II	
I				I	
II				I	
I				I	
				5820	
				5350	
				4845	
				4375	
				3785	
				3245	
				2520	

ы Украины и Карпато-Дунайского региона.

ики; Ф-У – Фолтешти-Усатово; БДК – буго-днестровская культура; ДДК – днепро-донецкая; СДК – сурско-днепровская; НМ/КО – Нижняя Михайловка и Кеми-Оба

радиоуглеродные даты указывают на начало IV тыс. до н. э. Д. Берчу, отмечая сходство в керамике Хаманджии с керамикой Криш БДК, относит ее к V тыс. до н. э., считая, что в сложении Хаманджии приняла участие КЛЛК [Berçin, 1966, с. 14]. В. Думитреску ставит Хаманджию после культуры Криш Румынии [Dumitrescu, 1983, с. 70]. Его мнение разделяет и Е. Комша [1962]. В начале IV тыс. до н. э. на территории Добруджи распространяются памятники культуры Варна, Гумельница. Обращает на себя внимание факт распространения в культурах Хаманджия и Варна (Варна, Дуранкулак) значительного числа вытянутых на спине погребенных познекроманьонского типа. Прямые аналогии этим явлениям мы видим лишь в могильниках мариупольского типа на Украине конца V – первой половины IV тыс. до н. э.

Выше шла речь о неолитических культурах V тыс. на территории Нижнего Подунавья. Теперь обратимся к памятникам Северного Причерноморья. Кроме буго-днестровской культуры здесь, как упоминалось выше, существовали еще две неолитические культуры: сурская и днепро-донецкая (ДДК). В начале второй половины V тыс. до н. э. (Молдавия, Одесская область) появляются, как и в Румынии, памятники КЛЛК, датированные по карбону.

Радиоуглеродные даты имеются для некоторых погребений днепро-донецкого типа (Осиповка: Ки 519 – 3990 ± 420; Ки 517 – 4125 ± 125 лет до н. э.). В развитии днепро-донецкой культуры намечается три периода: ранний (I),

средний (II) и поздний (III). Ранний период датируется второй половиной V тыс. до н. э.; средний – временем от начала IV тыс. до н. э. до конца третьей четверти этого тысячелетия. Этот период членится на два этапа: II-а (Собачки) и II-в (Мариуполь, Никольское). На Нижнем и Среднем Днепре ДДК прекращается на этапе II-в, когда здесь распространяются памятники средне-стоговской культуры (около 3600–3500 лет до н. э.). В северных районах Украины бытуют памятники этапа II-с, которые перерастают в стоянки типа Пустынка и Засуха, относящиеся уже к III периоду ДДК [Телегин, 1968, с. 190–204; Археология УРСР, 1985, Т. 1, с. 156–172]. В Белоруссии В. Ф. Исаенко [1976] выделяет также IV период ДДК.

Керамика раннего (I) периода орнаментировалась только гребенчатым и прочерченным орнаментом. Накольчатого орнамента здесь еще нет, он появляется во втором периоде ДДК.

Два основных этапа – ранний (Городок, Шулаев) и поздний (Стрильчя Скаля) – можно наметить и в развитии сурской культуры. Вопрос о синхронизации этих неолитических культур Поднепровья и буго-днестровской мы рассмотрели ранее [Телегин, 1969, с. 191–192]. Напомним, что ранний период ДДК по времени соответствует раннему этапу сурской культуры, а оба они синхронны самчинскому этапу БДК. Об этом говорит, например, появление на самчинской керамике гребенчатого орнамента при отсутствии накольчатого. Последний на Южном Буге распространяется лишь в савранское время БДК. Таким образом, вся группа культур Северного Причерноморья – БДК (самчинский этап), ранний этап ДДК и сурская (первый этап) – датируются второй половиной V тыс. до н. э. Следовательно, они развивались одновременно с рассмотренной выше группой культур Нижнего Подунавья – Дудешти, Винча-Плочник. Боян I–III, Хаманджия и, вероятно, Вэдастра (I–III) и др. (рисунок).

Хорошим маркирующим горизонтом, который указывает на синхронность названных выше культур Северного Причерноморья и Нижнего Подунавья, является культура линейно-ленточной керамики.

НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ "КУКУТЕНИ-ТРИПОЛЬСКИЙ" ДОКУРГАННЫЙ ПЕРИОД

(IV – начало III тыс. до н. э.)

Для решения вопросов синхронизации культур двух рассматриваемых регионов этого периода ключевое значение имеют памятники культуры Кукутени-Триполье. Они известны как в Северном Причерноморье, так и в Прикарпатье, в том числе и в Низовье Дуная. Трипольская культура на Украине и в Молдавии сравнительно хорошо датирована радиоуглеродными и археомагнитными методами. В целом она (включая Усатово, Городское и Софиевку) относится ко времени 3800–2500 лет до н. э. [Телегин, 1985]. А с отнесением к этой культуре памятников Прекукутени II ее нижняя дата опустится до рубежа V–IV тыс. до н. э.

Работами В. Думитреску и Е. К. Черныш [1982] и др. проведена синхронизация памятников Кукутени Румынии и Триполья Украины. Это сравнение проведено по пяти культурно-хронологическим срезам:

1. Этап Прекукутени II, III, что по времени и культуре соответствует культуре Триполья (4000–3500 лет до н. э.)^{*}.

2. Кукутени A₁₋₄ – Триполье B₁ (3500–3300).

3. Кукутени AB_{1, 2} – Триполье B₂ (3300–3000/2900).

4. Кукутени B₁₋₃ – Триполье C₁ (3300/2900–2700).

5. Этап C₂ Триполья соответствует культуре Фолтешти-Чернавода II Румынии (2700–2500 лет до н. э.).

Опираясь на хронологию и периодизацию культуры Кукутени-Триполье, можно проводить сравнительно обоснованную синхронизацию культуры всего

^{*} Датировка Д. Я. Телегина [Телегин, 1985].

нео-энеолитического периода Балкан и Северопонтийской области.

На Балканах в начале этого периода происходит перерастание культуры Боян-Спанцево в культуру Гумельница. Последняя затем распространяется на значительной территории и сосуществует с культурой Кукутени-Триполье, видимо, до конца развития средних этапов последней. На стоянках Касцио-арало и Брайлица в переходных слоях от Гумельницы А к В найдены трипольские черепки этапа В₁ Триполья [Titow, 1971]. Согласно радиоуглеродным определениям, Гумельница датируется 3800–3300 лет до н.э. [Долуханов, Тимофеев, 1972].

Памятники Гумельницы распространялись после культуры Хаманджия и в Добрудже. Они (Караново VI – Коджадермен) бытовали также к югу от Дуная и Болгарии. По мнению Г. Тодоровой [1980, 66–68], они доживают здесь до XXXIII в. до н.э. С культурой Гумельница в целом была синхронна родственная ей культура Селькуца (Румыния), а также Криводол (Болгария) и Бубань в Югославии [Dimitrescu, 1974, 1983, с. 120].

Своеобразны в раннем энеолите Нижнего Подунавья погребения типа Дечия-Мурешулуй, Чонград и Касимче. Наиболее яркая черта их культуры – скорченное на спине труположение, охра, крупный кремль (ножи, топоры, наконечники копий). Могильник в Дечии и погребение в Чонграде безкурганые, в Касимче сооружены небольшие курганы. Здесь найден конеголовый скипетр. Эти памятники, несомненно, одновременные, но, по нашему мнению, представляют одну линию культурного развития. К одному культурному типу относят эти памятники (Дечия, Чонград) также А. Доуд-Опритеску и И. Эчиди [см.: Dodd-Opritescu, 1978, с. 95].

Могильник Дечия М. Гарашанин [Garaşanin, 1961] хронологически сравнивал с Мариупольским некрополем Украины. Это сравнение справедливо, но лишь по отношению к группе позднейших скорченных на спине погребений Мариуполя. Их мы сейчас относим к новоданиловскому типу [Археология УССР, 1985, Т. 1, с. 311–320]. Чонград и Эчиди [Ecsedy, 1979, с. 11] в культурно-хронологическом плане связывают с новоданиловскими могильниками (Петро-Свистуново, Яма, Ворошиловград и др.). Погребение Касимче находит прямые аналогии в предьямных могилах типа Суворово [Даниленко, Шмаглей, 1972].

В погребениях новоданиловского типа на Украине обнаружено много медных украшений (браслеты, подвески) и высококачественных изделий из кремня (круглые ножи, наконечники копий, топоры), а также характерных больших шайбовидных пронизок из стенок речных ракушек. В могиле Новоданиловки найден тонкостенный амфоровидный сосуд с острым дном, украшенный по плечикам шишечками. Ранние новоданиловские погребения бескурганые (Чапли, Яма и др.), а затем (Суворово) появляются первые насыпи небольших размеров. Обряд погребения – скорченное на спине труположение; много охры. В новоданиловских погребениях (Мариуполь) обнаружена четырехчленная булава, а в погребении в Суворово – конеголовый скипетр.

По составу кремня с памятниками типа Дечия-Касимче и Новоданиловки генетически связывают клады типа Гончаревского на Украине и Кладовой на Дунае.

Хронология погребений типа Дечия-Касимче в Нижнем Подунавье недостаточно разработана. По мнению исследователей, могильник Дечия синхронен культурам Тиса Полгар и Бодрогкерестур [Dimitrescu, 1983, с. 124]. Касимче, видимо, следует относить к следующему курганному периоду энеолита Нижнего Подунавья. Два периода можно выделить и в развитии новоданиловских памятников Украины: ранний докурганный новоданиловский (Чапли, Петро-Свистуново и др.) и поздний, или курганный, суворовский. Первый соответствует памятникам типа Дечия и Подунавье, а второй – времени кургана в Касимче. Погребения раннего этапа (Новодани-

ловка, Дечия) по находкам в Кайнарах [Мовша, Чеботаренко, 1969], Секульце, Федеяшени и др., следует относить к середине – началу второй половины IV тыс. до н. э. Суворовско-касимченский этап может быть датирован допозднеямным временем (Ворошиловград), т. е. не позднее первой половины III тыс. до н. э. В целом памятники новоданиловского типа на Украине и в Подунавье относятся ко второй половине IV – первой половине III тыс. до н. э.

Среди общностей нео-энеолитического периода на Нижнем Подунавье следует рассмотреть культуру Чернавода I. Датруется она временем Кукутени АВ-В [Tudor, 1965; Dumitrescu, с. 126], т. е. концом IV – началом III тыс. до н. э. Это своеобразная культура. Керамика (миски, округлотелые горшки, амфоры с ручками) темного цвета, иногда лощеная, с обильной примесью ракушки в тесте. Орнаментированных сосудов мало, встречается узор в виде перевитого шнура; гребенчатого украшения нет. Население Чернаводы I было земледельчески-скотоводческим. Костей лошади мало, как и погребений, которые, видимо, были бескурганные [Movinz, Roman, 1973]. По единодушному мнению румынских исследователей, культура Чернавода I является результатом инвазии в Подунавье степных пастушеских племен, которые в последней четверти IV тыс. до н. э. потеснили, а местами сменили обитавшие здесь племена Гумельницы и Санкуцы.

Генетическая линия Чернаводы I затем продолжается в культуре Чернавода III, времени ранних курганов. Несколько позже Чернаводы I в Подунавье появляется группа Усатово-Фолтешти (Городск-Городиште или Чернавода II, время Кукутени С). Примерно в это же время в Молдавии распространяются носители культуры шаровидных амфор, проникшие сюда с севера.

В Северном Причерноморье в IV тыс. до н. э. продолжают бытовать три неолитические культуры – днепро-донецкая (этапа IIa, в), сурская второго этапа (Стрильчая Скеля) и буго-днестровская савранского этапа. Все они в разной степени сосуществовали с Триполем А. На одновременность этапа IIa в ДДК с Триполем А указывают керамические импорты: находка раннетрипольского сосуда (типа Борисовки) в Никольском могильнике ДДК, фрагменты такой же керамики на стоянке Пищики и в слое ДДК Стрильчая Скеля и др. [Телегин, 1968, с. 192–193]. В последнее время (раскопки О. Г. Шапошниковой и Н. Товкайло) на стоянке Пугач в Побужье получены веские доказательства доживания БДК до раннего Триполья.

Как упоминалось выше, на Нижнем и Среднем Днепре памятники этапа IIa-в ДДК сменяются среднестоговской культурой (ССК). Это прослеживается по стратиграфии поселений Средний Стог [Добровольский, 1927], Стрильчая Скеля и др. Стрильчая Скеля – четырехслойный памятник. Здесь последовательно залегают материалы сурской, ДДК, среднестоговской и ямной культур.

В развитии ССК мы выделяем два основных периода: дошнуровой и шнуровой [Телегин, 1973, с. 123; Telegin, 1968, с. 73–74]. Это была развитая коневодческая культура. Сосуды украшены шнуровым орнаментом. При их изготовлении в тесто добавляли мелкотолченую ракушку. По этому и другим признакам Т. Г. Мовша [1961] впервые доказала синхронность ССК с этапом В₁ Триполья. В Румынии первое появление ракушечной керамики (тип С) связывают с концом этапа А Кукутени [Dumitrescu, 1983, с. 116]. Сравнение керамики типа С из Дрегушены со среднестоговской показало, что она относится к раннему дошнуровому этапу ССК. Следовательно, шнуровой этап ССК синхронен с памятниками последующих фаз Кукутени-Триполья (Триполье В₂ – С₁; Кукутени АВ, В), т. е. датруется последней четвертью IV – первой четвертью III тыс. до н. э. Это подтверждается и находками в могильниках второго этапа ССК (Дереивка, Игрень) красноглиняных сосудов этапа В₂ – С₁ Триполья.

Среднестоговская культура развивалась до конца первой четверти III тыс. до н. э., затем она перерастает в ямную культуру.

В конце IV–начале III тыс. до н. э. в Поднепровье и в Крыму появляются памятники еще одной культуры. Их относят к нижнемихайловскому типу и к кемиобинской культуре [Археология УССР, 1985, Т. 1, с. 324–336]. Изучаются памятники этой "нижнемихайловско-кемиобинской культуры" (НМ/КО) в основном по погребениям, обычно курганным, но известны и поселения, например, в нижнем слое Михайловки на Днестре [Лагодовська, Шапошникова, Макаревич, 1962]. Керамика культуры своеобразна – миски, округлотелые горшки, амфоры темного цвета, слабоорнаментированные (известный шнур), с примесью в тесте крупнотолченой ракушки. Носители НМ/КО достигли высокого совершенства в обработке камня при изготовлении гробниц. Они создали известные антропоморфные стелы Причерноморья. По составу теста (ракушка), обработке поверхностей сосудов (лощения) и их формам, а также орнаменту керамика нижнемихайловского типа находит ближайшие аналогии в описанных выше материалах культуры Чернавода I в Румынии.

В развитии культуры выделяют три основных этапа: ранний (I) ливенцовско-михайловский, средний (II) баратовский и поздний (III) кемиобинский. Памятники первого этапа синхронны со вторым периодом ССК: в нижнем слое Михайловки найдено значительное количество черепков второго (шнурового) этапа ССК. Баратовский этап по времени соответствует памятникам Усатого (Триполье С₂), так как в курганах Баратовки, Широко в Побужье в погребениях этого типа обнаружены поздне трипольские статуэтки серезлиевского типа. Оба этапа, таким образом, датируются последней четвертью IV – первой половиной III тыс. до н. э. Поздний III этап НМ/КО относится ко второй половине III тыс. до н. э. и синхронен позднеямному периоду. Для НМ/КО характерны курганные погребения, за исключением, очевидно, раннего этапа. Плоские бескурганные могильники этого времени исследованы также у с. Волошское Днепропетровского района на о-ве Сурском [Даниленко, 1974, с. 44].

Из выяснения вопросов хронологии культур второго докурганного неолитического периода Северного Причерноморья и Нижнего Подунавья становятся очевидными ряд фактов, в том числе: а) синхронность ССК с Трипольем этапа В₁ – С₁ (Кукутени А, В); б) ранние памятники нижнемихайловского типа, как и культура Чернавода I, развивались одновременно в доусатовское время (конец IV – начало III тыс. до н. э.).

Эти выводы имеют важное значение для изучения культурных контактов населения Северного Причерноморья и Нижнего Подунавья.

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ "ЯМНЫЙ" ПЕРИОД (вторая четверть III – начало II тыс. до н. э.)

Две культуры этого периода – Усатово (Фолтешти-Чернавода II) и ямная ("погребения с охрой") являются общими для Северного Причерноморья и Нижнего Подунавья. Абсолютный возраст Усатово на Украине и в Молдавии надежно установлен по радиоуглеродным и археомагнитным датам – вторая четверть III тыс. до н. э. К этому же времени, надо полагать, относятся и родственные культуры Нижнего Подунавья – Городните-Фолтешти-Чернавода II. Последняя считается новой фазой проникновения Усатово на Дунай [Dumitrescu, 1983, с. 134–135]. С Усатово А. Хайслер связывает первое проникновение на Балканы курганных погребений с охрой [Häusler, 1981].

Для определения абсолютного возраста ямной культуры получено более 70 радиоуглеродных дат, позволяющих датировать ее в пределах 2800/2700–1900 лет до н. э. [Телегин, 1977; Telegin, 1986, с. 102]. Время существования этой культуры можно разделить на два периода (I, II).

Ранний, первый период ямной культуры (2800/2700 – 2500) синхронен Усатово: в грунтовом усатовском могильнике найден раннеямный сосуд [Патокова, 1979, с. 117–119]. Усатового того же времени, что и Баратовка

НМ/КО культуры. К раннеямному времени, возможно, относятся и позднейшие погребения со скипетрами: об этом свидетельствует находка скипетра и раннеямного сосуда в кургане 27 Архаринского могильника [Синицын, Эрдниев, 1966, с. 93].

Памятники раннеямного времени, усатовская культура (Фолтешти, Чернавода II), типа Баратовки и, вероятно, позднейшие погребения со скипетрами (Архара, Суворово, Касимче) образуют один хронологический горизонт (вторая четверть III тыс. до н. э.).

Второй, поздний этап ямной культуры (2500–1900 лет до н. э.) завершает развитие энеолита в Северном Причерноморье. На рубеже III и II тыс. до н. э. здесь складываются культуры эпохи бронзы. Племена степных скотоводов позднего этапа ямной культуры были многочисленны. Они обитали в степи от Волги до Дуная; в Северном Причерноморье мощная волна этого населения перекрыла в культурно-хронологическом плане все более ранние культуры типа Новоданиловки, Баратовки, Усатово и др., проникнув в Нижнее Подунавье. Пришельцы потеснили носителей культуры Фолтешти-Чернавода II и др. Их появление, видимо, мало отразилось на поздних культурах типа Чернавода III – Баден-Болераз Коцофени и др. второй половины III тыс. до н. э. [Тасић, 1983, с. 19]. Степные скотоводы ямной культуры оставили на Балканах курганные погребения со скорченными костями, окрашенными охрой. В отличие от ранних небольших курганов усатовского времени теперь создаются обычно большие насыпи. По радиоуглеродным данным, погребения с охрой из больших курганов датируются, как и ямные в Причерноморье, второй половиной III тыс. до н. э.

Проведенный выше обзор хронологии культур неолита и энеолита Северного Причерноморья и Нижнего Подунавья позволяет более определенно решать вопросы истории населения этих регионов.

Мы остановимся здесь только на одном из них – проблеме контактов, связей и взаимоотношений между охотничье-рыболовными, а затем пастушескими племенами Степного Причерноморья и земледельческим населением Балкан. Как отмечалось выше, эти отношения были двусторонними.

Анализ материалов позволяет наметить ряд таких культурных контактов и связей в нео-энеолитическое время:

а) в раннеэнеолитический период (первая половина V тыс. до н. э.) отмечаются несомненные факты диффузии элементов криш-старчевской культуры на Днестр и Южный Буг (импорты серолощенной керамики, земледелия, скотоводства и др.) к племенам досамчинского (кришского) этапа буго-днестровской культуры. Влияние балканского неолита в Северное Причерноморье, несомненно, содействовало неолитизации юга Восточной Европы;

б) на ранних этапах нео-энеолитической эпохи (начало IV тыс. до н. э.) отмечается многовековая массовая миграция прекукутени-трипольского населения из Юго-Восточного Прикарпатья на Правобережье Украины. К концу нео-энеолитического периода (начало III тыс. до н. э.) трипольские племена достигли Днепра в районе Канева и Киева. Уже в начале третьего энеолитического "ямного" периода позднетрипольские влияния распространились на юг – в Степное Причерноморье. Здесь трипольцы смешались с местным нижнемихайловско-кемиобинским населением и создали усатовскую культуру [Збенович, 1974, с. 250; Дергачев, 1980, с. 148];

в) на ранних этапах второго "кукутени-трипольского" периода началось также распространение культурных влияний в противоположном направлении, т. е. из Степного Причерноморья на Нижнее Подунавье и Южное Прикарпатье. Речь идет о появлении здесь около середины IV тыс. до н. э. могильника типа Дочия с окрашенными скорченными на спине погребениями,

крупным новоданиловским кремнем и крестовидными ("мариупольскими") булавами [Garašanin, 1961; Dodd-Opritescu, 1973]. Известны и клады таких кремневых орудий (Ластва, Кладово и др.).

Позднее в конце кукутени-трипольского и в начале ямного времени (первая половина III тыс. до н. э.), эту (новоданиловскую) линию развития в Нижнем Подунавье представляют погребения того же типа, но уже под курганами (Касимче). Новоданиловское население принесло на Балканы крестовидные каменные булавы и скипетры, в том числе конеголовые. Причины проникновения этих племен на запад объяснить трудно. Возможно, это вызвано потребностями обмена орудий из высококачественного донецкого кремня на изделия из меди. По мнению М. Гарашанина и Г. Тудоровой [1980, с. 70–71], степных кочевников влекла балканская медь;

г) одновременно с проникновением ранних новоданиловцев на Дунай и в Прикарпатье устанавливаются также тесные культурные контакты племен среднестоговской и кукутени-трипольской культур. Под влиянием первых в третьей четверти IV тыс. до н. э. на поселениях этапа В₁ Триполья и этапов А₄, АВ Кукутени появляется ракушечная керамика типа Кукутени С [Мовша, 1961; Dumitrescu, 1983; Dodd-Opritescu, 1978]. Следует отметить, что распространение здесь этой керамики относится еще ко времени до появления на исторической арене культуры нижнемихайловского типа. Керамика типа С, таким образом, сложилась под влиянием лишь среднестоговской культуры. На это указывает, кроме данных хронологии, также типологическое ее сходство с посудой раннего этапа ССК (Стрильчая Скеля-Дрегушени);

д) контакты носителей культуры нижнемихайловского типа с населением Нижнего Подунавья начались позже среднестоговских. Они развивались, видимо, несколько иным путем – через Степное Причерноморье, т. е. южнее, чем проходили контакты среднестоговцев и трипольцев. Мы говорим о появлении на Дунае культуры Чернавода I. Румынские исследователи не без оснований видят в ней результат продвижения сюда носителей нижнемихайловско-кемиобинской культуры [Dumitrescu, 1983, с. 126]. На генетическую связь этих культур указывают общие черты в керамике нижнемихайловско-кемиобинской и Чернавода I (чернолощенная, ракушечная, слабоорнаментированная, округлотелая, появление шнура и др.) [см.: Tudor, 1965, фиг. 1; Mogin, Roman, 1973, Abb. 1]. Продвижение племен раннего этапа НМ/КО и возникновение здесь культуры Чернавода I происходило еще до появления культуры Усатово-Фолтешти-Чернавода II. Оно носило, видимо, характер миграции. Распространение здесь носителей культуры Усатово-Фолтешти-Чернавода II составляло вторую волну. В это время здесь впервые появляются малые курганы с погребениями, окрашенными охрой. Очевидно, в это же время распространяются в Западном Причерноморье и Прикарпатье и антропоморфные стелы северопричерноморских типов;

е) последней в энеолите инвазией степных племен на Балканы было проникновение носителей позднеямной культуры. Оно относится ко второй половине III и, видимо, началу II тыс. до н. э. Заметим, что курганы последних следует отличать от погребений тоже в курганах и с охрой иных культур Подунавья: Чернавода II–III, Фолтешти I–III, Городск-Городиште, Коцофени и др. [см.: Mogin, Roman, 1973]. Многие из них появились здесь намного ранее ямных и имеют, как было показано, иное происхождение. Генетические связи культур Чернавода II, Усатово, Фолтешти ведут нас к культуре НМ/КО. Не следует также смешивать с ямными погребения в курганах типа Касимче. Кроме того, часть населения Нижнего Подунавья (Коцофени, Глина III) под влиянием степных племен сами стали сооружать курганы. К ямной культуре эти захоронения не имеют прямого отношения.

Волна степных скотоводов позднеямной культуры проникла далеко на Балканы. Курганные погребения с охрой этого времени появились не только в Румынии [Зирра, 1960], но и в Болгарии [Мерперт, 1965; Rapajotow, Dehačow,

1984], Югославии [Tasić, 1983, с. 19–26] и Венгрии [Ecsedy, 1979]. Основные признаки погребений этой культуры хорошо известны из литературы: сооружение могил под курганами, ямы прямоугольной формы, скорченные на спине захоронения, окрашенные охрой. Инвентарь обычно бедный. Типичные ямные сосуды не встречаются.

В связи с распространением на Балканах во второй половине III – начале II тыс. до н. э. курганных захоронений с охрой законно поставить вопрос о гомогенности этих памятников. Дело в том, что в Степном Причерноморье и Крыму в это же время продолжали обитать племена третьего этапа михайловско-кемиобинской скотоводческой культуры. Их погребения – тоже в курганах и с охрой, – по обряду они мало чем отличаются от позднеямных, но керамика, конечно, иная. Возникает вопрос: нет ли среди погребений с охрой на Балканах и поздних кемиобинских погребений? В принципе это не исключено, хотя и маловероятно, так как к этому времени кемиобинцы были оттеснены поздними ямниками в сторону Крыма. С проникновением на Балканах ямных племен, как и более ранних степных кочевников, здесь, видимо, значительно усилилась индоевропеизация местного населения.

Рассмотрение этого вопроса, однако, выходит за рамки данной работы.

Археология Украинской ССР. – Киев: Наук. думка, 1985. – С. 565.

Даниленко В. Н. Неолит Украины. – Киев: Наук. думка, 1969. – 257 с.

Даниленко В. Н. Энеолит Украины. – Киев: Наук. думка, 1974. – 175 с.

Даниленко В. М., Шмаглий М. М. Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи // *Археологія.* – 1972. – 6. – С. 3–20.

Дергачев В. А. Памятники позднего Триполья. – Кишинев: Штиинца, 1980. – 205 с.

Добровольський А. В. Звіт за археологічні дослідження на території Дніпрельстану, р. 1927 // *Збірник Дніпропетровського історичного музею.* – Дніпропетровськ, 1929. – С. 61–161.

Долуханов П. М., Тимофеев В. И. Абсолютная хронология неолита Евразии // *Проблемы абсолютного датирования в археологии.* – М., 1972. – С. 28–75.

Збеневич В. Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. – Киев: Наук. думка, 1974. – 173 с.

Зирра В. Культура погребений с охрой в Закарпатских областях СРР // *МИА Ю–3 СССР и СРР* – Кишинев, 1960. – С. 97–128.

Исаенко В. Ф. Неолит Припятского Полесья. – Минск: Наука и техника, 1976. – 127 с.

Комша Е. К. К вопросу об относительной хронологии и о развитии неолитических культур на юго-востоке СРР и на востоке НРБ // *Dacia.* – 1962. – 6. – С. 53–85.

Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л. Михайлівське поселення. – К.: Наук. думка, 1962. – 248 с.

Маркевич В. И. Буго-днестровская культура на территории Молдавии. – Кишинев: Штиинца, 1974. – 174 с.

Мерперт И. Я. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке // *КСИА АН УССР.* – 1965. – Вып. 105. – С. 10–20.

Мовша Т. Г. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века // *СА.* – 1961. – № 2. – С. 186–199.

Мовша Т. Г., Чеботаренко Г. Ф. Энеолитическое курганное погребение у ст. Кайнары в Молдавии // *КСИА.* – 1969. – Вып. 115. – С. 45–49.

Патокова Э. Ф. Усатовское поселение и могильники. – Киев: Наук. думка, 1976. – 184 с.

Синицын И. В., Эрднеев У. Э. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР. – Элиста, 1966. – Вып. 2. – 183 с.

Телегин Д. Я. Дніпро-донецька культура. – К.: Наук. думка, 1968. – 254 с.

Телегин Д. Я. Середньостогівська культура епохи міді. – К.: Наук. думка, 1973. – 168 с.

Телегин Д. Я. Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита на Юге Украины // *СА.* – 1977. – № 2.

Телегин Д. Я. Рец. на кн.: В. И. Маркевич. Буго-Днестровская культура на территории Молдавии // *Археологія.* – 1977а. – 23. – С. 88–91.

Телегин Д. Я. Радіокарбонне і археомагнітне датування трипільської культури // *Археологія.* – 1985. – 52. – С. 10–22.

Тодорова Х. Энеолит Болгарии. – София: Пресс, 1980. – 104 с.

Черныш Е. К. Пути расселения трипольско-кукутенских общин в IV–X тыс. до н. э. // *Thracia Prehistorica.* – 1982. – 3. – С. 25.

Шапошникова Р. Г. Могильники эпохи ранней бронзы на Нижнем Днестре // *АП УРСР.* – 1961. – Т. 10. – С. 3–11.

Berciu D. Neue forschungsergebnisse zur vorgeschichte Rumäniens. – Bonn, 1966. – 63 s.

Comsa E. Die Entwicklung, Periodisierung und relative Chronologie der jungsteinzeitlichen Kulturen Rumäniens // *ZFA.* – 1974. – 8. – S. 1–44.

Comsa E. Consideratii cu Privere la reletile Dintre cultura Cris si cultura Bug-Nistriana // *Crisia.* – 1982. – XII. – S. 9–18.

Dodd-Opritescu A. Les éléments steppiques dans l'énéolithique de Transylvanie // *Dacia.* – 1978. – Т. 22. – S. 87–97.

- Dodd-Opritescu A.* La ceramique Cucteni C, son origine sa significan Hishoco-culturalle // *Thracia Prehistorica.* – Sofia, 1982. – T. 3. – S. 70–81.
- Dumitrescu Vl.* Chronologia absoluta a eneolithicului Romanes in lumina datelor C¹⁴ // *Apulum.* – 12. – 1974. – S. 24.
- Dumitrescu Vl.* Epoque néolithique et éneolithique. Раздел в книге: *Vl. Dumitrescu, A. Bolomei, F. Mogosanu.* Esquisse d'une prehistoire de la Roumanie. – Bucarest, 1983. – S. 56–129.
- Ecsedy I.* The people of the pit-cave kurgans in Eastern Hungarn. – *Fontes Hungarn,* 1979. – S. 11.
- Garasanin M.* Pontski i stepski uticaji u Donjem Podunaviju i na Balkanu na prelazu iz neolitskog u metalna doba // *Glasnik zemaliscog muzeia u Saraievu, n. s.* – Saraievo, 1961. – С. 5–26.
- Gimbutas M.* The first wave of Eurasian steppe pastoralists into copper age Europe // *Indo-European studies.* – 1977. – Vol. 5, N 4. – P. 278–338.
- Häusler A.* Zur Frage der Beziehungen zwischen dem nord – pontischen Raum und den neolithischen Kulturen Mitteleuropas // *Jahrschr. mitted Vorgeschichte.* – 1981. – 64. – S. 229–236.
- Mallory J. P.* The chronology of early kurgan tradition // *Indo-European Studies.* – 1977. – Vol. 5, N 4.
- Morints S., Romau P.* Über die Übergangsperiode vom Äneolithicum zur Bronzezeit in Rumänien // *Simpoimy über der Badener Kultur.* – Bratislava, 1973. – S. 260–295.
- Panajotov Iv., Dergacov V.* Die Ockergrabkultur in Bulgarien. – Sofia, 1984. – 7. – S. 99–116.
- Passek T.* Relations entre L'Europe Occidentale et L'Europe Orientale á l'époque neolithique // *VI Congr. intern. prehist. et protohistorique.* – Moscu, 1962. – С. 49.
- Quitta H.* Der Balcans als Mittler zwischen Vorderm Orient und Europa // *Evolution und Revolution in Alten Orient und in Europa.* – Berlin, 1971. – S. 38–63.
- Tacuh H.* Југославенско Подунавље од индоевропске сеобе до продора скита. Београд, 1873, – 167 с.
- Telegin D. J.* A settlement and cemetery Copper age hors keepers on the Middle Dnieper. – Oxford, 1986. – 126 s.
- Titov V. S.* Tripolie culture in the chronological system of Neolithic and Copper age cultures of South-Eastern and Central Europe // *YIII Congres intern. des Scien. pre. et protohistori.* – Moscu, 1971. – 18 s.
- Tudor E.* Ceramica apartinind culturii Cernavoda descoperita la Cascioarele // *SCIV.* – 1965. – T. 16. – N 3. – S. 55–65.

В. И. НЕПРИНА

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРЕ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ

В статье исследуется проблема происхождения марьяновской культуры территории Украины; генетические корни ее прослеживаются в культуре эпохи неолита типа Вырчище-Волынцево, бытовавшей в IV – III тыс. до н. э. в лесной зоне Левобережной Украины.

На северо-востоке Украины эпоха ранней бронзы представлена памятниками среднеднепровской и марьяновской культур, на основе последней затем складывается сосницкий вариант тшинецкой культуры эпохи средней бронзы. В настоящей работе ставится задача более детально рассмотреть вопрос о традициях неолитических культур в марьяновской культуре. По данным С. С. Березанской, марьяновские памятники были распространены на Десне, Сейме, Суле, Ворскле, Северском Донце и Осколе, а также на Среднем Дону, во Владимирской и Куйбышевской областях, на Правобережье – в с. Субботове Кировоградской области найдена небольшая группа марьяновской керамики. На ряде поселений среднеднепровской культуры Припяти, Сожа и Беседи встречается марьяновская керамика как результат контактов двух культур. Наиболее ранние памятники марьяновской культуры известны на Десне и Сейме – Марьяновка (Бунякино), Волынцево, Ивановка, Глушец, Дорошевка, Пересыпка, более поздние – на Северском Донце – Студенок V, Бондариха и т. п. [Березанская, 1982, с. 40–41].

Вопрос о сложении марьяновской культуры на основе неолита с ямочно-гребенчатой керамикой ставился М. Я. Рудинским, А. Я. Брюсовым, Д. Я. Телегиным, В. Н. Даниленко, С. С. Березанской. Последняя считает, что вопрос о происхождении марьяновской культуры на основе неолита ямочно-гребенчатой керамики вполне ясен. Она видит преемственность между ними в формах и орнаментации сосудов, в типах рубящих орудий из кремня и кварцита [Березанская, 1982, с. 46–47]. По нашему мнению, эта проблема нуждается в дополнительных исследованиях [Неприна, 1976, с. 143]. Культура неолита ямочно-гребенчатой керамики на территории Украины (IV–III тыс. до н. э.) не является однородной по своему составу и происхождению. В последнее

время сложилось представление, что конец IV–III тыс. до н. э. – время существования на территории северной и северо-восточной Украины неолита ямочно-гребенчатой керамики – ознаменовался возникновением нескольких типов памятников, сосуществующих длительное время, – Вырчище, Эсмань и Скуносово-Гришевка [Неприна, 1982, с. 13–15].

Памятники типа Вырчище продолжают развитие днепро-донецкой и струмельской культур Волыни, Киевского и Черниговского Поднепровья. Тип Эсмань развивается на базе проникшей еще в развитом неолите среднедонской культуры с накольчатой керамикой, а памятники типа Скуносово-Гришевка представляют собой развитие рязанско-долговской культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, появившейся на северо-востоке Украины из бассейна Верхнего Дона в середине – второй половине IV тыс. до н. э. При наличии большого сходства в производственном и бытовом инвентаре названных памятников, обусловленного обитанием их населения в одной зоне (Лес, Лесостепь) и принадлежностью к одному хозяйственно-культурному типу охотников-рыболовов-собирателей лесной и лесостепной зон, в сменяющих их памятниках типа Марьяновка отмечается наибольшая близость к памятникам типа Вырчище [Неприна, 1982, с. 14–15]. Напомним, что время существования последних нами определялось первой и второй половиной IV тыс. до н. э. [Неприна, 1976, с. 52]. Таким образом, очевиден большой хронологический разрыв между ними. Памятники среднеднепровской культуры, с которыми теперь синхронизируются марьяновские, датированы И. И. Артеменко серединой III – серединой II тыс. до н. э. [Археология УССР, 1985, с. 372–373]. Ниже мы вернемся к этой проблеме, но прежде типологически сопоставим неолитические материалы с находками марьяновского типа.

В настоящее время известны следующие памятники типа Вырчище: само эпонимное поселение в Погореловке с тремя горизонтами, генетически связанными между собой; Гришевка – нижний слой и древнейшее жилище на краю промоины [Неприна, 1976, с. 67–73; 1982, с. 12–13], Волынцево уроч. Городок на Сейме, на поселениях Лисогубовка и Мельня отмечены материалы типа Вырчище в синкретическом сочетании с лисогубовскими; Лукомье – нижний горизонт нижнего неолитического слоя (часть материалов); Бирино-Белая Гора пункт II – кремневый комплекс типа Вырчище; Кременской Бугор–уроч. Обирок – керамика с гребенчатым орнаментом и кремнь, относящиеся к днепро-донецкой культуре Восточной Волыни и Киевско-Черниговского Поднепровья, которые представляют генетическую подоснову культуры памятников типа Вырчище; Горбово – с керамикой переходного вида к типу Вырчище; Лушники – уроч. Борок – с таценки-кудлаевским кремнем и гребенчатой и ямочно-гребенчатой керамикой; Клюсы – с кремнем и керамикой вырчищенского типа; Осьмаки – ямочно-гребенчатая керамика типа Вырчище и Эсмани и накольчатая более древняя керамика; Дубровка – с материалами волынцевского типа, очень близкого к типу Вырчище; Долинское – урочища Круг и Красная Гора – материалы типа Вырчище и типа Эсмань; хут. Таранский – часть комплекса представляет культуру типа Вырчище; Октябрьское; Скуносово – уроч. Рудого – с культурой типа Вырчище-Волынцево вместе с долговской культурой; Козловка – материалы днепро-донецкой культуры конца ее раннего этапа; Бодаква – тип Вырчище-Волынцево и Лукомье верхнего неолитического слоя с ямочно-накольчатой керамикой; Герасимовка – тип Вырчище-Волынцево и нижнего горизонта нижнего слоя Лукомья; Волчанские Хутора – тип Волынцево; Демченково – тип нижнего слоя Лукомья и Вырчище, то же самое – в Радаловке; Комсомольское – небольшая группа керамики типа Вырчище [Неприна, Зализняк, Кротова, 1986, с. 143–213].

В бассейне Верхнего Дона, в Липецкой области, найдены стоянки с материалами, аналогичными типу Вырчище-Волынцево. В Верхнем Подонье керамика этого типа залегает вместе со среднедонской накольчатой керами-

кой, начиная с самых древних горизонтов стоянок – Ярлуковская Протока, Савицкое и т. п. Изучение материалов Верхнедонской экспедиции (руководитель В. П. Левенок) в Липецком музее показало, что эти памятники частично близки памятникам типа Вырчище-Волынцево. Среди подъемного материала некоторых памятников Тамбовской и Пензенской областей также встречаются керамика и кремь, подобные типам Вырчище-Волынцево [Фосс, 1959, с. 11, 13, 30]. Фактически памятники, принадлежащие к культуре типа Вырчище-Волынцево, занимают южную оконечность лесной и лесостепной зоны в междуречье Днепр-Дон-Волга. Носители культуры типа Вырчище-Волынцево взаимодействуют с населением культур типа Эсмань и Долгое, а регион их распространения совпадает с территорией марьяновской культуры в Деснинско-Сейменском бассейне. Самое южное проявление культуры типа Вырчище зафиксировано на Волчьем острове на р. Орель в районе с. Гупаловка.

Для материалов типа Вырчище-Волынцево характерен в целом макролитический кремь, включающий отщеповые округлые, подокруглые и концевые скребки, траншевидные и треугольные топоры, а также кремь тацки-кудлаевского типа с микроостриями, мелкими округлыми скребками и микрорезцами. В лепной округлодонной и остродонной со слабым S-видным профилем керамике преобладает гребенчато-ямочный орнамент с композициями чередующихся рядов ямок и гребенок, покрывающих всю поверхность сосудов. Характерен орнамент на днищах в виде вертикальных рядов горизонтально поставленных оттисков гребенчатого штампа. Другие типы орнамента – ямочный, гребенчатый, скорописно-накольчатый, проглаженно-линейный. Характерной особенностью гребенки является многозубчатость, в отличие от двухзубой и трехзубой гребенки на посуде днепродонецких памятников Поднепровья.

Памятники эсманского типа – это Погореловка-Эсмань, Скуносово-Малый Груд, Малое Устье – урочища Борова и Чистый Десняк, Осьмаки, Пекарево, Долинское – урочища Круг и Красная Гора, Лукомье – верхний неолитический слой, Лушники – уроч. Остров на р. Суле [Неприна, Зализняк, Кротова, 1986, с. 144–213]. Культура типа Эсмани характеризуется ямочно-накольчатой керамикой, которая развивается из накольчатой. Последняя появляется на Левобережной Украине вместе с населением, пришедшим из бассейна Верхнего и Среднего Дона [Неприна, 1982, с. 13–15].

Эсманские памятники сосуществовали в Северо-Восточной Украине с вырчищенскими, кремь их очень близок, но для эсманских характерны небольшие, но массивные желобчатые долота. В керамических комплексах сосуды обоих типов по форме также близки, но орнамент на эсманских ямочно-накольчатый. В системах орнамента отмечается преобладание ямок из наколов, т. е. оттиснутых без скорописной манеры. Обычен орнамент в виде зон из косых строчек ямок, нанесенных в зонах с разным наклоном штампов, по причине чего образуется елочный узор, иногда между зонами имеется разделяющая их, опоясывающая сосуд строчка из ямок-наколов. Время существования памятников типа Эсмани определяется нами второй половиной IV – первой половиной III тыс. до н. э. [Неприна, 1976, с. 52]. В последнее время установлено, что они не только позднее вырчищенских памятников, но и синхронны им [Неприна, 1982, с. 14].

Самый поздний этап неолита на территории северо-востока Украины представлен памятниками типа Скуносово и Гришевки, представляющими собой результат продвижения сюда из бассейна Верхнего Дона племен – носителей культуры рязанско-долговского типа [Березанская, 1975, с. 164; Неприна, 1982, с. 14]. Эта культура с однообразной керамикой, преимущественно с ямочной и ямочно-гребенчатой орнаментацией, сосуды котловидных форм с округлыми или слегка приостренными днищами, ямочный орнамент сплошной или зональный, с очень редко встречающимися гребенчатыми

оттисками в виде разделяющих зоны поясков. По данным поселения Гришевка, культура этого типа в Северной Украине доживает до конца III тыс. до н. э. [Березанская, 1975, с. 166]. В комплексе позднего гришевского жилища встречены сосуды, ямочная орнаментация которых развилась из ямочно-накольчатых композиций, присущих керамике памятников эсманского типа.

Выделяется в рассматриваемом регионе группа памятников типа Максаки, известных в низовьях и среднем течении Десны. Кроме эпонимных Максаков, известны, по разведочным данным, две стоянки: у с. Боровичи, у сел Бирино и Гремяч на оз. Глядин; отмечена группа находок типа Максаки на поселении Мнево-Лес и на известной Марьяновке на Сейме [Неприна, Зализняк, Кротова, 1986, с. 114–213]. Характерной особенностью этого типа культуры является керамика: сосуды с плоскими доньями, с закругленными или воротничковидными венчиками и выпуклыми боками. Орнамент на них гребенчатый – в виде рядов косо поставленного штампа и зигзага из оттисков того же штампа, размещенных по всей поверхности сосудов, а иногда и на днищах. Реминисценции максакской посуды отмечаются в комплексах посуды среднеднепровской культуры в этом регионе.

Как видим, поздненеолитическое время в лесной и лесостепной зонах Украинского Левобережья характеризуется близкими по производственному инвентарю, но с разнотипной керамикой памятниками, относящимися к нескольким культурным типам и различающимся по происхождению. Их развитие осложнялось во второй половине IV тыс. до н. э. воздействием трипольских и среднестоговских племен, а в III тыс. до н. э. – ямных и среднеднепровских.

Теперь обратимся к рассмотрению материалов марьяновского типа. По мнению И. И. Артеменко, эти материалы синхронизируются со среднеднепровской культурой и представляют собой результат ассимиляции неолитических племен населением среднеднепровской культуры, в связи с чем исследователь считает, что нет необходимости выделять марьяновскую культуру, а надо рассматривать ее как часть среднеднепровской культуры [Артеменко, 1977, с. 18]. Можно было бы согласиться с таким истолкованием материалов ранней бронзы северо-востока Украины, если бы марьяновские материалы составляли единый комплекс со среднеднепровскими. Но есть ряд памятников Посеймья, например сама Марьяновка, среди материалов которой типичные среднеднепровские представлены единичными находками керамики, что может быть объяснено культурными контактами синхронных, но разнокультурных явлений. Такое же мнение высказала и С. С. Березанская [1985, с. 397–403]. Как бы то ни было, традиции неолитической культуры с ямочно-гребенчатой керамикой прослеживаются именно в материалах марьяновского типа, а не среднеднепровских.

Сначала обратимся к материалам эпонимного памятника из раскопок И. И. Артеменко в 1978 г. На поселении Марьяновка в это время была заложена траншея на сохранившейся части дюны размерами 50 x 2 м, к траншее в двух местах были прирезаны раскопы для исследования жилищ сосницкой культуры. Общая площадь раскопок составила 250 м².

Слой с культурными остатками ранней бронзы залегал ниже жилищ сосницкой культуры. Он представлен двумя ямами хозяйственного назначения и несколькими скоплениями керамики и кварцитовых изделий.

Производственный инвентарь, который связывают с марьяновской культурой на этом поселении, представлен 17 изделиями из кварцита, 6 растиральныхниками, топором-молотом с перехватом для крепления рукоятки, со шлифованной поверхностью (рис. 1, 5). Кроме того, найдены два точильных камня, два отщеповых траншевидных топора, один из которых с перехватом посередине и выпуклым лезвием (рис. 1, 1, 2), два серпа на крупных и широких

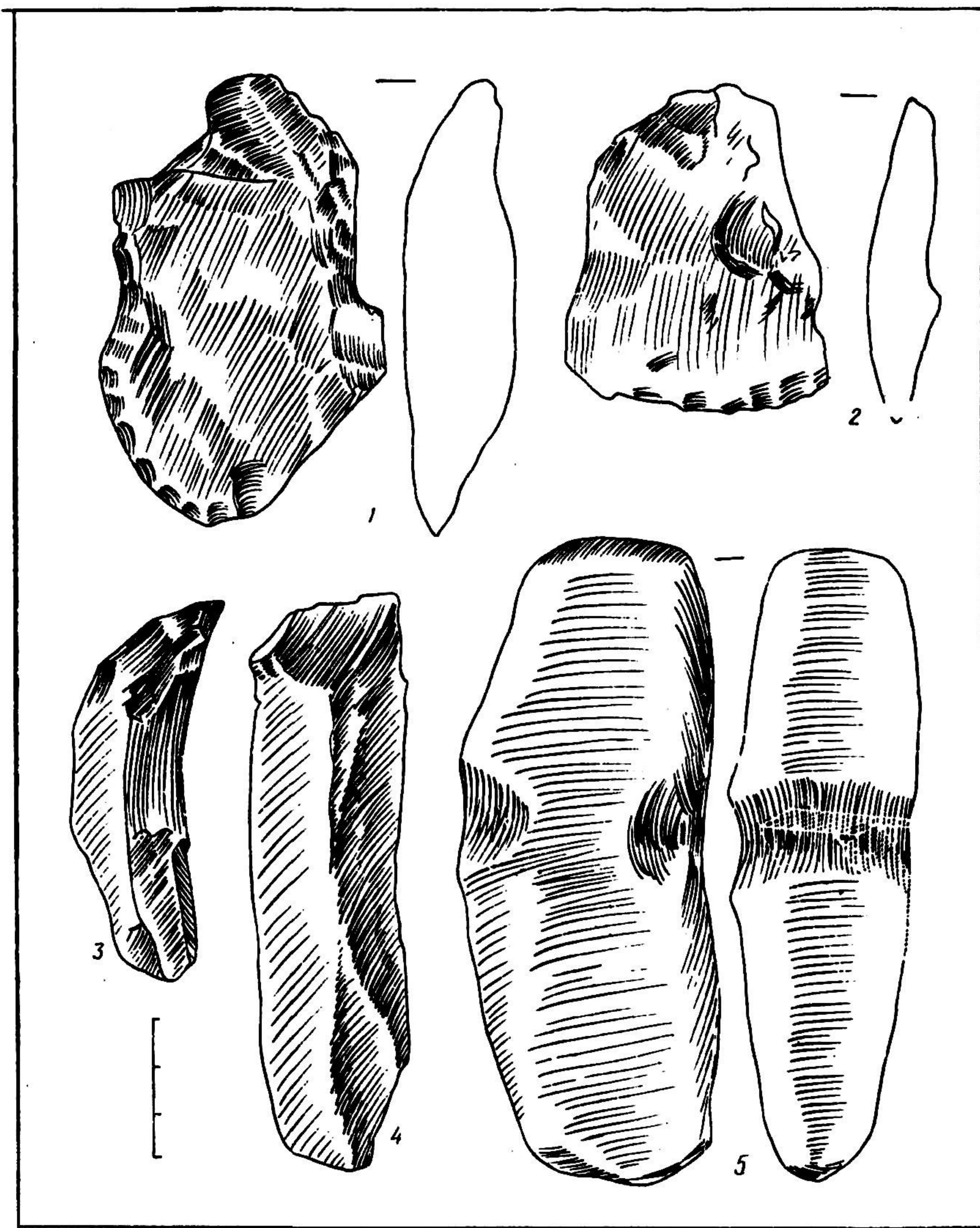

Рис. 1. Марьяновка. Изделия из кварцита

правильных очертаний пластинах (рис. 1, 3, 4), обушковая сломанная пластина с острыми и режущими краями.

К слою ранней бронзы относятся 66 фрагментов сосудов, которые по технологическим особенностям, а именно по составу глиняной массы, могут быть разделены на шесть групп: 1 – с кварцитовым песком и кровавиком (3 экз), 2 – с толченым гранитом (1), 3 – с толченым кварцем (14), 4 – с кварцевым песком и толченым кварцем (24), 5 – с песком и шамотом (2), 6 – с песком и растительностью (22). Поверхность сосудов ровно выглажена, иногда видны очень тонкие расчесы, являющиеся характерной особенностью керамики средней бронзы.

Орнамент – гусеничный, "колючая проволока", "кошачья лапка", многозубчатая гребенка, округлые ямки, цилиндрические в разрезе, ямки поверхностные овальные и ямки из оттисков плоской лопаточки-щепки. Показательны системы орнаментации: вертикально поставленные оттиски палочки, обмотанной шнуром, в опоясывающих сосуд рядах, чередующиеся с рядами ямок из горизонтальных оттисков той же палочки (рис. 2, 1, 2); оттиски вертикальной гусенички в опоясывающих рядах, между которыми иногда поме-

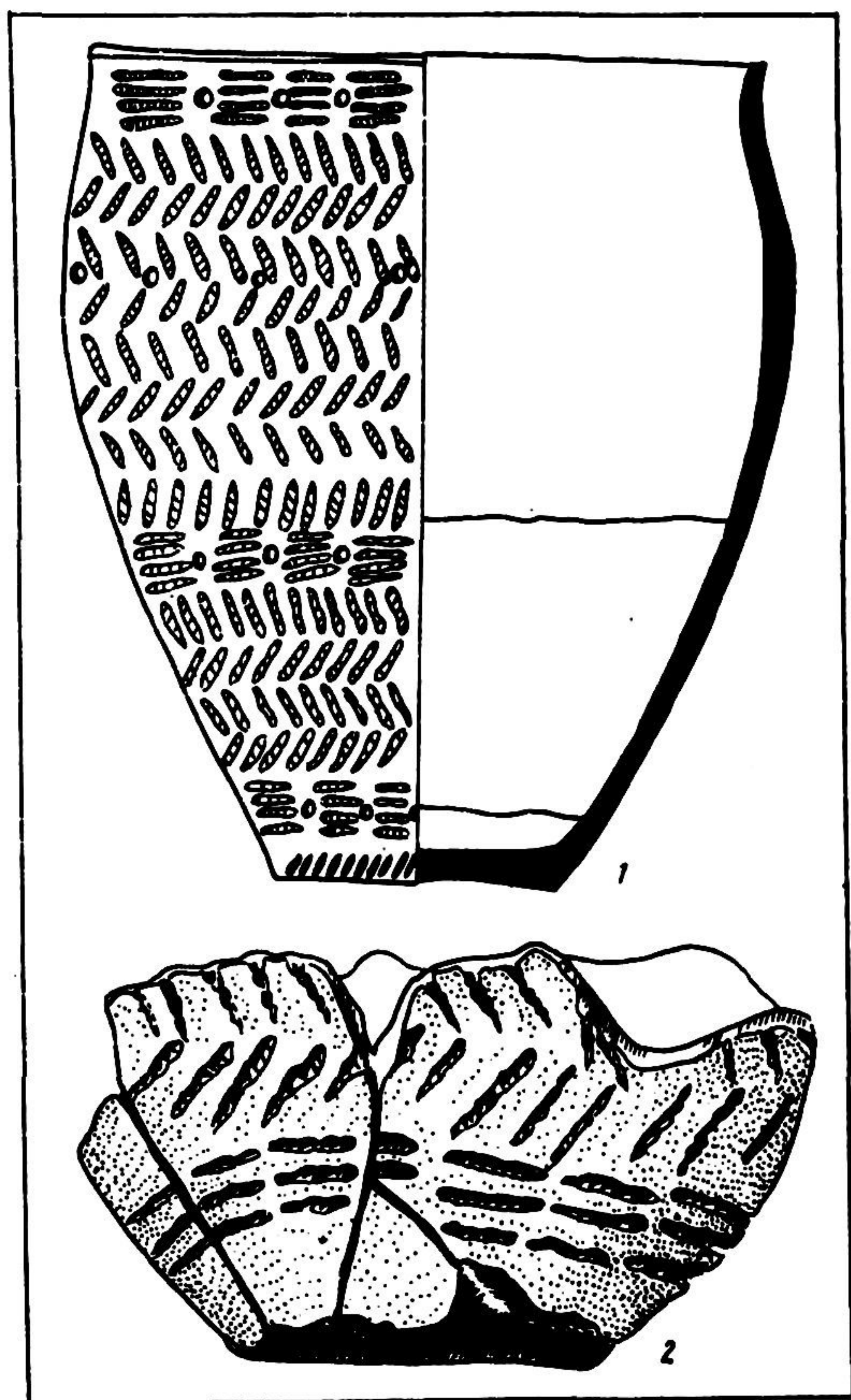

Рис. 2. Марьяновка. Керамика

Интересно количественное сопоставление сосудов с определенными композициями орнаментов: чередование гребенки или "колючей проволоки", размещенной в елочку с рядами ямок между ними (5), гребенка, гусенички и насечки в елочку или в опоясывающих рядах (32) – приемы характерные как для вырчищенской, так и лисогубоской посуды. С эсманским типом орнамента связывают прием размещения орнамента в виде рядов ямок, чередующихся с зонами из косых строчек "кошачьих лапок", оттиснутых в скорописной манере (22%). К типу Максаков (3) восходят узоры вертикально поставленных гусеничек в опоясывающих рядах и зигзагом между ними из такой же гусенички, оттиски шнура и гребенчатого зигзага между линиями шнура, а также воротничковидные венчики с ямочным узором.

Таким образом, проявление черт, присущих памятникам типа Вырчище, Лисогубовки и Эсмани, наиболее полно проявляется как в характерных особенностях керамического комплекса ранней Марьяновки, так и в кварцитовых изделиях, среди которых представлены как древние траншевидные топоры, так и шлифованные изделия нового типа. Отражения керамических традиций памятников типа Максаков в марьяновских – единичны.

Другой памятник, относящийся к марьяновской культуре, – это Волынцево – уроч. Городок. Его раскопали С. С. Березанская и Д. Я. Телегин в 1954 г., первая исследовала слой с остатками эпохи ранней бронзы, а второй – неолита.

Поселение расположено на песчаной дюне, возвышающейся над поймой на высоте 4 м. Культурный слой залегал в основании гумусированного

щается ряд зигзага из отпечатков той же гусенички; многозубчатая гребенка и так называемая колючая проволочка в елочку – это преобладающий мотив узора. Встречены насечки, поставленные вертикально или косо, в опоясывающих рядах по всей поверхности сосудов (рис. 3, 3). Другой, широко распространенный мотив узора – несколько рядов ямок, чередующихся с косыми строчками ямок, нанесенных в скорописной манере (рис. 3, 6). Кроме того, встречаются оттиски шнура в сочетании с гребенчатым зигзагом и пальцевые вмятины (рис. 3, 8).

Перечисленные композиции и элементы узоров присущи посуде всех отмеченных выше типов культуры позднего неолита: Вырчище, Эсмань, Максаки, Лукомье и даже Лисогубовка. Говорить о наличии в рассматриваемом комплексе разновременных групп нет оснований. Объединяющим признаком является одинаковый способ ровного заглаживания поверхностей сосудов специфическими тонкими расчесами, по-видимому, нанесенными щепкой. Этот детальный анализ позволяет увидеть сплав разнокультурных элементов в иное, по сравнению с неолитом, время и в новой культуре.

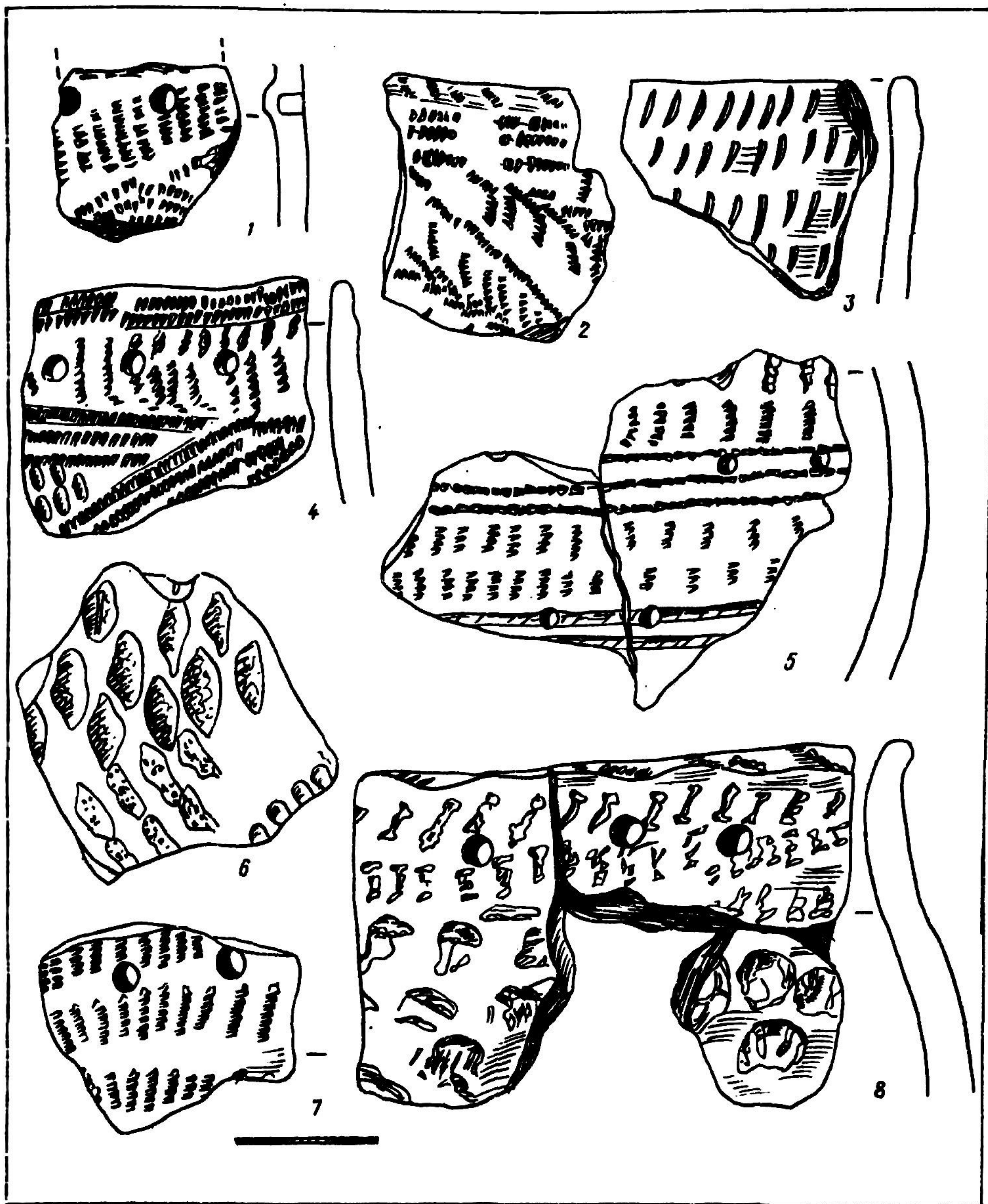

Рис. 3. Марьяновка. Керамика

песка. К верхнему слою относились девять кострищ, сооруженных в ямах диаметром от 0,8 до 1,2 м, глубиной 0,25 – 0,3 м. Вокруг очагов встречались развалы сосудов, кварцитовые и кремневые орудия, некоторые сосуды вкопаны в землю около очагов. С. С. Березанская считает, что здесь было несколько наземных жилищ. Ниже залегали остатки неолитического времени, в некоторых местах это зафиксировано стратиграфически: очаги раннебронзового времени перерезали очаги неолитического времени, к последнему отнесены два очага со скоплениями вокруг них развалов сосудов и производственно-бытового инвентаря [Березанская, Ильинская, 1971, с. 365; Неприна, 1976, с. 73–76].

Кремневые изделия, связанные с остатками ранней бронзы, представлены десятью предметами: крупный пластинчатый нож с краевой ретушью, нож

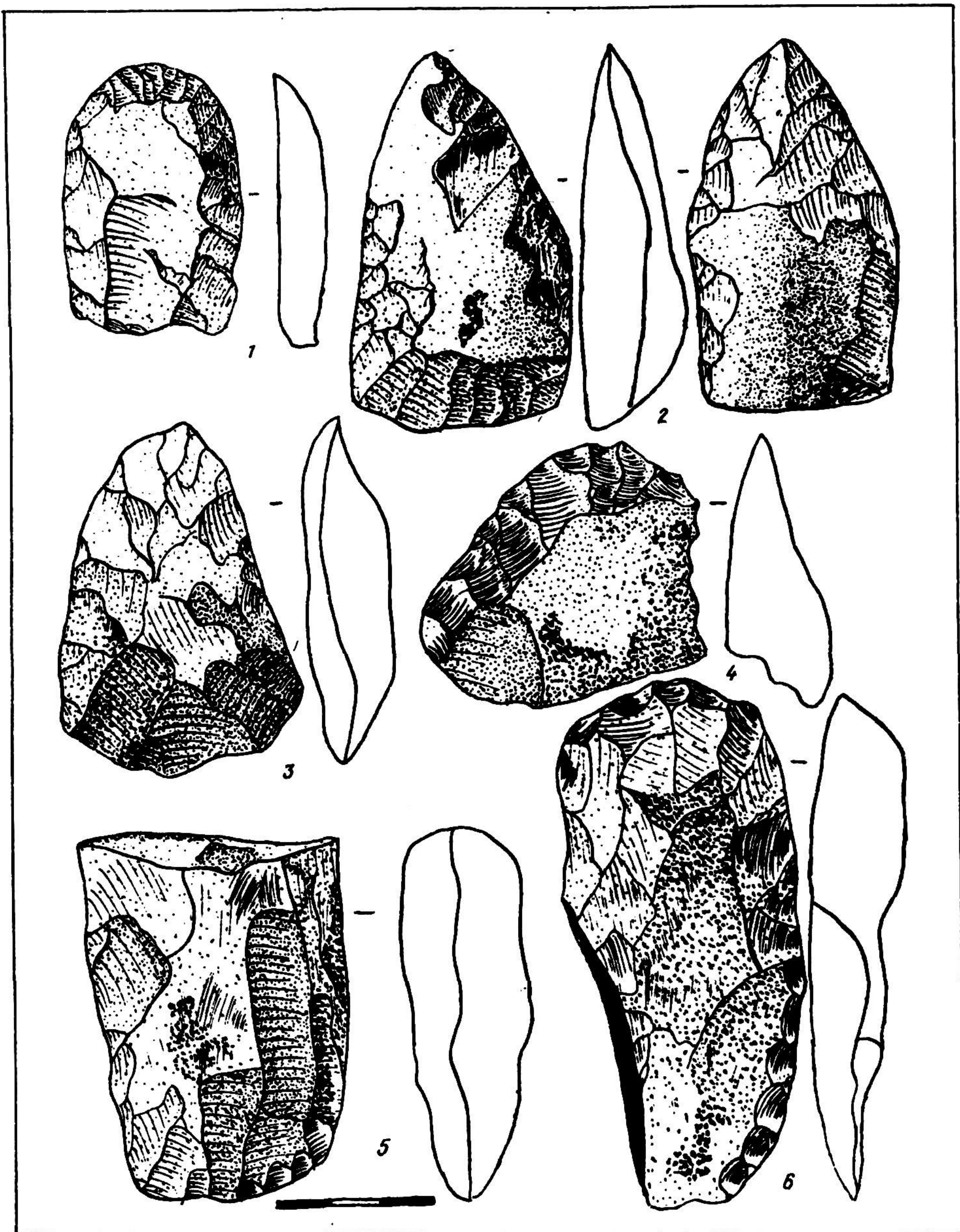

Рис. 4. Волынцево. Изделия из кварцита

обушковый с двусторонней ретушью по лезвию, отбойник свальной формы с двусторонней отеской, отщеповый скребок с рабочим лезвием на конце и на боковой стороне, скребок с режущим краем, долото двусторонне отесанное, плоское, наконечник стрелы ромбовидной формы. Все изделия имеют свои прототипы в неолитических остатках даже этого памятника.

Сравнение кварцитовых изделий обоих слоев особенно показательны. В слое ранней бронзы найдена серия из десяти клиновидных изделий, имеющих массивные обушки и приостренные, слегка дуговидные лезвия (рис. 4, 4, 5); девять треугольной формы топоров, отличающихся заметной стандартизацией формы, размеров и ретуши (рис. 4, 2, 3). Единичны скребки (рис. 4, 1) и режущие орудия, напоминающие обушковые ножи неолитического слоя (рис. 4, 6).

Сопоставление кварцитовых изделий из обоих слоев показывает большую тщательность в изготовлении изделий, относящихся к слою ранней бронзы, их четкую функциональную направленность, стремление к стандартизации форм и систематичности ретуши, особенно это заметно на топорах. Генетическая преемственность между кварцитовыми индустриями неолита и ранней бронзы на примере этих материалов очевидна, что подтверждает высказывание С. С. Березанской относительно рубящих орудий. Наши наблюдения расширяют сравнительные материалы между двумя эпохами, привлекая также обушковые ножи, серпы, клинья.

Керамика ранней бронзы из Волынцево очень близка к керамике Марьяновки, но типологически, по-видимому, несколько древнее ее. Среди сосудов представлены те же плоскодонные горшки с отогнутыми и скошенными наружу краями венчиков, украшенные по всей поверхности оттисками штампа в виде "колючей проволоки" в елочку и рядами ямок [Березанська, Іллінська, 1971, с. 368].

В Волынцево найдено 335 фрагментов стенок, венчиков и днищ лепных сосудов, относящихся к марьяновскому типу керамики. По технологическим особенностям среди этой керамики встречены в основном сосуды из глины с крупнозернистым кварцевым песком в качестве примесей (326 экз.), в одном случае – с мелким песком, мелким песком и половой, кварцевым песком и толченым кварцем. Неолитическая керамика этого памятника изготовлена из глины с примесью крупнозернистого кварцевого песка и растительности, иногда без нее, так что преемственность в технологии налицо. Также показательна орнаментация керамики: оттиски "колючей проволоки", размещенной в елочку, – 120 экз., такого же типа орнамент в сочетании с разделяющими рядами ямок – 100 экз., разреженные оттиски "колючей проволоки" – 100 экз. Штамп "колючая проволока" – это палочка или щепка, обмотанная шнуром, но не плотно, как в случае перевитого шнура, а разрежено, в целом же перевитой шнур и колючая проволока однотипны. Вспомним, что в верхнем горизонте поселения в уроч. Вырчище появляется керамика с ямочным орнаментом, выполненным оттисками палочки, обмотанной шнуром [Неприна, 1976, с. 65]. В ранней бронзе штамп в виде палочки, обмотанной шнуром, заменил многозубчатый гребенчатый штамп, применявшийся для орнаментации неолитической посуды, при этом очевидны однородность изображения и отражения в нем той же символики. Очень показательны единичные виды орнаментов волынцевской керамики ранней бронзы: перевитой шнур в елочку с разделяющими рядами разреженных ямок, вертикальные ряды из горизонтально поставленных оттисков "колючей проволоки", косые строчки из оттисков "колючей проволоки"; оттиски многозубчатой гребенки в елочку, разделенные рядами ямок, пересекающиеся ряды многозубчатой гребенки, ямки из оттисков "кошачьей лапки", ямки в скорописной манере, ямки из оттисков широкой лопаточки. Особо отметим два фрагмента сосудов среднеднепровской культуры, украшенных рядами прямого штампа, как свидетельство контактов со среднеднепровской культурой Поднепровья и Подесенья.

Итак, материалы эпохи ранней бронзы на Волынцевском поселении обнаруживают типологическое и технологическое родство с неолитической керамикой и производственным инвентарем таких памятников, как неолитический слой на самом Волынцево, Вырчище, Скуносовские стоянки, Лукомье обоих неолитических слоев, Комсомольское и т. п.

Следующий памятник, давший материалы марьяновского типа, – это Ивановка, исследованная С. С. Березанской [Березанська, Іллінська, 1971, с. 364]; поселение не получило в литературе полного отражения, поэтому мы также обратимся к его коллекции, хранящейся в фондах Института археологии АН УССР.

Поселение Ивановка расположено на возвышении в пойме левого берега

р. Сейм, в 400 м к югу от восточной окраины села; высота возвышения – 3,2 м над уровнем поймы, площадь распространения находок на распаханной поверхности составляет 280 x 140 м. Д. Я. Телегин, открывший это поселение во время разведки 1953 г., заложил здесь 13 шурфов по центральной части возвышения, с севера на юг и с востока на запад [Телегин, 1953]. В шурфах обнаружена такая стратиграфия:

- 1) гумусированный песок (современная почва) – 0–0,3 м;
- 2) светло-серый песок (подпочва) – 0,3–0,6 м;
- 3) черный песок (погребенная почва) – 0,6–1,2 м;
- 4) светло-желтый песок (подстилающий слой) – 1,2 м и глубже.

В культурном слое поселения (3-й слой) встречались обломки керамики, изделия и отщепы из кварцита, кости животных. В шурфах 5-ом и 9-ом обнаружена яма глубиной до 1,2 м, возможно, являющаяся остатками углубленного жилища. Судя по встречающимся в этой яме характерным тюльпано-видным горшкам, она относится к тшинецкой культуре эпохи средней бронзы. В остальных шурфах найдены материалы культуры марьяновского типа. Среди марьяновских памятников в Посеймье Ивановка наиболее близка к северско-донецким памятникам этого времени.

Производственный инвентарь представлен отходами производства кварцитовых орудий – большим количеством отщепов, обломков и кусков.

Почти все сосуды Ивановки изготовлены из глины с примесью крупнозернистого кварцевого песка, иногда встречается и толченый кварц. Стенки сосудов ровно выглажены, некоторые имеют орнаментальные расчёсы снаружи.

Среди композиций узоров встречены короткие насечки по всей поверхности сосудов, расположенные в елочку, разделяют их ряды ямок, перевитой шнур (18 экз.), перевитой шнур в виде "колючей проволоки" в елочку (19 экз.), перевитой шнур и "колючая проволока" в елочку, и ряды ямок между елками (35 и 12 экз.), опоясывающие ряды косых оттисков перевитого шнура (6 экз.), иногда с ямками (10 экз.). (рис. 5, 3). На одном из фрагментов штамп расположен в виде "колючей проволоки" в горизонтальном направлении, на других – в виде многозубчатой гребенки в елочку (1 экз.) (рис. 5, 2), редких рядов ямок на поверхности сосудов с расчесами (2 экз.) (рис. 5, 1).

Рассмотренные поселения ранней бронзы с культурой марьяновского типа в Посеймье по степени близости к неолитической культуре можно расположить в такой последовательности: Волынцево, Марьяновка, Ивановка. Объем статьи вынуждает нас ограничиться проведенным рассмотрением материалов и остановиться на следующих моментах.

Прежде всего, возникает вопрос о времени существования памятников неолитической эпохи с культурой типа Вырчище-Волынцево. Наиболее длительно бытовал эпонимный памятник в уроч. Вырчище вблизи с. Погореловки на Десне. Здесь культура этого типа прослеживается в трех различающихся по цвету и уровню залегания слоях [Неприна, 1976, с. 49]. Памятник датирован серединой IV тыс. до н. э. на основании находки в нижнем горизонте слоя первой (сверху) погребенной почвы сосуда дошнурового этапа среднестоговской культуры [Неприна, 1976, с. 113–116]. Следовательно, два его нижних слоя относятся к первой половине этого тысячелетия, но нас интересует наиболее поздний слой Вырчища. В связи с необычайной близостью вырчищенских и марьяновских материалов возникает вопрос: существовал ли столь большой хронологический разрыв между этими группами памятников, как это представлялось раньше? Самый поздний горизонт Вырчища представляет собой слой погребенной почвы мощностью до 0,3 м, на накопление которого могло потребоваться длительное время. Наблюдения показали, что в верхнем погребенном почвенном слое залегает ямочная керамика, в орнаментации которой появляются ямки, нанесенные палочкой, обмотанной шнуром, что говорит о сосуществовании этого поселения со

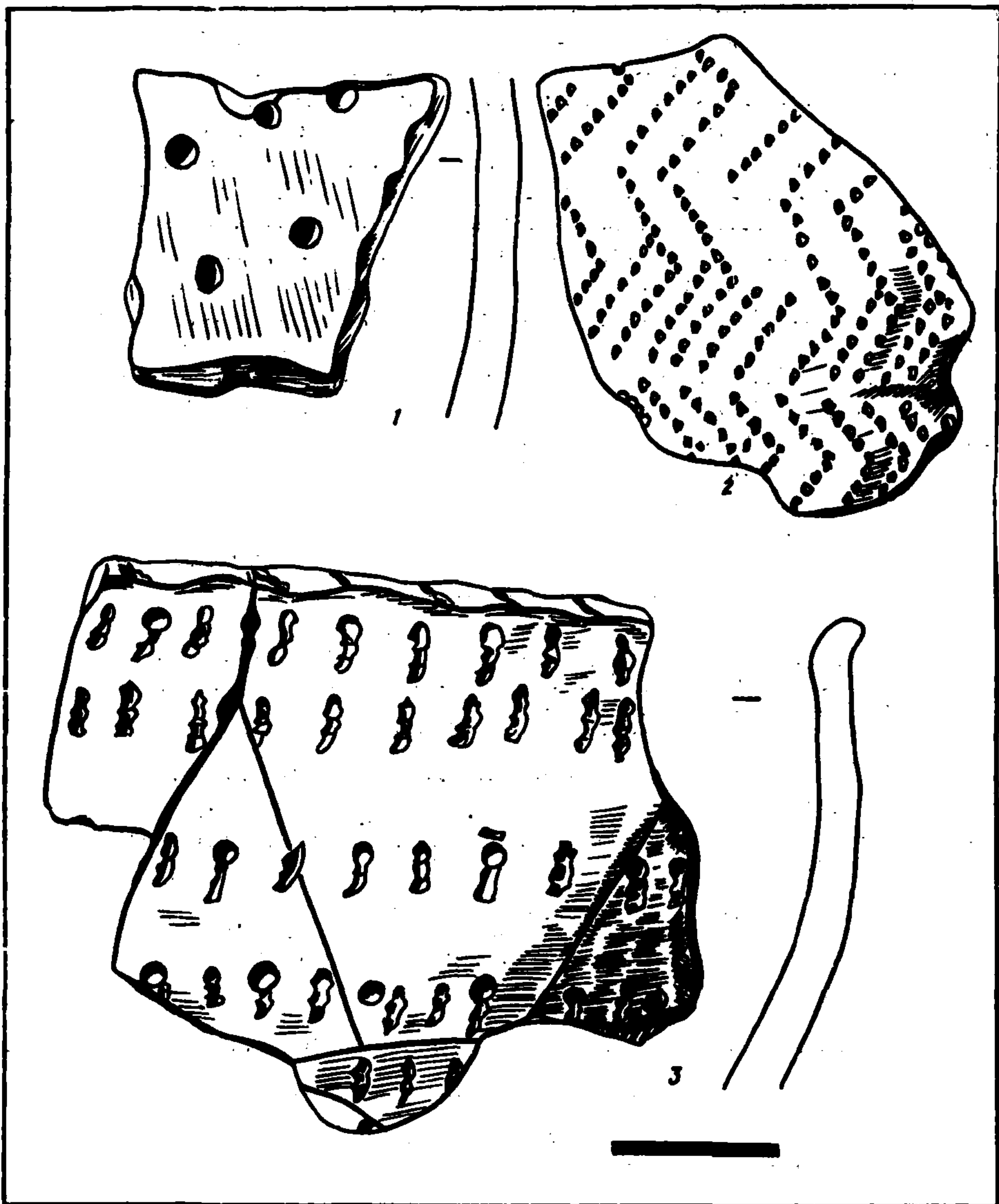

Рис. 5. Ивановка. Керамика

вторым этапом среднестоговской культуры, когда впервые появляется на керамике шнуровой орнамент. Значит, поселение в уроч. Вырчище бытовало и во второй половине IV – середине III тыс. до н. э.

В этой связи необходимо рассмотреть находку типичного среднеднепровского сосуда, орнаментированного оттисками прямого штампа, найденного также в слое погребенной почвы в уроч. Вырчище. Его залегание представлялось тогда обособленным и стратиграфически более поздним. Но в свете новых фактов, видимо, следует предположить, что хронологический разрыв между неолитическими памятниками и памятниками ранней бронзы не был таким длительным, можно даже проследить в дальнейшем их соприкосновение во времени. Среднеднепровская культура в Подесенье на позднем этапе ее развития датируется второй половиной III тыс. до н. э. [Артеменко, 1981].

Важен и хозяйственный аспект этой проблемы. Племена неолитической эпохи в лесной зоне Украины, за исключением лисогубовских, не занимались производящим хозяйством – земледелием и скотоводством, рыболовство и

охота на лесных животных – основа их экономики. По данным С. С. Березанской, в слое ранней бронзы здесь все найденные кости животных принадлежали диким видам. Следовательно, вся система хозяйства марьяновского населения сохраняла уклад жизни, присущий неолитическому населению. Охота на таких животных лесной зоны Украины той эпохи, как лошадь, благородный олень, косуля, медведь, накладывала отпечаток на образ жизни людей, обуславливала их зависимость от образа жизни промысловых животных, что зафиксировано этнографическими данными. По-видимому, с сезонными перекочевками промысловых животных в широтном направлении связаны и остатки кратковременных стоянок неолитического человека, известных в бассейнах таких крупных водных артерий, которыми являются Днепр, Дон и Волга. Показательна и стратиграфия стоянок в этом регионе, фиксирующая пребывание на одних и тех же местах, на возвышениях поймы, населения на различных этапах его развития с различной, но часто генетически связанной между собой культурой, как, например, рассмотренные выше Волинцево, Марьяновка, Ивановка и др. Возникает убеждение, что более углубленные исследования в этой части Украины могут дать непрерывную цепочку в развитии от неолитической культуры к культуре эпохи бронзы, но и рассмотренные отрывочные материалы показывают, что здесь такая культурная непрерывность имела место.

- Артеменко И. И. Археологические исследования в Украинской ССР // СА.—1977.— № 4.— С. 12–29.
 Артеменко И. И., Неприна В. И., Загребельный А. Н. Отчет о работе Среднеднепровской экспедиции 1978 г. // Научный архив Ин-та археологии АН УССР.— 1978/7.
 Березанская С. С. Отчет о раскопках Деснянской экспедиции в 1953 г. // Научный архив ИА АН УССР.— 1957/7.
 Березанська С. С., Іллінська В. А. Мар'янівсько-бондарихинська культура // Археологія Української РСР: В 3 т.— К., 1971.— Т. 1.— С. 363–372.
 Березанская С. С. Северная Украина в эпоху бронзы.— Киев: Наук. думка, 1982.— 209 с.
 Березанская С. С. Памятники марьяновского типа // Археологія Української ССР: В 3 т.— Киев, 1985.— Т. 1.— С. 397–403.
 Березанская С. С. Неолитическая стоянка у хут. Гришевка на Средней Десне // СА.—1975.— № 2.
 Даниленко В. Н. Неолит Украины.— Киев: Наук. думка, 1969.— 258 с.
 Неприна В. И. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине.— Киев: Наук. думка, 1976.— 150 с.
 Неприна В. Т. До вивчення неолітичної доби на території Північно-Східної України // Археологія.— 1982.— 41.— С. 3–15.
 Телегін Д. Я. Деякі підсумки дослідження неоліту України // Вісн. АН УРСР.— 1958.— № 8.— С. 43–53.
 Телегін Д. Я. Отчет о работах Деснянской экспедиции 1953 г. // Научный архив ИА АН УССР, 1953/7.
 Фосс М. Е. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области // КСИИМК.— 1959.— Вып. 75.— С. 17–25.
 Фосс М. Е. Поселение на доне Оземенки // Там же.— С. 4–16.
 Фосс М. Е. Неолитическая стоянка Бисерово Озеро // Там же.— С. 26–39.

Е. Н. ТИТОВА

О КОНТАКТАХ НАСЕЛЕНИЯ КИЕВО-ЧЕРКАССКОЙ И ВУГО-ДНЕСТРОВСКОЙ КУЛЬТУР

В статье рассматриваются некоторые вопросы контактов населения днепро-донецкой этнокультурной общности с племенами буго-днепровской культуры, основные этапы этих связей, прослеживаемых в керамическом производстве; делается попытка определить значение этнокультурных контактов в хозяйственной деятельности рассматриваемых сообществ, их проявления в идеологии днепро-донецкого населения.

В истории человечества этнокультурные контакты сыграли значительную роль. Результатом межэтнических культурных и хозяйственных связей часто было распространение более прогрессивных форм хозяйства, разумеется, при общей готовности общества принять эти новые формы. Такие контакты прослеживаются в позднем мезолите – неолите, когда усиливаются различия в темпах развития населения разных географических зон, регионов, увели-

© Е. Н. Титова, 1990

ISBN 5-12-0015-19-0 Каменный век ..., Киев, 1990

связывается разнообразие хозяйственно-культурных типов, происходит "неолитическая революция", в первую очередь характеризующаяся возникновением и становлением производящих форм хозяйства, расширением территорий, охваченных этим процессом.

В настоящее время уточнены первоначальные ареалы возникновения земледелия и определен период наиболее интенсивного его распространения [Андрианов, 1974]. В раннеолитических культурах Украины зачатки производящего хозяйства относятся ко второй половине VI-V тыс. до н. э. Буго-Днестровская культура, связанная с раннеземледельческими культурами Балкан, имеет много общего со старчевско-керешским комплексом, являясь одним из первых на Украине очагов земледелия [Даниленко, 1969, с. 28].

Исследователи [Телегин, 1968, с. 207-208; Даниленко, 1969, с. 31-34] высказали предположение, что отмеченный в днепро-донецких материалах контакт данного населения с буго-днестровскими племенами мог привести к возникновению под воздействием последних зачатков земледелия, возникновению керамического производства в ареале днепро-донецких культур, то есть послужить одной из причин неолитизации местного позднемезолитического населения.

Любое предположение требует доказательств, и названные авторы предложили их. Они отмечали сходство технологических признаков, отдельных форм, некоторых элементов орнамента ранних днепро-донецких сосудов с определенными типами буго-днестровской посуды развитого периода. А в качестве вывода: "Естественно, что все эти южные элементы культуры на Среднем Днепре не получили бы распространения, если бы у буго-днестровских племен не было бы воспринято главное - само мотыжное земледелие" [Даниленко, 1969, с. 34]. Разделяя данный тезис, хотелось бы привести новые сведения и аргументы, полученные при работе с днепро-донецкими и буго-днестровскими материалами, что будет по возможности сделано в настоящей статье.

В связи с названной проблемой находится ряд других, в частности, вопросы синхронизации рассматриваемых культур, степень и роль контактов между ними на разных этапах из развития и в разных локальных группах днепро-донецкой этнокультурной области, которым уделено значительное место в исследованиях Д. Я. Телегина [1968, с. 191-192; 1978], В. Н. Даниленко [1969, с. 28, 30-36, 189-192 и др.], В. И. Маркевича [1974, с. 134-135, 158-159] и В. Ф. Исаенко [1976, с. 56-57, 109-113, 122-123].

Более подробная историография и взгляды автора по названным проблемам приведены в статье "О связях днепро-донецкой и буго-днестровской неолитических культур" [Титова, 1983], поэтому нет необходимости обращаться к ним снова. В ней даются новые, на наш взгляд, дополняющие ранее известные, факты. Таким образом, считаем эту работу продолжением предыдущей.

Раннеолитические памятники буго-днестровской культуры появляются в конце второй половины VI тыс. до н. э., что совпадает с началом атлантического периода, характеризующегося потеплением климата (среднегодовая температура была на 3° выше современной), увеличением влажности, распространением широколиственных лесов далеко на юг [Долуханов, Хотинский, 1974; Хотинский, 1978; Долуханов, Пашкевич, 1975]. Условия "климатического оптимума" способствовали расцвету хозяйства буго-днестровских племен, наряду с внутренними причинами "свойства географической среды обуславливают собой развитие производительных сил; развитие же производительных сил обуславливает собою развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений..." [Ленин В. И. - Т. 29. - С. 456]. Ранние формы производящей экономики в сочетании с широко развитыми охотой, рыболовством, собирательством явились причиной сравнительно высокого жизненного уровня, значительного прироста населения в развитом периоде культуры. Именно в это время начинаются контакты племен буго-

днепровской культуры и днепро-донецкой этнокультурной области, прослеживаемые в материалах Киевского Поднепровья. Очевидно, какая-то часть избыточного буго-днепровского населения перемещается на более северные, но близкие по климатическим условиям зоны широколиственных лесов территории, распространяя идеи керамического производства и примитивного земледелия. Таким образом, на наш взгляд, имел место экономический фактор – распространение производящей экономики, выделенный Н. Я. Мерпертом во вторую модель миграции в неолите – энеолите [1978, с. 10–12]. Причем требовались внутренняя готовность и желание общества воспринимать новые формы хозяйства [Косарев, 1986].

Как показало исследование материалов Киевского Поднепровья, земледелие здесь проявилось в зачатках и не получило широкого распространения, что, очевидно, связано с отсутствием дефицита биологического баланса, вынуждавшего искать новые источники пищи. Благоприятное для развития лесостепных флоры и фауны соотношение теплообеспеченности и увлажненности климата рассматриваемой территории во второй половине атлантического периода способствовало тому, что охота, собирательство и рыболовство оставались ведущими формами экономики днепро-донецких племен раннего этапа. Мигрировавшее буго-днепровское население почти бесследно растворилось в местной среде [Алексеев, Бромлей, 1968, с. 35–36; Даниленко, 1969, с. 34–36].

Бурный прирост населения в днепро-донецкой среде, вызванный благоприятными условиями для охоты и рыбной ловли, истощающими природные ресурсы, превышал возможность экстенсивного хозяйства обеспечить потребности людей в пище. Это заставило отдельные их группы переселяться на новые земли. Вот почему мог возникнуть обратный процесс миграций части днепро-донецкого населения в конце раннего – начале развитого периода на территории, занятые буго-днепровцами самчинской фазы, приведший к некоторому упадку культуры последних, прослеживаемому не только в материалах Южного Буга, но и на памятниках Поднепровья [Маркевич, 1974, с. 158–159].

Следующим и завершающим для рассматриваемых культур этапом миграций было проникновение части буго-днепровцев в Черкасское Поднепровье, распространение влияния в Надпорожье, возможно, на Северский Донец и Среднее Подонье [Синюк, 1986, с. 153–154]. Здесь имела место первая модель миграции [Мерперт, 1928, с. 10–12]. Однако, судя по материалам, в данном случае она получила более устойчивое проявление в хозяйстве и культуре местных жителей – были созданы синкретические памятники типа Бузьки, утвердились ранние формы производящего хозяйства. Очевидно, произошла взаимоассимиляция пришельцев и аборигенов.

Так в общих чертах мы представляем схему контактов племен днепро-донецкой этнокультурной области и буго-днепровской культуры.

У некоторых исследователей вызывает сомнение тезис о возникновении днепро-донецкого керамического производства под влиянием буго-днепровцев. В поисках более доказательной аргументации данного тезиса было проведено сравнение керамических комплексов ранних памятников Киевского и, в некоторой степени, Черкасского Поднепровья, а также материалов печерской фазы развитого неолита Побужья по основным показателям, характеризующим керамику в целом, а именно: по технологическим признакам изготовления (технические примеси, толщина стенок, качество обжига и обработки поверхности), форме и размерам сосудов, элементам орнаментации и орнаментальным схемам. Для работы использованы коллекции, хранящиеся в научных фондах Института археологии АН УССР: полностью или частично

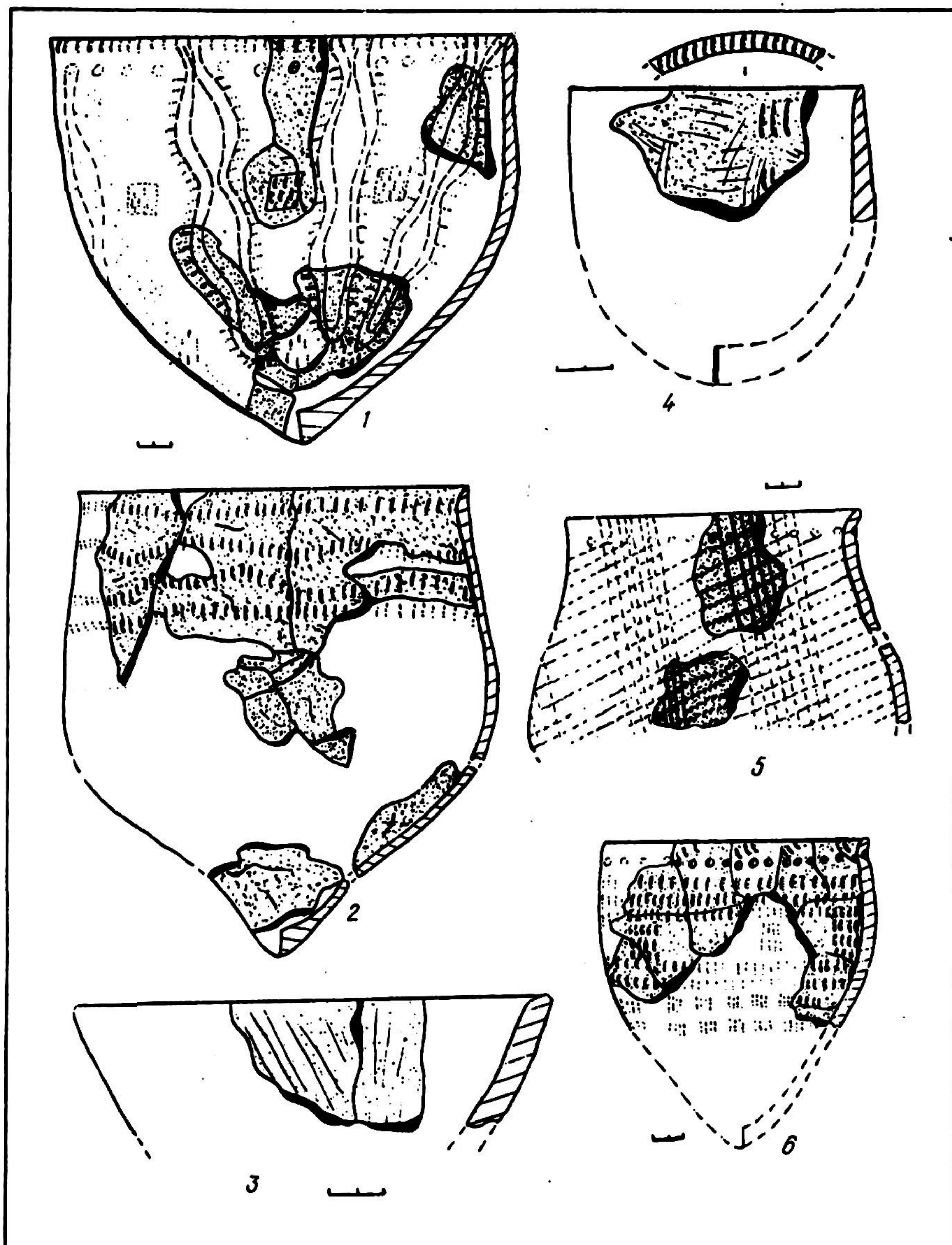

Рис. 1. Ранние формы посуды днепро-днепецкого типа из Киевского Поднепровья. Горшки из Заваловки (1), Гриней (2, 6), Вишенок 2 (5); миски из Виты Литовской (3) и Оболони (4)

реконструированная посуда раннего облика днепро-днепецкого типа* из Заваловки, Гриней, Виты Литовской, Никольской Слободки, Веремеевки, а также наиболее архаичные группы керамики из Вишенок, Успенки, Бузьки, Пищиков и сосуды буго-днепровского типа из Печеры, нижнего слоя Шимановского, Глинского, среднего слоя Митькова о-ва, Заньковцев, Сокольников I, VI, Мельничной Кручи, Гайворона-Полижка.

Ранняя керамика Среднего Поднепровья характеризуется наличием в глиняном тесте примеси крупных волокон растительности, иногда очень малым процентом измельченной раковины, кровавика; слабым обжигом, относительной толстостенностью (1 см толщиной). Выделяются две основ-

* Мы не рассматриваем керамику типа Струмеля-Гастятина, производство которой возникло под буго-днепровским воздействием, так как данные памятники не входят в днепро-днепецкую этнокультурную область.

Таблица 1. Средние показатели форм сосудов ранних типов с неолитических памятников Среднего Поднепровья

№ п/п	Указатели формы							
	№ типа	ФА	ФБ	ФВ	ФГ	ФД	ФЕ	ФЖ
1	1	1,0	—	1,1	—	1,0	0,8	—
2	2	1,1	—	0,9	—	1,1	1,7	—
3	4	1,3	—	0,9	—	1,3	0,5	—
4	4а	1,4	0,2	0,9	1,7	1,4	0,9	0,5
5	4б	1,2	—	0,9	—	1,2	0,6	—
6	4в	1,3	—	0,9	—	1,3	0,4	—
7	4г	1,1	—	0,8	—	1,1	0,5	—
8	5	0,7	—	0,9	—	0,7	1,2	—
9	6	1,1	—	0,9	—	1,1	0,7	—
10	6а	1,0	—	0,9	—	1,0	0,8	—
11	10	0,4	—	—	—	—	—	—

ФА — высотный указатель; ФБ — высотно-горловинный указатель; ФВ — широтно-горловинный указатель; ФГ — указатель профилировки шейки; ФД — высотный указатель тулова; ФЕ — высотный указатель плечика; ФЖ — указатель выпуклости плечика [Генинг, 1973].

Таблица 2. Средние показатели формы сосудов архаического типа печерской фазы буго-днепровской культуры

№ п/п	Указатели формы							
	ФА	ФБ	ФВ	ФГ	ФД	ФЕ	ФЖ	
1	0,9	—	1,0	—	0,9	0,7	—	
2	1,2	—	0,9	—	1,2	0,6	—	
3	0,8	—	1,0	—	0,8	1,2	—	
4	1,0	—	1,0	—	1,0	0,8	—	

слегка отогнутого наружу округлого венчика к острому или округленному днищу. Перегиб тулова слабо выражен, обычно находится в его центральной части или немного выше (Вита Литовская, Никольская Слободка, Веремевка). Миски (5-й тип) небольшие, округлодонные, в форме полуовала, широко открытые, с прямо срезанным или округленным краем венчика, иногда с маленькой закраиной изнутри (Грини, Вита Литовская — рис. 1, 3, 4). Первый, четвертый и пятый типы посуды получают широкое развитие на следующих этапах керамического производства в Среднем Поднепровье (соответственно выделенные автором типы и подтипы 6, 6 а; 4 а — 4 г; 10) (рис. 1, 5, 6)*.

Для всех данных типов посуды посчитаны средние показатели формы (табл. 1), по методике В. Ф. Генинга [1973]. Аналогичная операция проделана с интересующей нас посудой печерской фазы. В названных комплексах отделена керамика, составляющая около 50 % всей посуды, в которой вычленились типы, показатели формы которых близки к указателям формы 1, 4, 5-го типов, а также их дальнейшего развития (табл. 2). Наиболее близкие аналогии имеются 1-му и 5 типам. Это высокие яйцевидные или прямостенные остродонные горшки и округлодонные, в форме полуовала миски (рис. 2, 1–13). Их параметры не дают полного совпадения с днепродонецкими, но отношения размеров приблизительно сходны. Днепродонецкая керамика в целом более архаична, что закономерно для ранней посуды, в ней прослеживаются и некоторые черты сходства с более ранними буго-днепровскими сосудами скибенецкой и соколецкой фаз. Это, очевидно, связано с тем, что данные формы продолжали существовать в керамическом производстве печерской фазы, как и применение в качестве примесей к глине толченых раковин и крупных волокон растительности. Но обжиг и обработка поверхностей данной посуды более совершенны, чем днепродонецкой.

* Всего в посуде Среднего Поднепровья автор выделяет 15 форм и 13 их вариантов.

ные формы посуды: горшок и миска. При этом определяется пять типов и подтипов горшков, наиболее выразительными из них являются 1, 2 и 4 типы: 1) большой (высотой 30–40 см) широко открытый яйцевидный прямостенный остродонный горшок с прямым или слегка отогнутым наружу срезом венчика, являющимся самой широкой частью сосуда. От венчика стенки плавно сужаются к округленному днищу (Заваловка — рис. 1, 1); 2) большой (высотой до 40 см) широко открытый горшок с высокими прямыми, почти цилиндрическими стенками, слегка расширяющимися к нижней трети, а затем резко преломляющимися к острому днищу (иногда сосуды шиподонны). Край венчика округленный, немного отогнутый наружу (Грини — рис. 1, 2); 3) (4-й тип) среднего размера, (высотой до 35 см) прямостенный горшок с плавным переходом стенок от

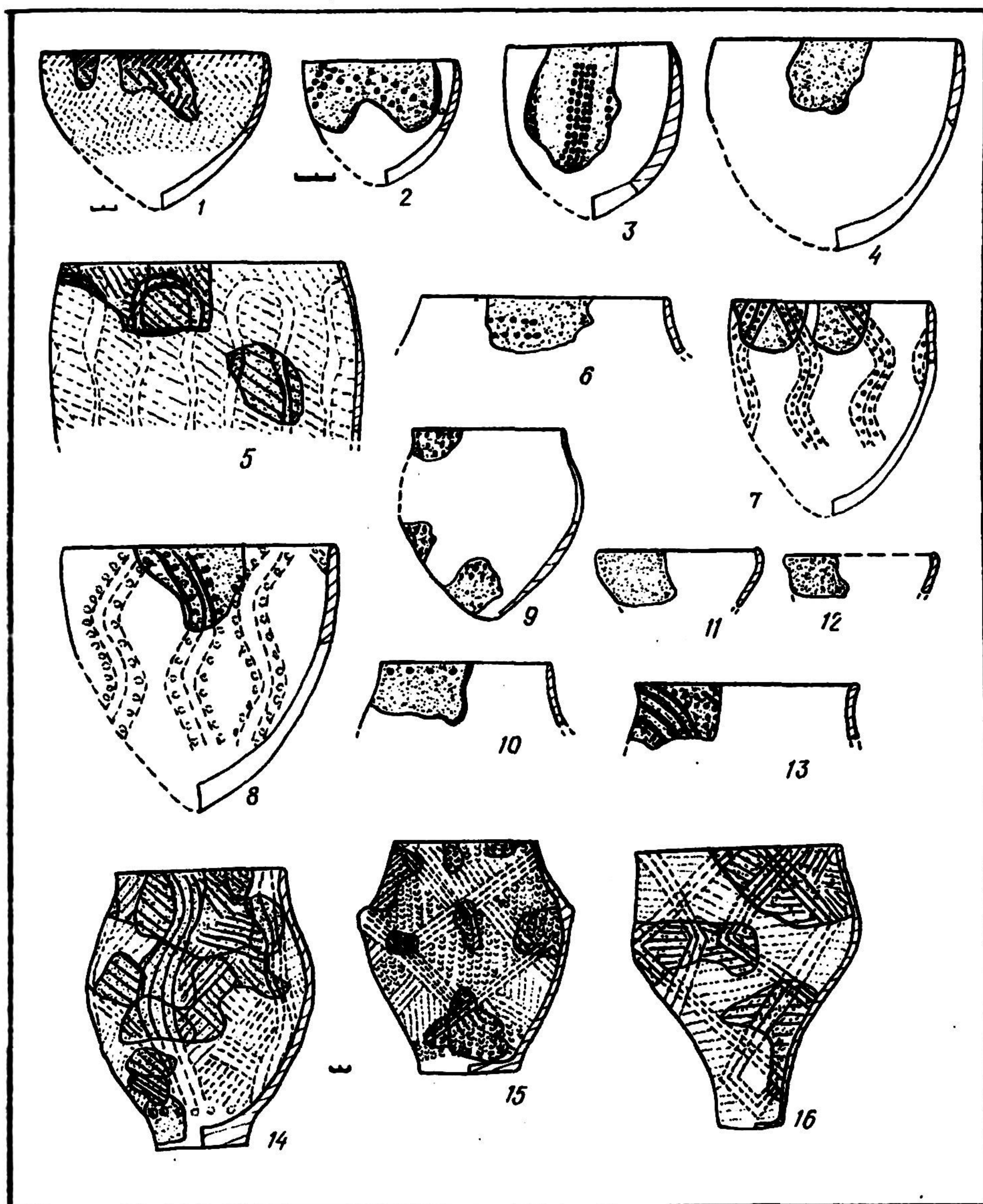

Рис. 2. Керамика буго-днестровской культуры печерской (1-13) и савранской (14-16) фаз из Сокольников VI (1-3), Гавронщины-Полижка (4, 7, 8), Мельничной Кручи (5, 6), Печеры (9, 10), Митькова о-ва (11-13), Миколиной Броярки (16), Сорок II (14) и I (15).
1-13, 16 - по В. Н. Даниленко, 14, 15 - по В. И. Маркевичу

В орнаментации буго-днестровских сосудов преобладают сложные криволинейные ленточные и более простые линейно-геометрические, вертикально-зигзаговые композиции, выполненные проглаживанием и прочерчиванием. Вероятно ни у кого не вызывает сомнения, что сложная трехчленная композиция на горшке из Заваловки аналогична буго-днестровским, особенно широко распространенным в соколецкой фазе, но бытовавшим и в печерской фазе [Даниленко, 1969, с. 84-85] (рис. 1, 1; 2, 5, 7). Криволинейные композиции из вертикально поставленных проглаженных и прочерченных линий преобладают наряду с типичной для днепро-донецкой культуры гребенчатой орнаментацией на ранних сосудах из Гриней, Виты Литовской, Никольской Слободки (рис. 3, 1-4). Это результат взаимодействия с буго-днестровскими племенами.

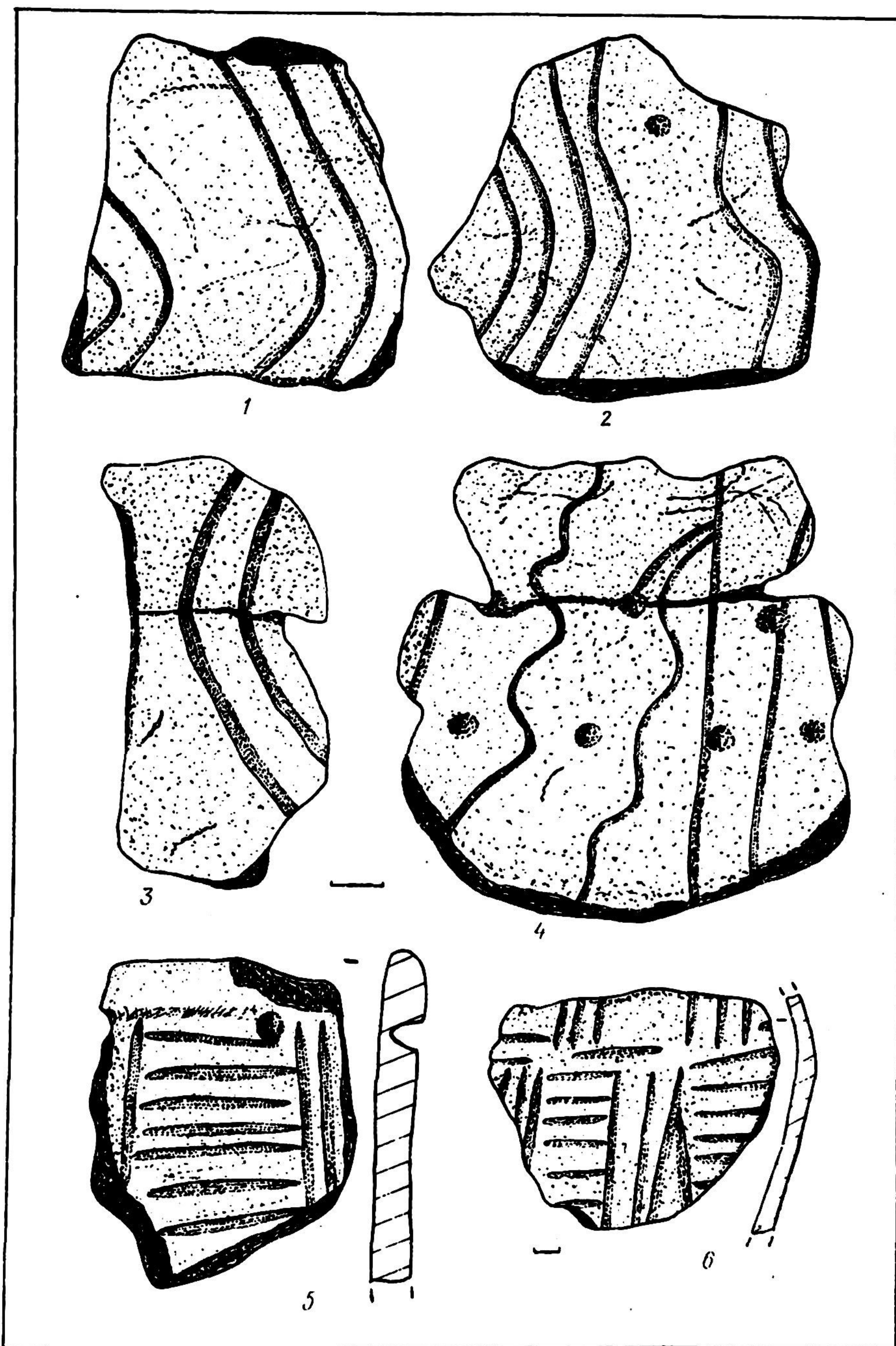

Рис. 3. Керамика днепродонецкого типа из Киевского (1-4) и Черкасского (5-6) Поднепровья.
1-2 - Заваловка, 3-4 - Грини, 5 - Успенка, 6 - Мутыхов

Для более полного рассмотрения материалов мы выделили основные элементы орнаментации и орнаментальные композиции, наиболее часто встречающиеся в украшении буго-днестровской посуды печерской, самчинской и савранской фаз - времени тесных контактов с днепродонецким населением. Были изучены коллекции памятников, относящихся к соот-

Таблица 3. Встречаемость основных элементов орнамента на керамике буго-днепровской культуры (в %)

Фаза	Элементы					
	Линии	Гребенка	Наколы	Ямки	Другие	Неорнаментированная
Печерская	75,5	—	—	17,8	2,8	3,9
Самчинская	63,5	10,9	—	4,1	2,7	18,8
Савранская	60,5	1,3	2,0	2,1	3,0	31,1

Индекс сходства между керамической культур днепро-донецкого ареала и буго-днепровской культуры по элементам орнамента (в %)

Группа памятников	Фаза		
	Печерская	Самчинская	Савранская
Черкасская	38,4	39,9	35,2
Киевская	33,2	40,9	36,8
Надпорожская	—	24,9	17,6
Донецкая	23,2	14,2	14,6
Волынская	11,0	39,3	38,6
Общий индекс сходства керамики буго-днепровской культуры определенной фазы	80,0	89,1	78,3

Таблица 4. Встречаемость основных орнаментальных композиций на керамике буго-днепровской культуры (в %)

Фаза	Мотивы						
	Горизонт. ряды	Вертик. ряды	Волны	"Елка"	"Сетка"	Зоны-углы	Сложные фигуры
Печерская	10,8	49,3	3,8	8,1	10,0	9,7	8,3
Самчинская	7,5	30,1	6,9	18,5	11,3	17,8	7,9
Савранская	14,7	50,7	0,1	9,0	1,6	8,9	15,0

Индексы сходства между керамической культур днепро-донецкого ареала и буго-днепровской культуры по орнаментальным композициям (в %)

Группа памятников	Фаза		
	Печерская	Самчинская	Савранская
Черкасская	43,5	40,7	43,0
Киевская	41,1	34,8	37,9
Надпорожская	—	20,8	28,0
Волынская	10,8	18,8	16,3
Донецкая	10,8	31,7	28,0
Общий индекс сходства керамики буго-днепровской культуры определенной фазы	83,1	79,3	80,1

ответствующим фазам (всего 16 коллекций)*. Определено наличие пяти основных элементов орнамента (линии, гребенка, наколы, ямки и др.) и семи орнаментальных композиций (горизонтальные, вертикальные ряды, волны, "елка", "сетка", зоны-углы, сложные фигуры). Результаты подсчетов вместе с индексами сходства между материалами каждой определенной фазы буго-днепровской культуры приведены в табл. 3 и 4.

По тем же показателям рассмотрены керамические комплексы наиболее крупных памятников различных локальных групп днепро-донецкой археологической области (черкасской, киевской, донецкой, волынской, над-

*Саврань, Шумановское, Заньковцы, Самчинцы, Глинское, Печера, Сокольцы I, II, IV, Бузьки, Мытьков о-в, Шумиловка-Чернятка, Гайворон-Полижок, Владимировка, материалы разведок — НФ ИА АН УССР.

порожской*), синхронных конкретным фазам буго-днестровской культуры, определены индексы их сходства с материалами последних (табл. 3; 4).

По объективным показателям типолого-статистического анализа орнаментации посуды днепро-донецкого типа раннего этапа и печерской фазы буго-днестровской культуры наблюдается относительно высокий индекс сходства между черкасскими, киевскими и буго-днестровскими сосудами — соответственно 38,4–43,5 % и 33,2–41,1 %. Это служит дополнительным доказательством культурных связей их изготовителей.

Таким образом, при относительном сходстве по основным перечисленным параметрам — технологии изготовления, сравнительной близости указателей формы, некоторых элементов и систем орнаментации, сочетающих типичные местные и привнесенные черты, — ранних днепро-донецких сосудов, отличающихся архаизмом, и более совершенных буго-днестровских печерской фазы правомерно говорить о знакомстве, а возможно, и перенятии днепро-донецкими племенами основ керамического производства у носителей буго-днестровской культуры. Но это было не простое копирование, а сознательный, творческий процесс, свидетельством чего является своеобразие, особенно на последующих этапах, типов и орнаментации днепро-донецкой посуды.

Как известно, в раннем неолите Среднего Поднепровья появляются зачатки примитивного земледелия, фиксируемые в основном по наличию отпечатков зерен ячменя и пшеницы на сосудах из Виты Литовской и Никольской Слободки II [Телегин, 1968, с. 207–208; Даниленко, 1969, с. 34]. Достаточно веским аргументом в пользу заимствования у буго-днестровского населения простейшей формы производящего хозяйства и в данном случае связанного с ней керамического производства является символика, запечатленная в орнаментах днепро-донецкой посуды.

В материальной культуре буго-днестровских племен выделяются элементы, позволяющие усматривать наличие раннеземледельческой идеологии. Ромбовидные зернотерки, гальки-подвески с врезными волнообразными линиями исследователи связывают (В. Н. Даниленко, В. И. Маркевич) с культом плодородия, как олицетворяющие великую богиню-мать [Маркевич, 1974, с. 59, 161–162]. Те же элементы наблюдаем в украшении некоторых сосудов, возможно, служивших хранилищами для зерна. Широко распространенные композиции из вертикальных волнообразных линий интерпретируются как символы воды, что подтверждается многими аналогиями [Рыбаков, 1965, с. 29; Амброз, 1965]. Часто вертикальные волны сочетались с ромбовидными композициями, состоявшими из заштрихованных полей, изображавших обработанное поле с бороздами (рис. 2, 14–16). Но "ромбический знак, известный во многих вариантах, выражал земледельческую идею земного, растительного плодородия" [Рыбаков, 1981, с. 92–93].

Обычно с земледельческим культом плодородия связывают ромб с крючками, появляющийся у неолитических культур с ранним производящим хозяйством. Заштрихованный ромб, символизовавший, вероятно, обработанное поле, также трактуется как раннеземледельческий знак. Поэтому в перечисленных композициях на буго-днестровских сосудах следует усматривать проявление идеологии ранних земледельцев, а именно культа плодородия.

Среди ранних сосудов Киевского Поднепровья выделяется горшок из Заваловки, украшенный чрезвычайно сложной зональной композицией. Последняя сочетает композиции из волнистых, вертикальных и образующих ромбы тонких прочерченных линий, отпечатков гребенчатого штампа, опоясы-

* Бузьки, Мутьки, Пищики, Успенка, Деревка, Грини, Вита Литовская, Никольская Слободка II, Вишенки; Бондариха 2, Устье Оскола 1, 2, Александрия; Тетеревское, Моства; Собачки, Вовниги, Никольское.

яющих волнистые фигуры, заполняющих ромбы, расположенных в один горизонтальный ряд под срезом венчика, складывающихся в треугольники в придонной части, а также горизонтального ряда под рядом гребенчатых оттисков слегка продолговатых ямок (рис. 1,1). Такая сложная орнаментальная система, аналогии которой трактуются исследователями буго-днестровской культуры как раннеземледельческая символика, наводит на мысль, что в данном случае это не просто украшение сосуда, а орнаментация со сложной смысловой нагрузкой, причем выполненная не буго-днестровцами, а местным населением. В пользу этого свидетельствует применение отпечатков гребенчатого штампа, ямок под срезом венчика, то есть не простое копирование, а осмысленный процесс формирования новой идеологии, основанный на распространении зачатков производящего хозяйства.

Предварительно орнамент из Заваловки следует рассматривать как изображение обработанного поля (ромбы, возможно, треугольники, заполненные оттисками гребенчатого штампа), символизирующего великую богиню-мать, и небесной влаги (вертикальные волнистые фигуры) в виде змей, соединяющих небо и землю. Ямки на горшке из Сорок П В. И. Маркевич трактует как зерна, брошенные в почву [1974, с. 162]. Может быть, на сосуде из Заваловки ямки также изображают зерна. Данный горшок могли использовать и в культовых целях, и для хранения зерна. Нам кажется, что появление керамики с достаточно ярко выраженной раннеземледельческой символикой является веским аргументом как в пользу вывода о наличии зачатков производящего хозяйства у местного днепро-донецкого населения, так и тезиса о формировании керамического производства и примитивного земледелия под воздействием буго-днестровцев.

К сожалению, в других ранних материалах Киевщины отсутствуют подобные описанным сложные композиции, но имеются отдельные элементы, которые предположительно можно интерпретировать как раннеземледельческие символы. Это всевозможные волнообразные схемы из прочерченных линий (рис. 3, 1-4). Однако преобладающими вплоть до развитого неолита здесь остаются простые горизонтальные композиции из гребенчатых штампов. В связи с другими фактами (соответствующим набором производственного инвентаря, почти полным отсутствием находок культурных знаков) это может свидетельствовать о затухании навыков примитивного земледелия на данной территории. То есть потребность в пище днепро-донецкие племена раннего этапа могли практически полностью удовлетворять за счет ведущих форм присваивающего хозяйства – охоты, рыболовства, собирательства.

Только на развитом этапе производящая экономика получает более интенсивное развитие. Среди орудий труда днепро-донецких памятников этого времени выявлены ножи-серпы с заполированной по лезвию, роговые мотыги для обработки земли (например, Бузьки, Вишенки) [Телегин, 1968, с. 207-210]. Кости домашних быка и свиньи определены в фаунистических остатках из Бузьков (зачатки примитивного скотоводства имелись в Надпорожье еще на раннем этапе – Игрень 8, слой Д1, Собачки, Средний Стог). Есть данные о развитии земледелия и скотоводства на Волини (материалы Г. В. Охрименко), в Припятском Полесье [Исаенко, 1976, с. 121-123]. Производящие формы хозяйства, очевидно, начинают занимать более прочное положение в экономике днепро-донецких племен.

В начале развитого этапа вновь усиливаются контакты с буго-днестровским населением. Это не значит, что именно оно интенсифицировало процесс распространения земледелия и скотоводства на днепро-донецких территориях. Но миграция буго-днестровцев в Поднепровье наложила отпечаток на культуру местного населения, вероятно, и на хозяйство. Одним из свидетельств этого, кроме всех прочих данных являются высокие индексы сходства между керамикой черкасской, киевской групп памятников и буго-днестровской культуры самчинской, савранской фаз по элементам орнаментации и

орнаментальным композициям (табл. 3; 4). Увеличиваются индексы сходства с посудой волынской и надпорожской групп (там же). Очевидно контакты становятся более активными. Прямые аналогии по формам, орнаментации, примесям к глине между посудой двух исследуемых общностей рассматриваемого периода достаточно хорошо известны специалистам, поэтому нет необходимости обращаться к ним вновь.

В данном случае хотелось бы остановиться на относительно широко распространенных, в первую очередь на сосудах из Черкасского Поднепровья, орнаментальных композициях, состоящих из сложных геометрических зон, образованных проглаженными, прочерченными линиями, разнообразными, чаще других треугольными скорописными, наколами (рис. 3, 5, 6). Это так называемые паркетные зоны, составляющие более 10 % всех орнаментальных схем, украшающих посуду Среднего Поднепровья. Не беремся говорить об их смысловой нагрузке с такой определенностью, как о композиции из Заваловки. Однако сходные изображения на сосудах буго-днестровской культуры интерпретируются как воспроизводящие обработанные поля [Маркевич, 1974, с. 162] и связываются с раннеземледельческим культом плодородия (рис. 2, 15).

Действительно, наблюдения исследователей над развитием орнаментальных схем в днепро-донецком ареале показали, что усложнение их, появление геометрической зональности вместо простейших горизонтальных и вертикальных композиций чаще всего связано с развитием производящих форм хозяйства, то есть с изменением идеологических и эстетических представлений. Например, В. Ф. Исаенко зафиксировал в материалах восточнополесской группы памятников днепро-донецкой этнокультурной области зачатки земледелия и скотоводства и вместе с тем широкое распространение в украшении сосудов сочетаний треугольников, ромбических, прямоугольных зон. На горшке из поселения Добрый Бор, где определены кости домашних быка, козы-овцы, изображен ромб с крючками – раннеземледельческий культовый символ [1976, с. 122–123]. Аналогичная ситуация отмечена в Поднепровье. Поэтому с большими оговорками можно предполагать зарождение в днепро-донецкой среде раннеземледельческого культа плодородия, возможно, в результате взаимодействия с буго-днестровским населением.

Определяемые контакты между племенами буго-днестровской культуры и днепро-донецкой этнокультурной области позволяют синхронизировать и датировать некоторые памятники. По радиоуглеродным датам для поселения Сороки днестровского варианта буго-днестровской культуры соколецкая фаза, в конце которой начинается первая волна взаимодействия, датируется серединой – началом второй половины V тыс. до н. э. [Маркевич, 1974, с. 137–140]. Памятники печерской фазы буго-днестровской культуры и раннего этапа днепро-донецкого неолита существовали во второй половине V тыс. до н. э. [Телегин, 1978, с. 46–47]. Время расширения влияния днепро-донецкого населения на значительные территории, в том числе и в буго-днестровский ареал, отмеченное в материалах самчинской фазы, приходится на рубеж V–IV тыс. до н. э. Обратный процесс – продвижение части буго-днестровского населения савранской фазы в Поднепровье и возникновение там синкретических поселений типа Бузьки – происходил в первой четверти IV тыс. до н. э. – во втором подпериоде днепро-донецкого неолита. Следовательно, культурные связи рассматриваемых общностей имели место приблизительно в течение 700 лет и играли существенное значение в их истории, проявляясь в этнических процессах, хозяйственной деятельности и в идеологии.

Ленин В. И. Философские тетради. Замечания на кн. Г. В. Плеханова "Основные вопросы марксизма" // Полн. собр. соч. – Т. 29. – 620 с.

Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. – 1968. – № 2. – С. 35–45.

- Амброз А. К. Раннеземледельческий культовый символ ("ромб с крючками") // СА.— 1965.— № 3.— С. 14—27.
- Андрианов Б. В. Географическая среда и проблема зарождения земледелия // Первобытный человек и природная среда.— М., 1974.— С. 217—225.
- Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА.— 1973.— № 1.— С. 114—135.
- Даниленко В. Н. Неолит Украины.— Киев: Наук. думка, 1969.— 260 с.
- Долуханов П. М., Хотинский Н. А. Палеогеографические рубежи голоцена и мезо-неолитическая история Европы // Первобытный человек и природная среда.— М., 1974.— С. 211—216.
- Долуханов П. М., Пашкевич Г. А. Палеогеография поселений верхнего палеолита, мезолита и неолита Украины по палинологическим данным // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. конф.— Киев, 1975.— Ч. 1.— С. 18—19.
- Исаенко В. Ф. Неолит Припятского Полесья.— Минск: Наука и техника, 1976.— 128 с.
- Косарев М. Ф. Экологические аспекты археологического исследования (по западносибирским материалам) // Палеоэкономика Сибири.— Новосибирск, 1986.— С. 3—11.
- Маркевич В. И. Буго-днестровская культура на территории Молдавии.— Кишинев: Штиинца, 1974.— 176 с.
- Мерперт Н. Я. Миграции в эпоху неолита и энеолита // СА.— 1978.— № 3.— С. 9—27.
- Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита. // Там же.— 1965.— № 1.— С. 24—47.
- Рыбаков Б. А. Язычество древних славян.— М.: Наука, 1981.— 608 с.
- Синюк А. Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита.— Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986.
- Телегин Д. Я. Днепро-донецкая культура.— Киев: Наук. думка, 1968.— 260 с.
- Телегин Д. Я. Вопросы хронологии и периодизации неолита Украины // КСИА.— 1978.— Вып. 153.— С. 46—48.
- Титоза Е. Н. О связях днепро-донецкой и буго-днестровской неолитических культур // Древности степного Поднепровья.— Днепропетровск, 1983.— С. 33—39.
- Хотинский Н. А. Палеогеографические основы датировки и периодизации неолита европейской части СССР // КСИА.— 1978.— Вып. 153.— С. 7—14.

Н. С. КОТОВА

К ПРОБЛЕМЕ КОНТАКТОВ АЗОВО-ДНЕПРОВСКОЙ И ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ КУЛЬТУР

В статье проводится разграничение культур азово-днепровской и днепро-донецкой, а также рассматриваются материалы, свидетельствующие о контактах между ними. Азово-днепровская культура отнесена к мариупольской культурно-исторической области.

Материалы азово-днепровской культуры Надпорожья выделены в особую культурную группу В. Н. Даниленко. В рамках данной раннеэнеолитической культуры он объединил могильники типа Никольского, Вовнижских 1 и 2, а также стоянки Собачки, Вовнижские право- и левобережную, Вовчок и др. Выделение этих памятников из днепро-донецких в особую культуру и отнесение ее к мариупольской культурно-исторической области признается в настоящее время целым рядом исследователей [Васильев, 1979; Мерперт, 1980; Васильев, Синюк, 1985].

По мнению В. Н. Даниленко, носители азово-днепровской культуры появились в Надпорожье в первой половине IV тыс. до н. э. и существовали здесь до ассимиляции их пришлым населением. Исследователь охарактеризовал два периода в развитии азово-днепровской культуры. Опираясь на комплекс кремневых изделий и исходя из того, что в трипольском ареале переход от микролитического инвентаря к обычному произошел в первой половине IV тыс. до н. э., он этим же временем датирует переход от первого периода азово-днепровской культуры ко второму, так как в ее материалах фиксируется аналогичное укрупнение кремня [1974, с. 39]. Контакты азово-днепровского и днепро-донецкого населения В. Н. Даниленко фактически не рассматривал, лишь отметил, что в Надпорожье носители азово-днепровской культуры появились во время бузьковской фазы днепро-донецкой. Однако, по мнению автора, все известные в настоящее время азово-днепровские материалы I периода синхронны заключительной ошитковской фазе днепро-донецкой культуры [1969, с. 192].

В. Н. Даниленко выделил в особый тип памятники с материалами, близкими Веревкинским хуторам 14, которые с одной стороны, имеют ряд признаков азово-днепровского ареала, а с другой – обнаруживают черты культурных контактов с днепро-донецкой и поздней буго-днестровской культурами [1974, с. 39].

Д. Я. Телегин, анализируя неолитические материалы Поднепровья, отнес памятники азово-днепровской культуры ко второму периоду надпорожско-приазовского варианта днепро-донецкой. На основании орнаментации и форм сосудов автор синхронизирует их со вторым периодом черкасского варианта этой же культуры, материалы которого наиболее полно представлены в коллекциях стоянок Бузьки и Успенка [1968, с. 63–84].

Таким образом, исследователи, отмечая существование контактов азово-днепровского и днепро-донецкого населения, не рассматривали их проявления в археологическом материале. Вместе с тем керамические коллекции памятников предоставляют данные о взаимовлияниях гончарных традиций этих культур.

Основной территорией азово-днепровской культуры являлось Надпорожье. Отдельные ее памятники известны в Степном Крыму (Фронтное и Долинка) и в Приазовье (поселение 1 у Каменной могилы). В послевоенные годы стоянки практически не исследовались. Наиболее полно сохранились коллекции стоянок Собачки, Вовчок, Вовниги – право- и левобережной. Для керамики ранней азово-днепровской культуры характерна в глине примесь песка в сочетании с растительными остатками, следы которых, образовавшиеся при выгорании, видны на поверхности. Незначительная часть посуды (10 %) имела примесь песка (процентные данные приведены по материалам стоянки Вовчок). Сосуды орнаментированы оттисками гребенчатых штампов. Преобладают (60 %) оттиски коротких штампов, образующие горизонтальные ряды, разделенные гребенчатым зигзагом или горизонтальными линиями, реже "елочку". Около 20 % керамики орнаментировано оттисками длинных гребенчатых штампов (более восьми зубцов) в виде "елочки" и угловых композиций. Менее распространена орнаментация гребенчатыми штампами средней величины (11 %), образующими "елочку", иногда горизонтальные ряды. Одиночные фрагменты орнаментированы рядами "шагающей гребенки" и ленточными композициями. Ленты ограничены прочерченными линиями и заполнены гребенчатыми оттисками. У большинства сосудов орнаментированы внутренняя сторона венчика и плоское дно. Посуда представлена плоскодонными округлотелыми формами с профилированным или непрофилированным верхом. Венчики 56 % всех сосудов оформлены в виде воротничка. Среди них преобладают профилированные сосуды с валиковидным воротничком. В группе керамики без воротничка наибольшее распространение имели непрофилированные сосуды (40 %). Венчик большинства из них косо срезан и утолщен изнутри.

Переходя к рассмотрению влияния ранних азово-днепровских гончарных традиций на днепро-донецкие, необходимо определить, что понимается под днепро-донецкой культурой. Из многочисленных точек зрения по данному вопросу наиболее обоснованной представляется точка зрения В. Н. Даниленко, который отнес к днепро-донецким неолитические памятники юга Белоруссии, бассейнов Припяти и Десны, Среднего Днепра, Верхнего и Среднего Северского Донца. Исследователь выделил в развитии культуры три периода и шесть фаз. В связи с контактами носителей ранней азово-днепровской и днепро-донецкой культур нас интересуют весь второй период и шестая фаза третьего периода.

Второй период в развитии днепро-донецкой культуры В. Н. Даниленко называет собственно днепро-донецким. Типичной керамикой для него являются приземистые остродонные, бокастые горшки со стянутой верхней частью, толстостенные, с определенной долей растительной примеси в глине,

иногда в сочетании с песком, орнаментированные оттисками короткого гребенчатого штампа, образующего горизонтальные и вертикальные ряды, редко "елочку". На ряде сосудов гребенчатая орнаментация сочетается с прочерченными линиями в виде "елочки" и сетки.

Шестую фазу третьего периода культуры В. Н. Даниленко назвал бузьковской по стоянке Бузьки, исследованной в 1957 г. Д. Я. Телегиным. Стоянка расположена на левом берегу Днепра в Золотоношском районе Черкасской области. Основными формами керамики этой фазы являются остродонные горшки S-видного профиля и плоскодонные реберчатые сосуды с высоким воронковидным низом. В орнаментации преобладают оттиски коротких гребенчатых штампов, образующих горизонтальные и вертикальные ряды, редко встречаются наколы и прочерченные линии. Венчик днепро-донецкой посуды овальный или прямо срезанный, по толщине он равен стенкам. Плоскодонная реберчатая форма сосудов вместе с проглаженно-линейной орнаментацией, растительной и графитной смесью в глине возникла, как считал В. Н. Даниленко, под влиянием гончарных традиций буго-днестровской культуры [1969, с. 191]. Д. Я. Телегин и Е. Н. Титова также оценивают материалы стоянки Бузьки как днепро-донецкие со значительным буго-днестровским компонентом [Титова, 1983, с. 36; Телегин, 1985, с. 169].

Группа днепро-донецкой керамики с чертами азово-днепровских гончарных традиций представлена в коллекции стоянки Бузьки незначительным количеством фрагментов. Эти сосуды изготовлялись из глины с обычной как для днепро-донецкой, так и азово-днепровской керамики примесью в глине песка в сочетании с растительностью. Внутренняя поверхность фрагментов характеризуется горизонтальной штриховкой, часто с последующим заглаживанием поверх нее. Сосуды имеют округлое тулово и диаметр венчика 20 см. С азово-днепровской керамикой эти фрагменты объединяет оформление венчика воротничком или косым срезом внутрь и легким отгибом края наружу. Но назвать собственно азово-днепровским это оформление нельзя в силу ряда особенностей: плоский воротничок рассматриваемых сосудов имеет прямо, а не косо (как у азово-днепровской керамики) срезанный край, воротничковое утолщение превышает толщину стенок, у сосудов без воротничка их косо срезанный край фактически не утолщен изнутри (утолщение типично для азово-днепровских фрагментов), срез сделан на обычном для днепро-донецкой керамики крае, по толщине не превышающем стенок. Фрагменты двух сосудов орнаментированы горизонтальными рядами оттисков короткого (четыре зубца) гребенчатого штампа, близкого по длине и ширине азово-днепровским. Для коротких штампов азово-днепровской керамики характерна длина около 12–15 мм, ширина 1,5–3 мм, глубокий оттиск (рис. 1, 2, 5), в отличие от днепро-донецких, длина которых редко превышает 10 мм, ширина 1,5 мм, а оттиск в большинстве случаев сделан со слабым нажимом (рис. 1, 3, 4, 6). На двух рассматриваемых сосудах ряды оттисков разделены изгибом, выполненным длинным (более шести зубцов), в одном случае изогнутым, штампом (рис. 2, 4, 6). Преобладающей орнаментацией является горизонтальная "елочка", сделанная длинным или средним гребенчатым штампом, иногда с узким "шагом" (рис. 2, 1, 2, 3, 5). Внутренний срез венчика также имеет гребенчатый орнамент. Названные орнаментальные черты характерны для азово-днепровской керамики и нетипичны для днепро-донецкой. На шейке описываемых сосудов обычен ряд ямок, широко распространенный в керамике днепро-донецкой культуры.

Керамика смешанного облика обнаружена и на стоянке Успенка в Онуфьевском районе Кировоградской области. Стоянка раскопана в 1961 г. Д. Я. Телегиным и В. В. Скибой. Нижний слой памятника относится к днепро-донецкой культуре, имеющей значительный буго-днестровский компонент [Титова, 1983, с. 36]. Интересующая нас группа керамики немногочисленна. Один из фрагментов, орнаментированный гребенчатым штампом, отличается

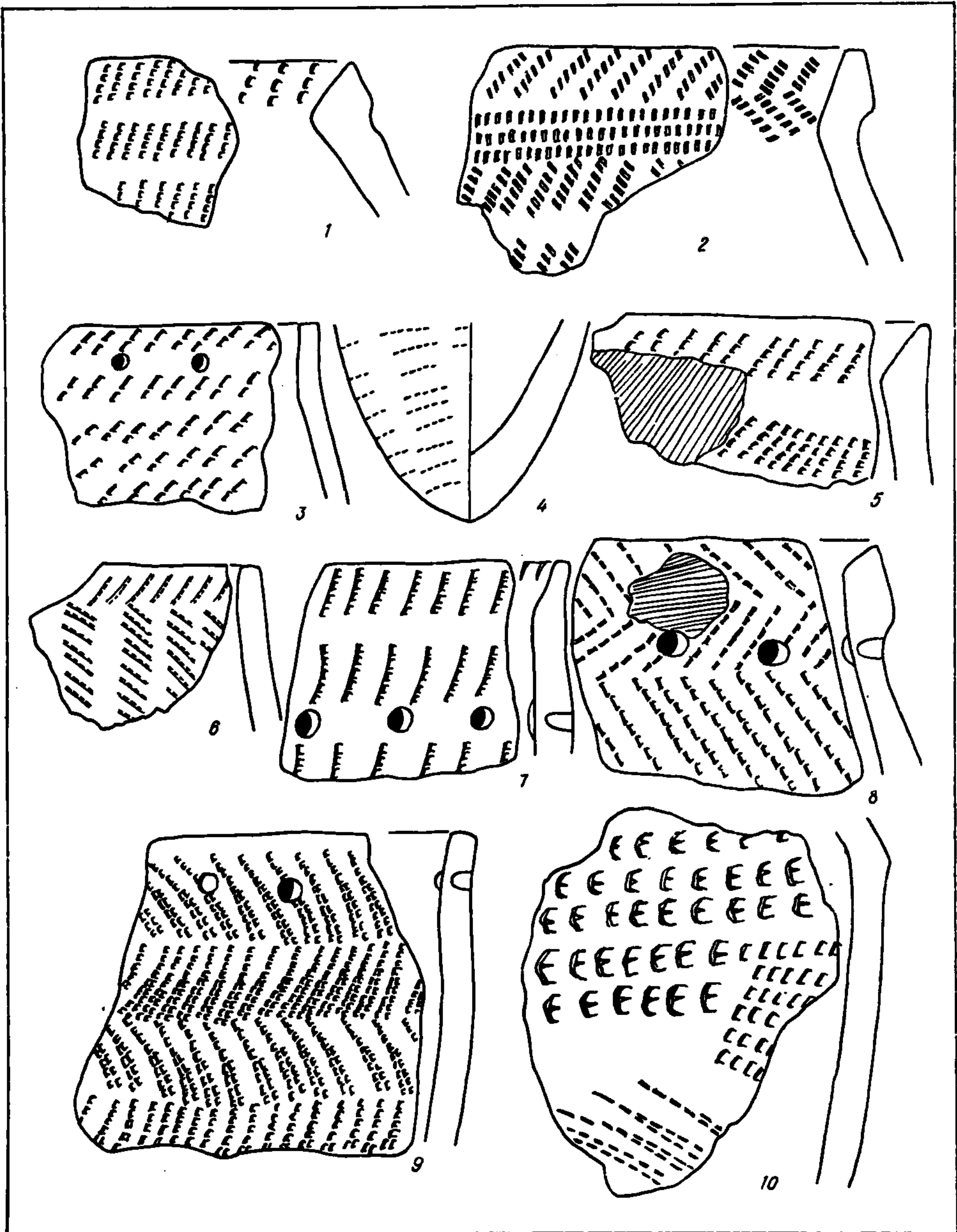

Рис. 1. Керамика стоянок Собачки (1, 5); Вовнижская правобережная (2); Бузьки (3, 4, 6); Веревкинские хутора 14 (7-10)

от днепро-донецких утолщенным венчиком (рис. 3, 4). Ряд фрагментов имеет прочерченно-проглаженную орнаментацию и ямки под венчиком, выделяясь из группы неолитических сосудов лишь профилировкой и воротничковым оформлением верха (рис. 3, 2, 3). Показательно, что воротнички, как и у бузьковских сосудов, плоской формы, незначительно превышающей толщину стенок. Интересен фрагмент сосуда с округлым туловом и валиковидным воротничком (рис. 3, 1). В его орнаментации сочетается прочерченная "елочка" с горизонтальными рядами коротких оттисков гребчатого штампа на тулове и длинных – на венчике. Это сочетание не кажется композиционно продуманным, а скорее представляет механическое смешение орнаменталь-

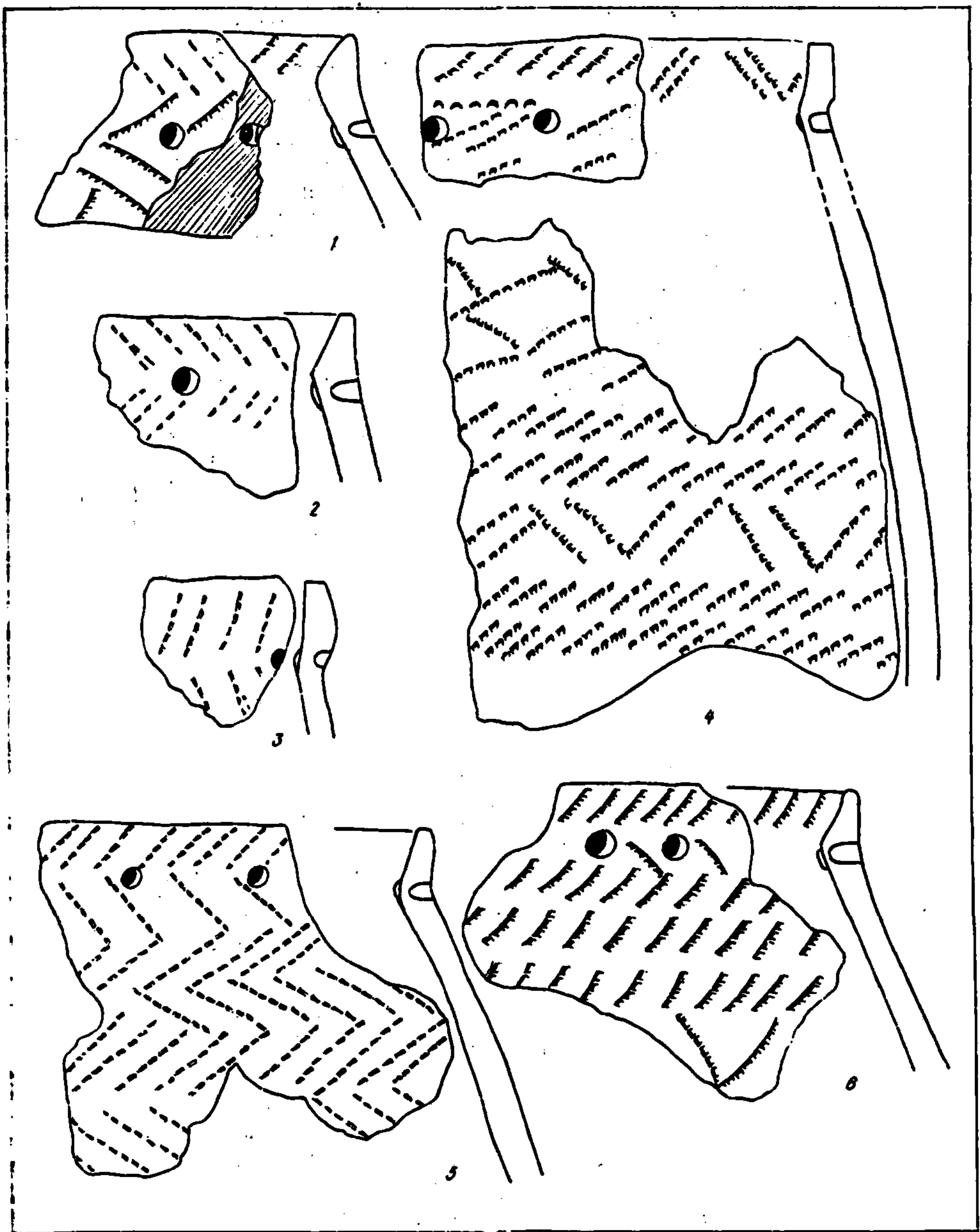

Рис. 2. Керамика стоянки Бузьки (1-6)

ных традиций ранней азово-днепровской керамики и местных неолитических. В пользу этого предположения свидетельствует наложение одного орнамента на другой. С местными синкретическими неолитическими сосудами его сближает и добавление в глину, кроме обычной, примеси графита, который придал черную окраску внешней поверхности. Большое сходство с керамикой мариупольского круга имеет один из сосудов стоянки Успенка, венчик которого оформлен в виде валиковидного воротничка, а тулово орнаментировано сложной ленточной композицией. Последняя, к сожалению, плохо сохранилась, часть ее затерта. Орнамент отличается от бугорно-днепровского заполнением лент не прочерченными линиями или наколами,

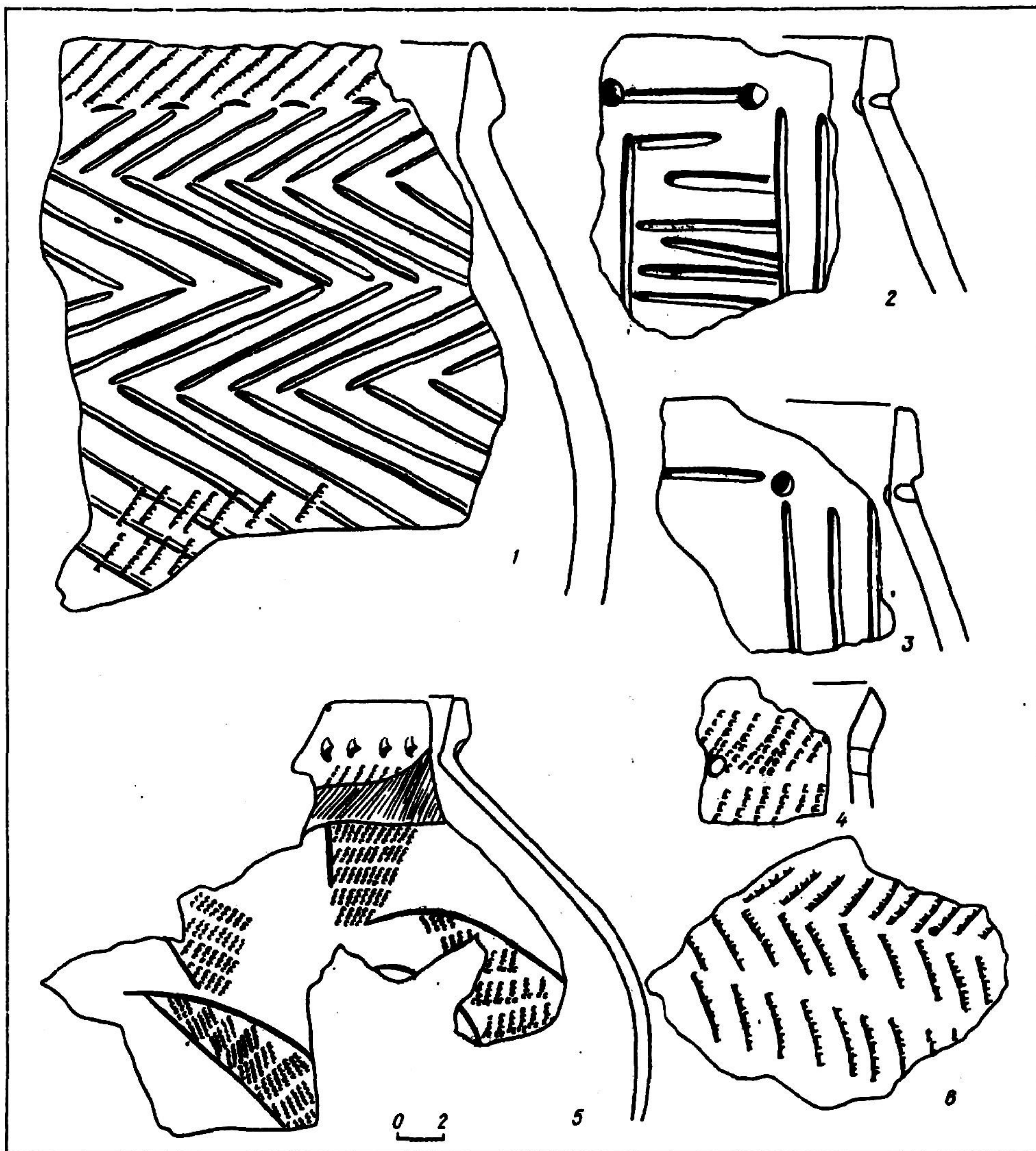

Рис. 3. Керамика стоянки Успенка (1-6)

а оттисками гребенчатого, иногда "шагающего", штампа, что характерно для керамики мариупольской культурно-исторической области. С неолитической керамикой этот сосуд объединяют раздутое тулово, вдавления под венчиком и незначительная примесь графита в глине (рис. 3, 5).

Приведенные данные об отразившемся в керамике влиянии носителей азово-днепровской культуры на днепро-донецкое население опровергают мнение В. Н. Даниленко, который считал материалы стоянки Бузьки и соответственно бузьковскую фазу днепро-донецкой культуры более ранними, нежели материалы ранней азово-днепровской культуры. Наличие на стоянках Бузьки и Успенка сосудов с воротничковым венчиком, гребенчатым зигзагом и ленточными композициями позволяет синхронизировать днепро-донецкие памятники типа Бузьков с ранней азово-днепровской культурой и датировать ее по аналогии с бузьковской фазой в пределах 4-й четверти V - начала IV тыс. до н. э. [Даниленко, 1969, с. 217].

По мнению В. Н. Даниленко, контакты днепро-донецкого населения и населения азово-днепровского ареала проявились в памятниках типа Ве-

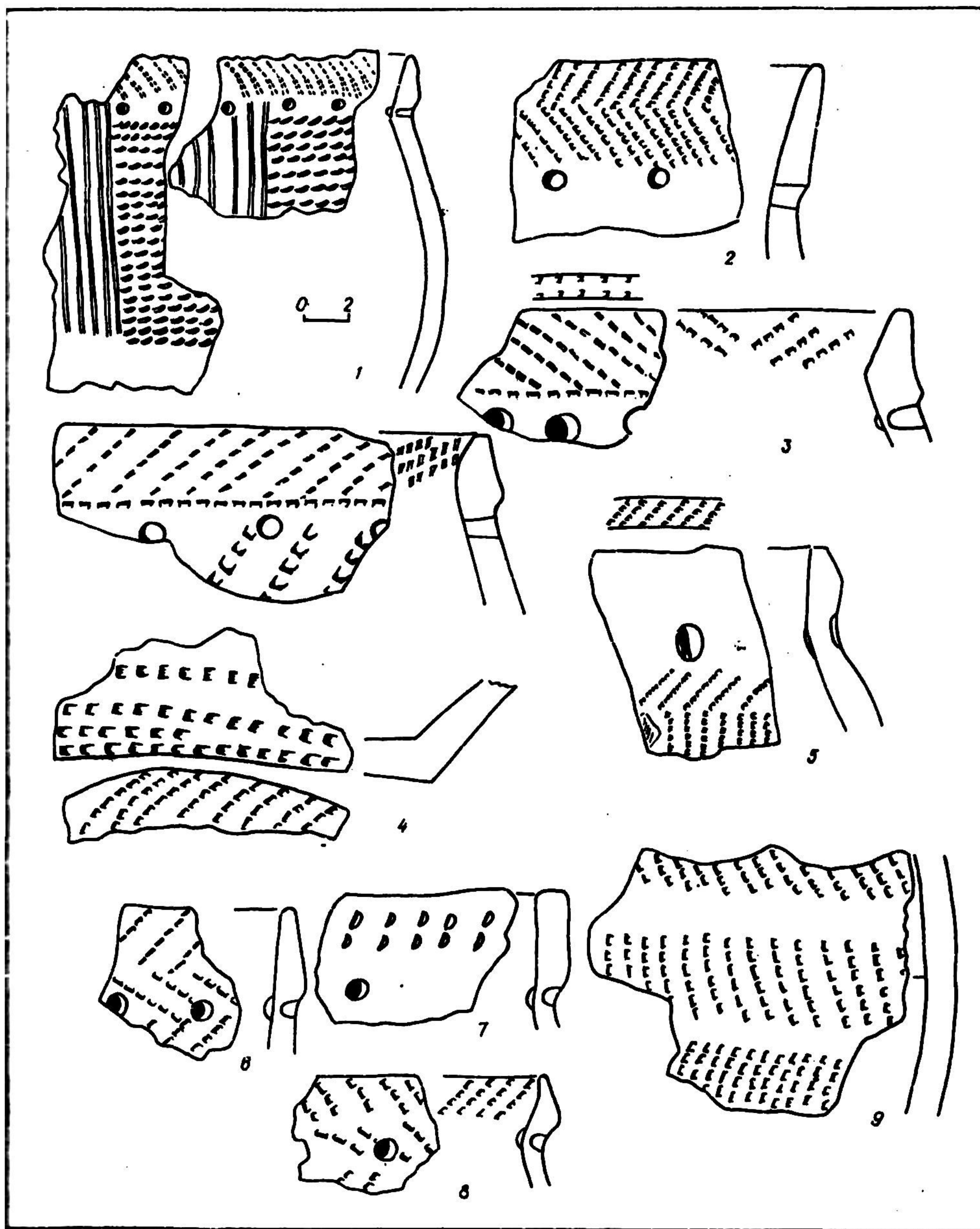

Рис. 4. Керамика стоянок Макуховка (1, 2); Красная Гора (3, 4); Изюм 5 (5, 7-9); Изюм IV (6)

ревкинских хуторов 14. Остановимся подробнее на керамике одноименной коллекции, собранной Н. В. Сибилевым у г. Изюм Харьковской области. Сосуды изготовлены из глины с примесью растительности (73 %) и ракушки (27 %). Они имеют округлое тулово, плоское дно и разнообразное оформление венчика. Керамика этой стоянки отличается от азово-днепровской и днепродонецкой органической примесью в тесте без видимых частиц песка. Отличием является и более частое использование в орнаментации длинного и среднего гребенчатых штампов, образующих "елочку" и геометрические композиции. Перечисленные признаки сближают эту керамическую группу с керамикой памятников Мариупольской области Среднего Подонья, где органическая примесь в глине составляет около 80 %, а длинный и средний штампы использовались приблизительно в 50 % случаев. Сходство не ка-

жется удивительным, учитывая, что Веревкинские хутора территориально близки к памятникам Среднего Дона. Прямые аналогии в азово-днепровской керамике находит ряд веревкинских сосудов, воротничковые венчики которых оформлены косым срезом внутрь. Нас интересует часть керамики стоянки, отражающая влияние днепро-донецких гончарных традиций. Это фрагменты непрофилированных сосудов с неутолщенным венчиком, имеющие на шейке ряд ямок (рис. 1, 7, 9), а также два воротничковых сосуда с ямками под венчиком (рис. 1, 8). К этой группе относится и фрагмент ребристого сосуда, орнаментированный рядами наколов, сочетающихся с "шагающей гребенкой" (рис. 1, 10). По технологии и орнаментации, исключая наколы, эти сосуды не отличаются от остальной керамики стоянки. Результатом влияния местных неолитических традиций являются неутолщенный венчик, ряд ямок под ним, ребристая форма тулова, накольчатый орнамент.

Аналогичные материалы, также из окрестностей Изюма, известны по сборам Н. В. Сибилева в 1920 г. и С. Н. Одинцовой в 1948 г. на стоянках Изюм IV (рис. 4, 6) и Изюм V (рис. 4, 5, 7-9).

Ближние материалы собрал И. А. Писларий у г. Полтава (стоянки Красная Гора и Белая Гора), у с. Макуховка Полтавского района [Непріна, Післарій, 1972, с. 91-95; Неприна, Зализняк, Кротова, 1986, с. 186-190]. Керамика этих стоянок имеет в глине примесь песка в сочетании с растительностью, гладкую внутреннюю поверхность. Судя по фрагментам, это округлотелые, плоскодонные, профилированные и непрофилированные сосуды с воротничковым оформлением венчика (рис. 4, 1-4). С азово-днепровской керамикой их сближают примесь, обработка внутренней поверхности, гребенчатая орнаментация, форма, воротничок (особенно на сосудах стоянки Красная Гора, где он имеет типичный для Надпорожья косо срезанный внутрь и орнаментированный край). Влиянием местного неолитического населения являются ямки под венчиком, накольчатая орнаментация, сочетающаяся с прочерченными линиями или оттисками гребенки (рис. 4, 1, 4).

Рассмотренные материалы подтверждают точку зрения В. Н. Даниленко о выделении веревкинских типа памятников, занимающего юг лесостепной зоны междуречья Днепра и Дона. Основой выделения этого типа служит сочетание в керамике гончарных традиций мариупольской области и днепро-донецкой культуры. Материалы веревкинской группы памятников неоднородны. В Поднепровье, в бассейнах рек Самары и Орели эта культурная группа сложилась на основе азово-днепровских традиций. Носители ранней азово-днепровской культуры продвинулись из Надпорожья на данную территорию и вступили в контакт с местным днепро-донецким населением. Памятники веревкинской группы из бассейна Северского Донца оставлены мариупольским населением, которое, с одной стороны, соседствовало с азово-днепровским, а с другой - с мариупольским населением Подонья, что и отразилось в гончарных традициях данной культурной группы. Распространение ямок под венчиком, накольчатого и прочерченного орнаментов, ребристых форм сосудов свидетельствует о тесных контактах с носителями местной днепро-донецкой культуры.

Даниленко В. Н. Неолит Украины. - Киев: Наук. думка, 1969. - 260 с.

Даниленко В. Н. Энеолит Украины. - Киев: Наук. думка, 1974. - 176 с.

Васильев И. Б. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1979. - 21 с.

Васильев И. Б., Синюк А. Т. Энеолит Восточно-Европейской Лесостепи. - Куйбышев, 1985. - 118 с.

Мерперт Н. Я. Проблемы энеолита Степи и Лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. - Куйбышев, 1980. - С. 5-11.

Непріна В. І., Післарій І. О. Неолітичні пам'ятки поблизу Полтави // Археологія. - 1972. - 7. - С. 91-95.

Непріна В. І., Зализняк Л. Л., Кротова А. А. Памятники каменного века Левобережной Украины. - Киев: Наук. думка, 1986. - 221 с.

Телегін Д. Я. Дніпро-донецька культура. - Киев: Наук. думка, 1968. - 260 с.

Телегин Д. Я. Днепро-донецкая культура // Археология Украинской ССР.— Киев: Наук. думка, 1985.— Т. 1.— С. 156–172.

Титова Е. Н. О связях днепро-донецкой и буго-днестровской неолитических культур // Древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э.— Днепропетровск, 1983.— С. 33–39.

Н. Т. ТОВКАЙЛО

О ВОСТОЧНЫХ СВЯЗЯХ БУГО-ДНЕСТРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам поселения Пугач)

В статье на основе анализа керамических комплексов недавно открытого поселения буго-днестровской культуры Пугач и синхронных памятников сурско-днепровской и азово-днепровской культур рассматриваются некоторые аспекты этнокультурных контактов населения Степного Побужья и Надпорожья в неолите — энеолите (конец V — первая половина IV тыс. до н. э.).

Настоящая статья посвящена исследованию взаимосвязей буго-днестровской культуры с азово-днепровской и сурско-днепровской культурами. Основанием для ее написания послужили материалы поселения буго-днестровской культуры Пугач, исследованного в 1981–1985 гг. Николаевской археологической экспедицией Института археологии АН УССР в степной части течения р. Южный Буг, около пос. Константиновка Арбузинского района.

К настоящему времени наиболее изученным является характер взаимосвязей буго-днестровской и днепро-донецкой культур. Начиная со времени их выделения исследователи неоднократно обращались к этой проблеме, рассматривая ее в различных аспектах [Телегин, 1968; Даниленко, 1969, Залізняк, Титова, 1985]. Связям днепро-донецкой и буго-днестровской культур посвящена статья Е. Н. Титовой [1988, с. 33–39]. В ней обобщены все данные, касающиеся связей с буго-днестровской культурой различных групп памятников днепро-донецкой культуры, обстоятельно рассмотрена историография этого вопроса. На материалах поселения Пугач подтверждается ряд тезисов относительно взаимосвязей указанных культур. Не останавливаясь на этом вопросе подробно, отметим, однако, значительное влияние со стороны днепро-донецкой культуры, отразившееся в облике керамики поселения Пугач. Главное же место в статье уделено проблеме взаимосвязей буго-днестровской культуры в позднем периоде ее развития с синхронными культурами Надпорожья.

Более изучены связи буго-днестровской и сурско-днепровской (сурской) культур. Весомый вклад в решение этой проблемы внес В. Н. Даниленко [1969], который выделил шесть фаз в развитии сурско-днепровской культуры, создал ее периодизацию на основании сопоставления форм и орнаментации глиняной посуды с соответствующими материалами буго-днестровской культуры. Так, основываясь на бытовании шиподонной посуды, вторую фазу сурско-днепровской культуры он синхронизирует со скибинецкой фазой буго-днепровской культуры, а третью, опираясь на общность форм и орнаментальных схем, соотносит с соколецкой фазой буго-днестровской культуры. Четвертую фазу он синхронизирует с соколецкой и печерской фазами. Для поздних памятников этого периода ученый отмечает прямое влияние буго-днестровской культуры, проявляющееся прежде всего в облике глиняной посуды [1969, с. 187].

Пятая фаза синхронизируется с самчинской фазой буго-днестровской культуры. Как и на Южном Буге, в памятниках сурско-днепровской культуры в это же время распространяется посуда с травянистой примесью в глине, украшенная гребенчатым орнаментом. И наконец, шестая фаза отвечает савранской фазе буго-днестровской культуры. Керамика этого периода развивается под буго-днестровским влиянием [Даниленко, 1969, с. 187–188].

В то же время в литературе меньше данных, касающихся связей буго-

днепровской культуры с азово-днепровской культурой (памятниками надпорожско-приазовской группы днепро-донецкой культуры, по Д. Я. Телегину). Д. Я. Телегин, рассматривая кремневое производство днепро-донецкой культуры, и в частности Надпорожья, отмечает возможность влияния неолита Правобережья Украины на развитие орудий для обработки дерева [Телегин, 1968, с. 139]. Кроме того, выделяя отдельные, несвойственные керамике Надпорожья мотивы орнамента, включающие овоидные фигуры, волнистые линии и др., он считает, что прототипы этих чужих для данной культуры орнаментальных схем следует искать, очевидно, в неолите Южного Буга, где такие схемы были господствующими [Телегин, 1968, с. 69]. Этим, пожалуй, исчерпывается историография вопроса. Теперь перейдем к характеристике материалов поселения Пугач, раскрывающих новые аспекты этой проблемы.

Поселение расположено на первой надпойменной террасе левого берега р. Южный Буг в 1,0 км к югу от г. Южноукраинск Арбузинского района Николаевской области. Поселение открыто в 1980 г. Николаевской экспедицией Института археологии АН УССР (К. И. Красильников). В последующие годы (1981–1985 гг.) О. Г. Шапошниковой и автором здесь были произведены стационарные раскопки, в результате которых исследована площадь около 1000 м². В таком масштабе поселение буго-днепровской культуры исследовано впервые. Поселение многослойное. Культурные наслоения относятся к различным эпохам: мезолиту, неолиту (буго-днепровская культура), энеолиту и поздней бронзе.

Поселение буго-днепровской культуры занимало площадь около 3500 м². Культурный слой залегал на глубине 2,0–2,3 м и фиксировался наличием кострищ и камней различных размеров, являющихся, по-видимому, остатками архитектурных сооружений, залеганием развалов сосудов и фрагментов керамики, кремневых и каменных изделий, обломков костей животных, угля и др.

Наиболее яркую и массовую категорию находок составляет керамика. Она отличается многообразием форм и способов орнаментации, а также технологических приемов ее изготовления. В качестве отощителей использовались следующие примеси: крупный и мелкий песок, растительность, графит и толченая ракушка. Основной формой посуды является плоскодонный горшок S-образного профиля. Встречаются кубки и миски. Единичными экземплярами представлены горшки с округлым и острым доннышком. Все сосуды орнаментированы. В большинстве случаев орнамент покрывает всю или почти всю поверхность сосудов и даже доннышко. Иногда орнаментирован внутренний край венчика или горлышка. Преобладает линейно-проглаженный орнамент, составляющий различные прямолинейные, криволинейные и угловые композиции, среди которых широко распространены горизонтальная и вертикальная "елочка", "паркетные мотивы", горизонтальные и вертикальные линии, косоугольная сетка с заполнением "ромбами" и "треугольниками". Среди других элементов орнамента встречаются гребенчатый и накольчатый, составляющие горизонтальные ряды, елочные и зигзаговые композиции, отдельные наколы.

Массовой категорией находок являются кремневые изделия микролитического облика. Обработка кремня производилась на поселении. Использовался он очень экономно. Нуклеусы, часто сработанные, использовались вторично в качестве различных орудий. Кроме одноплощадочных, составляющих большинство, реже встречаются двухплощадочные и аморфные нуклеусы. В коллекции кремня преобладают отщепы. Среди орудий больше всего скребков. Почти все они изготовлены из отщепов, лишь несколько экземпляров – из пластин. Такую же массовую категорию орудий составляют ножевидные пластины с ретушью. Следует отметить, что часть пластин и отщепов использовались без дополнительной обработки, о чем свидетельствуют выщербленность, забитость и залощенность боковых граней. Выде-

дётся группа сверл-проколов, изготовленных из пластин. Значительное число пластин использовалось в качестве вкладышей для серпов. Среди микролитов найдены трапеции и асимметрические ромбы. В качестве рубящих орудий использовались кремневые топоры с подшлифованным лезвием, а также сланцевые тесла.

Незначительную коллекцию составляют изделия из кости — мотыги, проколки и др.

Анализ керамического комплекса поселения Пугач позволяет не только датировать его савранской фазой буго-днестровской культуры, но, что особенно важно, проследить процесс развития этнокультурных связей буго-днестровской культуры в позднем ее периоде с культурами сопредельных территорий. Важное звено в этом процессе занимают связи с синхронными памятниками Надпорожья.

Среди керамики поселения Пугач выделяются несколько сосудов с воротничковым утолщением венчика, баночной формой корпуса и некоторыми специфическими чертами орнамента, указывающими на связи буго-днестровской и азово-днепровской культур. Причем, в технологическом отношении эта посуда неоднородна и принадлежит к различным группам керамики, выделенным на основании примесей в глиняной массе: с примесью растительности и песка (рис. 1, 4, 5); растительности, песка и графита (рис. 1, 2, 3); измельченных ракушки и растительности (рис. 1, 1).

Один из горшков имеет короткий слегка отогнутый венчик, S-видный профиль и маленькое вогнутое доньшко. Вся поверхность сосуда украшена орнаментом, представляющим собой сложную композицию из широких проглаженных волнчатых линий и оттисков гребенчатого штампа — косо составленных оттисков на венчике и придонной части, горизонтальных рядов и оттисков на плечиках и корпусе посуды (рис. 1, 5). По форме и способу нанесения гребенчатого штампа этот горшок очень близок к посуде Никольского могильника и Стрильчей Скели [Телегин, 1968, рис. 26, 1–3; 25, 6].

Другой сосуд (рис. 1, 1), имеющий баночную форму и воротничковое утолщение венчика, также находит аналогии в надпорожских памятниках азово-днепровской культуры. Находки посуды такого типа в буго-днестровских комплексах, безусловно, отражают азово-днепровские влияния.

Типично азово-днепровские мотивы в орнаментации прослеживаются лишь на одном из описанных сосудов (рис. 1, 5). Остальные же при наличии воротничка обладают отнюдь не свойственными азово-днепровской культуре элементами и мотивами в орнаментации. Их отличают зигзаговые композиции, состоящие из оттисков гребенки или зубчатого края речной перловицы (рис. 1, 4, 1), как впрочем, и короткие оттиски зубчатого края речной перловицы (рис. 1, 3). При этом один из сосудов (рис. 1, 1) изготовлен с примесью измельченной ракушки, что не может быть объяснено влиянием азово-днепровской керамической традиции.

В составе керамического комплекса Пугача выделяются две группы посуды с примесью толченой ракушки. В одном случае это керамика, изготовленная из глины с примесью измельченной растительности и толченой ракушки, в другом — к этим примесям добавляется песок. Вследствие этих различий в добавках различны плотность глиняной массы и цвет посуды. В первом случае очень пористая масса, черепок легкий, черного, темно-серого или коричневого цвета, поверхность подлощена. В другом — глиняная масса более плотная, цвет посуды серый или коричневый, внешняя поверхность шероховатая на ощупь.

Для обеих групп характерна форма плоскодонного горшка S-образного профиля, орнаментированного линейно-проглаженным орнаментом. Орнаментация и форма этой посуды указывают на сохранение и развитие в савранской фазе традиций изготовления посуды с этими примесями, столь распространенных для предыдущих фаз буго-днестровской культуры. В то же

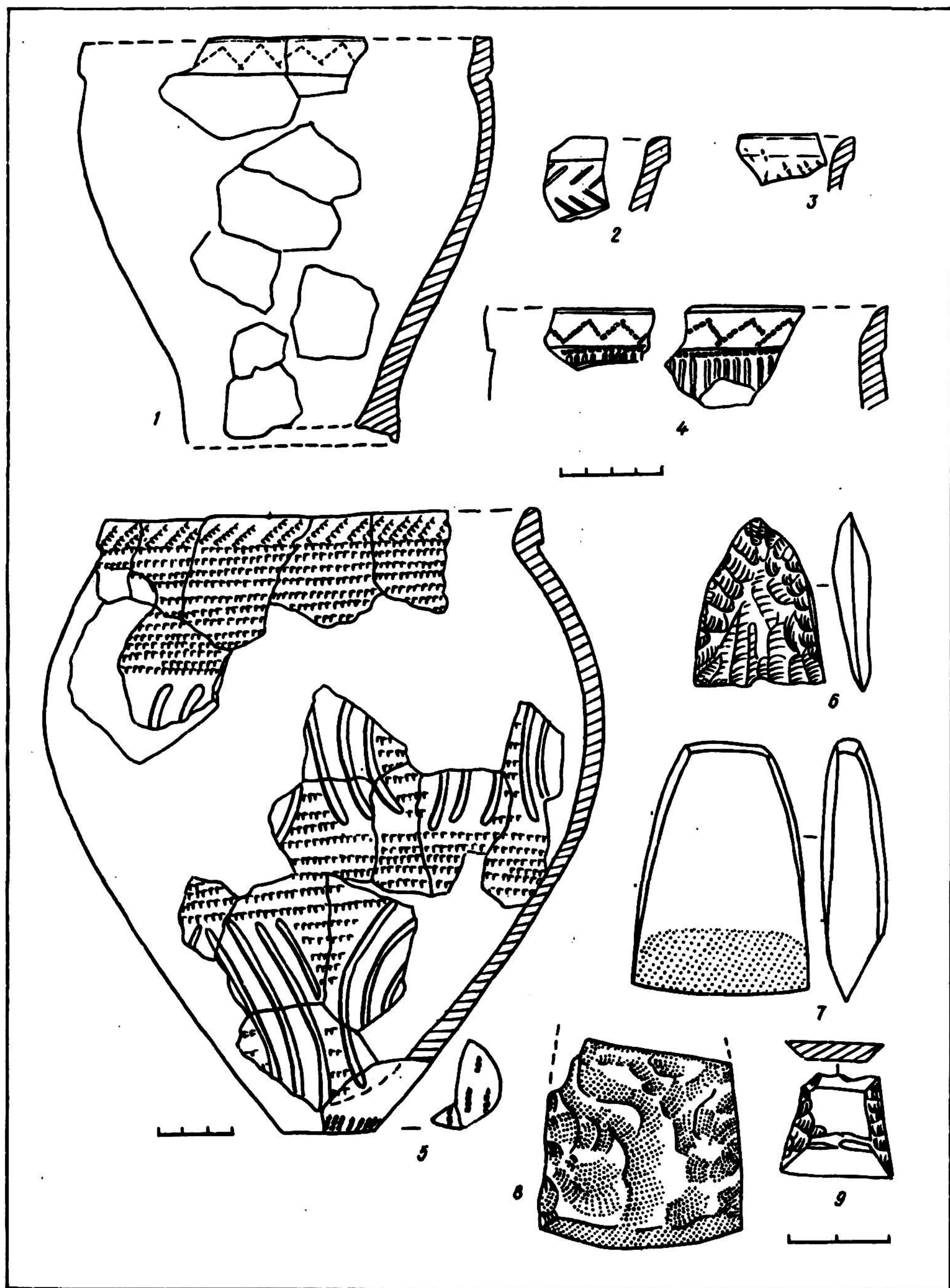

Рис. 1. Керамика, кремневые и каменные орудия поселения Пугач (1-8)

время среди керамики с примесью толченой ракушки (без примеси песка) выделяется специфическая форма посуды, ранее неизвестная на Южном Буге, — горшок баночной формы с характерным воротничковым утолщением венчика. Эта посуда отличается разнообразием орнамента, состоящего из оттисков гребенчатого и зубчатого штампа, изготовленного на краю створки речной перловицы и составляющего зональные и зигзаговые композиции (рис. 1, 1; 2, 1, 2). Подобная керамика, изготовленная с примесью толченых ракушек, встречается также и на близлежащем поселении Гард (раскопки Николаевской экспедиции 1985 г.).

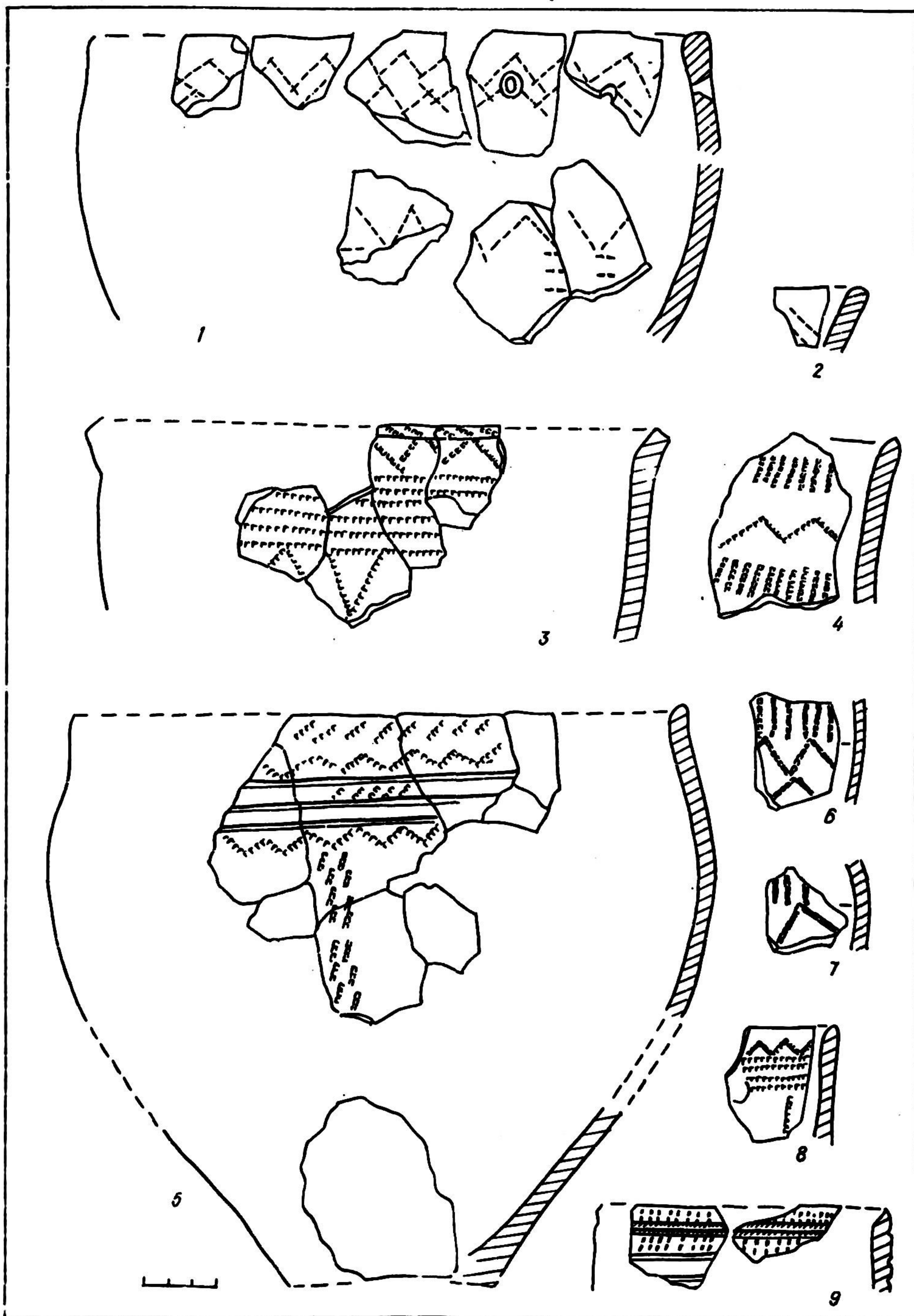

Рис. 2. Керамика поселений Пугач (1–5, 8, 9) и Вовчок (6, 7)

В. Н. Даниленко считал, что посуда с примесью толченой ракушки в южно-бугских памятниках в конце развитого неолита бесследно исчезает, а ее место занимают сравнительно тонкостенные сосуды, изготовленные из глины с примесью песка, тонких растительных волокон и графита [1969, с. 153]. Действительно, в савранских памятниках лесостепной части Южного Буга такая посуда неизвестна. В таком случае, бытование в позднем неолите керамики с примесью толченой ракушки в Степном Побужье на поселениях

Пугач и Гард носит локальный характер. Возможно, керамическая традиция в этом регионе не прерывалась, на что мы уже указывали. Но если разрыв действительно имел место, то не исключено, что возрождение древней керамической традиции в Степном Побужье связано с внешним инокультурным влиянием, подтверждением чему является ее локальное проявление. Такое влияние оказала, по-видимому, сурско-днепровская культура, для памятников которой специфическим орнаментом является скобочно-зигзаговый рисунок, наносимый острым краем роковины, а примесь измельченной ракушки – преобладающей. Эта мысль не лишена оснований, если принять также во внимание установившиеся в рассматриваемый период тесные контакты между населением Южного Буга и Надпорожья, что отразилось в подражании буго-днепровским формам посуды и орнаментации в комплексах поселений Стрильчая Скеля, Вовчок, Вовниги, Собачки и также наличии ряда буго-днепровских импортов [там же, с. 130].

Таким образом, рассматриваемая посуда поселения Пугач отражает, с одной стороны, азово-днепровские влияния (форма венчика и дна, гребенчатый орнамент), а с другой – влияние сурско-днепровской культуры (толченая ракушка, насечки зубчатого края, створки речной перловицы и зигзаговые мотивы в орнаменте).

Как результат этих влияний, по-видимому, можно рассматривать и орнаментацию других образцов посуды Пугача, в данном случае без воротничкового утолщения венчика и примеси толченой ракушки. Горизонтальные (возможно, концентрические) ряды оттисков многозубчатого штампа в сочетании с зигзагом, как и концентрические проглаженные линии под венчиком в сочетании с гребенчатым штампом, а также насечки зубчатого края, створки речной перловицы (рис. 2, 3–5, 8, 9) – все эти мотивы в орнаментации не свойственны для неолитических памятников Южного Буга. В то же время некоторые из них находят прямые аналогии в надпорожских комплексах. Например, несколько фрагментов керамики, происходящих с о-ва Вовчок, в глине которых использованы в качестве добавок песок и растительные волокна (рис. 2, 6, 7). С керамикой поселения Пугач их сближает не только схожесть орнамента, но и общая технология изготовления посуды.

Очень важно установить время возникновения сурско-днепровских и азово-днепровских влияний. Как нам кажется, ответ на поставленный вопрос дает, с одной стороны, уже сам смешанный характер этих влияний, так ярко проявившихся в керамике Пугача, а с другой – стратиграфия надпорожских неолитических памятников.

В этой связи наибольший интерес представляет стратиграфия многослойного поселения Стрильчая Скеля. По наблюдениям В. Н. Даниленко, сурско-днепровский слой поселения разделен на два самостоятельных слоя азово-днепровской культуры. Это позволило авторам раскопок частично синхронизировать поздненеолитические памятники сурско-днепровской культуры с памятниками азово-днепровской [там же, с. 188; 1974, с. 47].

Почти вся посуда вклинившегося слоя азово-днепровской культуры представлена плоскодонными горшками баночной формы с воротничковым утолщением венчика, то есть типичными формами, но ее особенностью является наличие некоторого количества сосудов с примесью ракушки. В то же время в перекрывавшем сурско-днепровском слое среди керамики, изготовленной из глины с обилием измельченной ракушки, встречаются сосуды с воротничковым утолщением венчика [Даниленко, 1974, с. 47].

Еще один пример – верхний сурско-днепровский слой поселения на о-ве Вовчок. Среди керамики этого слоя выделяется небольшая группа фрагментов посуды черного цвета с примесью ракушки, принадлежащих как остродонным горшкам S-образного профиля, так и плоскодонным сосудам с воротничковым утолщением венчика. Линейно-проглаженные композиции, которыми украшена эта посуда, несколько напоминают буго-днепровские

[там же, с. 45]. Наверное, возникновение такой посуды в комплексах азово-днепровской и сурско-днепровской культур свидетельствует о взаимовлияниях, возникших на позднем этапе развития сурско-днепровской культуры. Именно к этому периоду, как нам кажется, и следует относить воздействие сурско-днепровской и азово-днепровской культур, что нашло отражение в материалах Пугача. Это позволяет также говорить о синхронности поселения Пугач (и Гард) с азово-днепровским и верхним сурско-днепровским слоем Стрильчей Скелы, верхним слоем Вовчка.

Все сделанные выводы подтверждает и анализ орудий труда поселения Пугач. Здесь мы остановимся лишь на некоторых категориях кремневых и каменных изделий. На Пугаче найдено несколько наконечников стрел, изготовленных в технике двустороннего сплошного ретуширования, среди них наконечники, имеющие форму равнобедренного треугольника с прямым основанием (рис. 1, 6). В комплексах других буго-днепровских памятников этот тип орудий не встречается ни на Южном Буге, ни на Днестре [Даниленко, 1969; Маркевич, 1974]. В то же время именно такие наконечники с двусторонней обработкой известны на территории надпорожско-приазовской группы памятников днепро-донецкой культуры [Телегин, 1968, с. 140].

Другим типом орудий, позволяющим сопоставить буго-днепровские и надпорожские памятники, является трапеция со струганой спинкой (рис. 1, 9). Это пока единственный экземпляр орудий такого типа в буго-днепровских комплексах. В Надпорожье трапеции со стругаными спинками распространены наряду с обычными трапециями. По мнению В. Н. Даниленко, такие трапеции характерны для второго периода азово-днепровской культуры [Даниленко, 1974, с. 38].

Найденный на Пугаче кремневый топорик с пришлифовкой по лезвию (рис. 1, 8) и сланцевое тесло (рис. 1, 7) вновь указывают на восточные связи буго-днепровской культуры. Если шлифованные сланцевые тесла известны и в других поселениях буго-днепровской культуры, как на Южном Буге, так и на Днестре, то кремневый топорик с пришлифовкой по лезвию найден лишь на Пугаче. Сопоставляя эти орудия с аналогичными орудиями Надпорожья, следует отметить, что шлифованные сланцевые тесла известны в комплексах сурско-днепровской культуры, правда, на более ранних этапах. Встречаются они и на поселениях бузьковского типа. Но наибольшее распространение тесла получили в азово-днепровских памятниках, причем, здесь они встречаются совместно с кремневыми топорами. По мнению Д. Я. Телегина, сосуществование кремневых и каменных орудий для обработки дерева свойственно лишь для днепро-донецкой культуры [1968, с. 134]. Возможно, что одновременное использование этих орудий жителями Пугача — также результат влияния со стороны населения Надпорожья.

Таким образом, развитие этнокультурных связей в позднем неолите — начале энеолита носит сложный и многосторонний характер. Очевидно, об этом периоде следует говорить как о времени, отличающемся большим разнообразием культурно-экономических связей и их переплетением. В значительной мере возрастает роль буго-днепровской культуры в процессе формирования материального облика культур Среднего Поднепровья и Надпорожья. В памятниках Надпорожья это проявляется в подражании буго-днепровским формам посуды и орнаментации, а также в широком распространении буго-днепровских импортов, а на территории Черкасщины — в возникновении синкретических памятников типа поселения Бузьки. Одновременно буго-днепровская культура испытывает и обратное воздействие со стороны сурско-днепровской, днепро-донецкой и азово-днепровской культур, что приводит к возникновению в Степном Побужье новых тенденций в керамическом и кремневом производстве. Все это указывает на новый, более высокий уровень социальных связей, отличающийся прежде всего их интенсивностью и многообразием.

Материалы поселения Пугач отражают наиболее ощутимые, непосредственные связи с Надпорожьем, проявившиеся в распространении керамики с воротничковым утолщением венчика, а также узколокальном проявлении керамики с примесью измельченной ракушки.

Даниленко В. Н. Неолит Украины.— Киев: Наук. думка, 1969.— 260 с.

Даниленко В. Н. Энеолит Украины.— Киев: Наук. думка, 1979.— 176 с.

Залізник Л. Л. Неолітичні пам'ятки р. Здвиж // Археологія.— 1979.— 31.— С. 65—75.

Маркевич В. И. Буго-днестровская культура на территории Молдавии.— Кишинев: Штиница, 1974.— 175 с.

Телегін Д. Я. Дніпро-донецька культура.— Київ: Наук. думка, 1968.— 259 с.

Титова Е. Н. Неолит Среднего Поднепровья (культурно-хронологическая характеристика): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Киев, 1985.— 17 с.

Титова Е. Н. О связях днепро-донецкой и буго-днестровской неолитических культур // Древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. — Днепрпетровск, 1983.— С. 33—39.

В. П. ЧАБАЙ

КЛАССИФИКАЦИЯ МУСТЬЕРСКИХ ИНДУСТРИЙ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

В данной работе сведены воедино данные по фаунистическим комплексам и кремневым коллекциям целой группы памятников варианта мустье одностороннее, расположенных в Юго-Западном Крыму.

Основываясь на технико-топологическом анализе кремневых индустрий Шайтан-Кобы, Холодной Балки, Бахчисарайской, Кабази и Чокурчи II, автор приходит к выводу о возможности выделения на материалах указанных памятников Западнокрымской фации мустье одностороннего.

Сходство фаунистических комплексов и орудийных наборов памятников Западнокрымской фации позволяет говорить о едином типе хозяйственной деятельности ее носителей.

В подтверждение уже высказанной гипотезе о балканском пути проникновения мустьерского населения в Крым приводятся новые аналогии среди односторонних памятников Югославии и Греции.

История изучения раннего палеолита Юго-Западного Крыма, начавшаяся с разведок К. С. Мережковского в районе горы Кабази, насчитывает уже более ста лет. На сравнительно небольшой территории предгорий северного макросклона Крымских гор, ограниченных с востока руслом р. Салгир, а с севера степью, в настоящее время известны многочисленные стратифицированные мустьерские стоянки: Шайтан-Коба, Бахчисарайская стоянка, Староселье, навес в Холодной Балке, Чокурчи I и II, Кабази II, IV, V. За исключением Чокурчи I и Староселья, все они относятся к варианту индустрии мустье одностороннее [Гладилин, 1976, 1985].

Как известно, материалы Чокурчи I утрачены во время Великой Отечественной войны, коллекция Староселья, добытая из более чем четырехметровой толщи отложений, опубликована как единый комплекс. Нет исчерпывающих исследований и по материалам Бахчисарайской, навеса в Холодной Балке, Кабази, Чокурчи II. Имеющиеся публикации зачастую страдают отсутствием типолого-статистического анализа материалов. Лишь Шайтан-Кобе посвящено монографическое исследование [Колосов, 1972]. Создавшийся информационный вакуум стал основой для самых разнообразных, порой противоречивых суждений о месте и значении мустьерских памятников Юго-Западного Крыма.

В 60-х — начале 70-х годов стоянки Бахчисарайская, Холодная Балка и Шайтан-Коба трактовались как два разных типа леваллуа-мустьерского варианта, а Староселье относилось к леваллуа-мустьерскому варианту с ашельской традицией [Гладилин, 1966, с. 17].

Открытие в 1969 г. Ю. Г. Колосовым многочисленных аккайских стоянок варианта мустье двустороннего в Восточном Крыму заставило исследователей по иному подойти к интерпретации юго-западных памятников. Стало очевидным, что в юго-западной части полуострова в основном сосредоточены

комплексы индустрий мустье одностороннего, тогда как в Восточном Крыму господствуют памятники с двусторонней обработкой орудий [Гладилин, 1976, с. 119]. Была пересмотрена прежняя точка зрения и на классификацию мустьерских индустрий Юго-Западного Крыма.

Сейчас общепринятым считается мнение об однокультурности материалов навеса в Холодной Балке и Бахчисарайской стоянки, о выделении в отдельный тип варианта индустрии мустье одностороннее Шайтан-Кобы [Гладилин, 1976, 1985; Анисюткин, 1979]. Стоянка Кабази оказалась в варианте индустрии мустье двустороннего, хотя в ее коллекции 5 двусторонних и 132 односторонних орудия [Гладилин, 1976, с. 99]. На основании преобладания орудий размером до 5 см Чокурча II была интерпретирована как микро-мустьерский памятник [Гладилин, 1985, с. 52]. Несмотря на отнесение Староселья к восточномикокской фации, осталась неясной его типологическая структура [Гладилин, 1985, с. 5]. Например, количество остроконечников, по данным А. А. Формозова, составляет 29,2 %, Р. Клейна, – 2 %, В. Н. Гладиллина, – 20 % [Формозов, 1958, с. 78; Klein, 1969, p. 81; Гладилин, 1985, с. 38]. К тому же не исключена вероятность, что комплекс стоянки неоднороден.

В это же время Н. Д. Праслов приходит к выводу, что "на территории Крыма нет мустьерских памятников, резко выделяющихся по технике обработки и формам каменных орудий на фоне других" [Праслов, 1984, с. 106]. На этом основании была выделена "белогорская мустьерская культура", охватывающая раннепалеолитические памятники всего полуострова.

В 1985 г. Крымской палеолитической экспедицией под руководством Ю. Г. Колосова открыт ряд новых мустьерских стоянок в районе горы Кабази, давших выразительные серии односторонне обработанных орудий. Все это позволяет рассмотреть памятники Юго-Западного Крыма.

В данной работе проанализированы орудийные наборы и фаунистические комплексы пяти стоянок: навеса в Холодной Балке, Бахчисарайской, Кабази, Чокурчи II и Шайтан-Кобы. Что касается материалов Староселья, то они вызывают сомнение как однокультурный комплекс, и поэтому их интерпретация является темой отдельной работы.

НАВЕС В ХОЛОДНОЙ БАЛКЕ*

Техника первичного расщепления характеризуется достаточно высоким уровнем протопризматик: сколы с продольными и перпендикулярными огранками составляют 76,4 %, индекс пластин – 24 %. Из 18 нуклеусов 8 относятся к отделу радиальных, 8 – к отделу протопризматических и 2 – к отделу бессистемных**. Среди радиальных преобладают двусторонние нуклеусы. В отделе протопризматических основную роль играют продольные и бипродольные изделия. Необходимо отметить также предельную сработанность нуклеусов, о чем свидетельствуют их небольшие размеры.

Наиболее многочисленным классом орудий в коллекции Холодной Балки являются скребла-ножи – 66,3 %. Среди последних широко представлены продольные – 28,4 % и двойные – 12,1 %; угловатые составляют 8,6 %.

Остроконечников – 25,7 %. Почти две трети орудий этого класса составляют подтреугольные – 28,8 % и подтреугольные удлинённые (на пластинах) – 31,1 %. Представлены также полусегментовидные – 13,3 %, веретенообразные (широкие и средней части лимасы) – 8,8 %, иволистые – 6,6% и др. Для остроконечников Холодной Балки характерен прием изготовления острия на базальной части заготовки, отмеченный в 20 случаях. Остальные классы орудий представлены единичными образцами: зубчатые – 4,0 %, скребки – 0,6 %, проколки – 1,7 %, резцы – 1,1 %, стамески – 0,5 %.

* Статистические данные по материалам коллекции № 94 229 ГИМа.

** Для анализа кремневых комплексов использована классификация В. Н. Гладиллина [1976].

В фаунистическом комплексе Холодной Балки преобладают остатки европейского осла (*Equus (Asinus) hydruntinus*), представлены также лошадь (*Equus sp.*), сайга (*Saiga tatarica*), неопределимые парнокопытные [Векилова, 1971, с. 123].

БАХЧИСАРАЙСКАЯ СТОЯНКА*

Раскопками Д. А. Крайнова установлено наличие трех культурных слоев мустьерского времени [Крайнов, 1979, с. 115].

В коллекции нижнего слоя стоянки преобладают скребла-ножи – 68,6 %. Продольные изделия составляют около трети орудий этого класса. Представлены также двойные – 13,3 %, конвергентные – 11,6 %, угловатые – 10 %, поперечные – 8,2 %.

Наличие большого количества остроконечников отмечалось Д. Я. Крайновым [1979, с. 112, 123]. По нашим подсчетам, этот класс орудий составляет 20,2 % всего орудийного набора слоя. Преобладают подтреугольные остроконечники – 35 %; подсегментовидных – 25 %, иволисных – 20 %, веретенообразных – 5 %, косоугольных – 5 % и фрагментированных – 10 %. Подтреугольных удлиненных и базально-острижных нет.

Остальные классы орудий представлены единичными экземплярами. Огранки спинок сколов в основном протопризматические – 72,3 %. Индекс пластин достаточно низок – 12,1 %.

Нуклеусы представлены отделами радиальных (4 экз.) и протопризматических (4 экз.). Привлекает внимание их сильная сработанность.

Коллекция среднего слоя насчитывает всего 28 изделий. Это меньше половины найденных при раскопках орудий. Автор раскопок указывает, что большую часть орудийного набора составляли остроконечники [Крайнов, 1979, с. 110, 118]. В просмотренной коллекции 12 остроконечников: четыре подтреугольных, два подтреугольных удлиненных, четыре косоугольных, один лавролистный и один фрагментирован.

Среди скребел-ножей преобладают продольные-выпуклые и вогнутые.

Еще меньше орудий в коллекции верхнего слоя стоянки – всего 20. Как и в предыдущих слоях здесь, по мнению Д. А. Крайнова, в кремневом инвентаре преобладают остроконечники [1979, с. 117]. В коллекции ГИМа их лишь два экземпляра.

Скребла-ножи представлены выпуклыми продольными и поперечными изделиями.

Таким образом, только нижний слой стоянки является статистически полноценным источником. Средний и верхний слои нуждаются в дополнительном исследовании.

По определению В. И. Громова, в фаунистическом комплексе представлены следующие виды: европейский осел (*Equus (Asinus) hydruntinus*), сайга (*Saiga tatarica*), лошадь (*Equus sp.*), бык (*Bos sp.*), слон-мамонт (?) (*Elephas sp.*) [Векилова, 1971, с. 123].

КАБАЗИ

Автор раскопок Кабазы приводит следующую "статистику кремня стоянки: остроконечников – 32, скребел – 44, двусторонне обработанных орудий – 5, дисков – 35, обломков орудий, отщепов и осколков с ретушью – 56" [Формозов, 1959, с. 150]. Из этого списка легко установить, что общая численность ретушированных изделий составляет 137 экз.

Наиболее широко, даже без учета "обломков орудий, отщепов и осколков с ретушью" представлены скребла. А. А. Формозов обращает внимание на их

* Статистические данные по материалам коллекции № 96 925 ГИМа.

массивность, считая, что с их помощью выполняли "не столько режущие, сколько скребущие функции" [там же, с. 154].

Остроконечники составляют 23,3 % всего орудийного набора Кабази. Автор раскопок отмечает "правильность отщепов-заготовок и присутствие среди них некоторого числа пластинчатых сколов", выбранных первобытным мастером для изготовления остроконечников, считая эти орудия типичными для мустьерской эпохи [там же, с. 154]. Исходя из анализа коллекции № 488 Музея антропологии МГУ, необходимо дополнить это описание семью подсемантовыми остроконечниками.

Таким образом, остроконечники Кабази имели подтреугольные, подсемантовыми, реже удлиненные очертания.

Радиальные и протопризматические (большой частью бипродольные) нуклеусы представлены приблизительно в равной степени. Огранки сколов в основном протопризматические, пятки гладкие.

Фауна Кабази, по определению В. И. Громова, представлена следующими видами: европейский осел (*Equus (Asinus) hydruntinus*), лошадь (*Equus sp.*), сайга (*Saiga tatarica*), бык (*Bos sp.*), благородный олень (*Cervus elaphus*).

ЧОКУРЧА II

Из общего количества орудий (82 экз.), представленных исключительно односторонними формами, класс остроконечников составляет "более 40 %", а класс скребел – "более 20 %" [Бадер, 1979, с. 150]. Здесь необходимо учесть, что к скреблам автор отнес только изделия с крутым рабочим краем, отдельно выделив класс ножей. Класс скребел-ножей составляет более 20 %. Скребела-ножи в основном продольного и двойного продольного типов.

По мнению автора раскопок, "около одной трети остроконечников принадлежит к числу типичных мустьерских" [там же, с. 151], то есть к подтреугольным, по нашей терминологии. Представлены также иволчьи и "обуодоострые" (лимасы) остроконечники [Бадер, 1979, с. 154–155].

Немногочисленные нуклеусы относятся к радиальным одно- и двусторонним, протопризматическим продольным и продольно-альтернативным.

По определению Л. И. Алексеевой, 98 % костных остатков принадлежит европейскому ослу (*Equus (Asinus) hydruntinus*). Причем четвертая часть зубов – молочные, по утверждению Л. И. Алексеевой, это свидетельствует о том, что такое же количество животных было молодыми особями. Кости зубра (*Bison priscus* Voj) составляет около 1,5 %, еще малочисленные остатки дикой козы (*Capra sp.*) и псовых (*Canidae*) [Бадер, 1979, с. 148].

ШАЙТАН-КОВА

Основной проблемой в интерпретации индустрии Шайтан-Кобы является вопрос о ее леваллуазском характере. В конце 60-х – начале 70-х годов существовало мнение о леваллуазском характере кремневого инвентаря стоянки [Гладилин, 1966; Колосов, 1971; Колосов, 1972]. Во второй половине 70-х годов прежняя точка зрения была отвергнута [Гладилин, 1976; 1985; Праслов, 1984]. Подобные "шатания" явились результатом интерпретации в отечественной науке техники леваллуа. Наиболее полное обоснование новая точка зрения получила в работах В. Н. Гладиллина [Гладилин, 1976, 1977], который внес в научный оборот "узкое" понимание термина леваллуа. К леваллуазским изделиям отнесены острия и нуклеусы для них, а также черепаховидные отщепы и нуклеусы.

Следуя "узкому" пониманию термина леваллуа, необходимо все-таки выяснить, в какой степени данная техника отразилась в материалах Шайтан-Кобы. Полноценным источником для этого может служить исчерпывающая,

хорошо иллюстрированная монография Ю. Г. Колосова "Шайтан-Коба – мустерська стоянка Криму".

Леваллуазские черепаховидные нуклеусы для Шайтан-Кобы "не характерны и репрезентованы единичными экземплярами" [Колосов, 1972, с. 28–29]. Из шести нуклеусов этого типа четыре обнаружено на склоне и два – в I горизонте. Причем только два из них можно считать типичными (один со склона и один из I горизонта). Нуклеусов для острий леваллуа обнаружено лишь 5 экз.: четыре со склона и один из I горизонта. Большая часть нуклеусов относится к протопризматическим типам.

Огранки спинок "леваллуазских" отщепов в основном параллельные, нередко сохраняют участки желвачной корки, длинная ось заготовки не всегда совпадает с направлением удара. "Среди отщепов леваллуа случаются единичные, так называемые черепаховидные, но они не характерны ни для I горизонта, ни для Шайтан-Кобы в целом" [Колосов, 1972, с. 28–45].

Далеки от классических образцов и леваллуазские острия Шайтан-Кобы. Это обстоятельство привело Ю. Г. Колосова к выводу, что они скалывались не с леваллуазских нуклеусов для острий, а явились результатом расщепления разнообразных типов ядрищ [1972, с. 32]. Использование же данных острий в работе не вызывает сомнения, поскольку, кроме следов утилизации, рабочие края их зачастую были подправлены ретушью. Такие изделия более целесообразно относить к типу неретушированных [Гладилин, 1976, с. 65], или острийно-ретушных, остроконечников.

Следовательно, леваллуазские черепаховидные нуклеусы и нуклеусы для острий леваллуа, как и результаты их расщепления, представлены единичными экземплярами. Шайтан-кобинцы практиковали протопризматические приемы расщепления кремня.

Этому выводу не противоречит достаточно высокий индекс пластин – 19 % для I горизонта стоянки [Колосов, 1972, с. 47]. Во II горизонте количество пластин ниже – 9 % [Колосов, 1972, с. 69]. Отличаются оба горизонта и по уровню фасетажа. Если фасетаж отщепов верхнего горизонта (узкий – 28,9, широкий – 53,3) ниже, чем фасетаж отщепов нижнего (узкий – 36,4, широкий – 59,9), то для пластин характерна обратная тенденция: в I горизонте индекс узкого фасетажа составляет 45,3 %, широкого – 67,1 %, что ощутимо выше, чем во II горизонте, где он составляет соответственно 29,7 и 43,2 % [Колосов, 1972, с. 46, 68–69].

Подобный технико-типологический анализ привел Ю. Г. Колосова к выводу о "неклассическом, атипично леваллуазском характере" индустрии Шайтан-Кобы [Колосов, 1972, с. 133].

Таким образом, для выяснения типологической структуры Шайтан-Кобы в первую очередь необходимо из типо-листа орудий памятника исключить "типичные" и "атипичные" отщепы леваллуа.

В орудийном наборе I горизонта (без типичных и атипичных отщепов леваллуа) остроконечники составляют 29,1 %, скребла – 48,3, зубчатые формы – 10,9 %. Остальные классы орудий представлены единичными экземплярами. Продольные выпуклые, прямые, вогнутые скребла-ножи образуют большую часть орудий этого класса, или 51,1 %. Остроконечники – острийно-ретушные, клювовидные, подтреугольные; удлинённые – единичны [Колосов, 1972, с. 24].

Во втором культурном горизонте доминирующим классом орудий являются скребла-ножи – 55,1 %, остроконечников – 24,3 %, зубчатых – 18 %. Большая часть скребел-ножей состоит, как и в I горизонте, из продольных прямых, выпуклых, вогнутых [Колосов, 1972, с. 67]. Для остроконечников характерны те же типы, что и в I горизонте [Колосов, 1972, с. 69–71].

По определению В. И. Громова, среди фаунистических остатков Шайтан-Кобы наиболее представлены сайга (*Saiga tatarica*) – пять особей и европейский осел (*Equus (Asinus) hydruntinus*) – пять особей. Остальные виды живот-

Типологическая структура (%) и фаунистические комплексы памятников Западнокрымской фауны

	Холодная Балка	Бахчисарайская	Кабази	Шайтан-Коба		Чокурча II
				I горизонт	II горизонт	
Остроконечники	25,7	20,2	23,3	29,1	24,3	40
Скребла-ножи	66,3	68,6	70	48,3	55,1	20
Зубчато-выемчатые	4,0	11,2	+	12,6	18	?
Проколки	1,7	—	+	4,4	—	?
Резцы	1,1	—	—	0,5	1,3	?
Скребки	0,6	—	—	4,4	—	?
Стамески	0,5	—	—	—	—	?
Осел	преобл.	+	+	преобл.	преобл.	преобл.
Лошадь	+	+	+	+	—	—
Сайга	+	+	+	преобл.	—	—
Олень	—	—	+	+	—	—
Бизон	—	+	+	+	—	—
Зубр	—	—	—	—	+	+
Мамонт	—	+	—	+	—	—

ных — лошадь, бизон, благородный олень, северный олень, мамонт, песец, лиса, волк, пещерная гиена, пещерный лев, рысь — единичны, причем мамонт выделен на основании находки коренного зуба [Колосов, 1972, с. 110].

Для всех рассмотренных памятников характерен сходный набор фауны, в котором основную роль играют три вида стадных мелких копытных животных: осел, лошадь, сайга (таблица). В фаунистических комплексах навеса в Холодной Балке, Чокурче II, Шайтан-Кобе ведущее место принадлежит ослу.

Наряду с этими видами единичными особями представлены благородный и северный олени, зубр, бизон, мамонт. Остатки последнего обнаружены лишь в стоянках Бахчисарайской и Шайтан-Коба.

Общими чертами типологической структуры рассмотренных выше памятников, является: во-первых, преобладание в орудийном наборе класса скребел-ножей, составляющих около 60 % всех орудий (см. табл.). Среди скребел-ножей ведущая роль принадлежит продольным прямым, выпуклым (Холодная Балка, Бахчисарайская, Кабази), вогнутым (Шайтан-Коба), двойным прямым (Чокурча II); во-вторых, близкое для всех описываемых стоянок соотношение остроконечников с другими классами орудий (от 20 до 30 %) (см. табл.). В классе остроконечников преобладают подтреугольные и сегментовидные формы (Бахчисарайская, Кабази, Чокурча II), подтреугольные удлиненные (навес в Холодной Балке), неретушированные и клювовидные (Шайтан-Коба); в-третьих, подчиненное положение орудий других классов зубчатых, выемчатых, проколки, скребок, резцов (см. табл.).

Следовательно, сходство орудийных наборов данной группы памятников прослеживается на уровне классов орудий. На уровне отдела класса скребел-ножей эти отличия на первый взгляд незначительны: основную роль во всех комплексах играют продольные изделия. Более существенны отличия на уровне отделов в классе остроконечников. Подтреугольные, а наряду с ними полу- и подсегментовидные занимают ведущее положение в коллекциях Бахчисарайской, Кабази и Чокурчи II. Неретушированные, остринно-ретушные и клювовидные широко представлены в материалах Шайтан-Кобы. Замечательным представляется объяснение большого количества подтреугольных удлиненных остроконечников Холодной Балки высоким уровнем пластинчатости (24 %). Однако не менее высокий индекс пластин (19 %) верхнего слоя Шайтан-Кобы не оказал аналогичного влияния на типологический состав остроконечников. Вероятно, здесь мы имеем дело с отличиями, не зависящими от уровня развития техники первичного расщепления.

Выделение типов индустрий среди данной группы памятников представляется преждевременным, поскольку большая часть из них нуждается в дальнейших полевых исследованиях. В настоящее время можно с уверенностью говорить о выделении фации, которое "производится на основании сочетания наиболее характерных для тех или иных памятников типологических классов орудий и приемов их изготовления" [Гладилин, 1985, с. 26]. Рассматриваемые памятники соответствуют данным требованиям. Таким образом, к Западнокрымской фации варианта индустрии мустье одностороннее относятся следующие памятники: навес в Холодной Балке, Бахчисарайская стоянка, Кабази, Шайтан-Коба и, возможно, Чокурча II.

Каков характер образований, стоящих за термином "фация"? В. Н. Гладилин утверждает, что фация объединяет "родственные, близкие по происхождению индустрии" [1985, с. 53]. "Синхронные или развивающиеся во времени на определенной территории," – добавляет В. И. Ситливый [Ситливый, 1985, с. 5].

Родство индустрий определяется сходством типологической структуры орудийных наборов на уровне классов. Сложение же типологической структуры фации является результатом традиционного использования определенного набора классов орудий в повторяющихся хозяйственных операциях по добыче и обработке результатов охоты на определенные виды животных. Другими словами, в своей хозяйственной деятельности, основанной на добыче стадных копытных (ослов, сайгаков, лошадей), первобытные охотники Западнокрымской фации использовали строго определенные наборы орудий.

Таким образом, намечается взаимосвязь между типологической структурой орудийного набора и фауной памятников, точнее, между охотой на определенные виды животных и орудийным набором по ее обеспечению.

Такая взаимосвязь отмечена Ю. Г. Колосовым для памятников аккайской мустьерской культуры [Колосов, 1985, с. 32]. Во всех культурных слоях Заскальной V мамонт занимает одно из ведущих мест по количеству особей, не говоря уже о его биомассе [Колосов, 1983, с. 28]. Для типологической структуры аккайских памятников характерны многочисленные двусторонне обработанные ножи, часть которых близка к ножам Бокштайн, Клаузенише, Прондник [Колосов, 1983, с. 138], количество остроконечников не превышает 10%. Среди скребел-ножей основная роль принадлежит угловатым формам составляющим в среднем около 10% всего орудийного набора и отражающих по мнению Ю. Г. Колосова, "одну из характерных особенностей культурного порядка" [там же, с. 137].

По утверждению М. И. Гладких, "однотипность" производственного инвентаря и фаунистических остатков сопоставляемых памятников указывает на то, что они относятся к одному хозяйственно-культурному типу, к одной историко-этнографической общности [Гладких, 1977, с. 116]. Именно такая однотипность прослеживается, с одной стороны, среди памятников Западнокрымской фации и памятников аккайской культуры – с другой.

Итак, две группы памятников, различающиеся характером фаунистических комплексов и материальной культуры и находящиеся в сходных географических условиях, могут рассматриваться как различные хозяйственно-культурные типы (далее ХКТ), если под последними понимать "исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях при определенном уровне их социально-экономического развития" [Левин, Чебоксаров, 1955, с. 4]. Исходя из этого определения, представляется правомерной постановка вопроса о выделении двух ХКТ: охотников открытых плоскогорий на мамонта и охотников открытых плоскогорий на стадных копытных.

Основным условием выделения ХКТ для общества охотников является специализированный характер их деятельности. Суть специализации состоит

в детальном знании объекта охоты, в применении наиболее рациональных способов его добычи и переработки посредством использования наиболее оптимальных, традиционно сложившихся форм орудийного набора. Археологическим выражением специализированной охоты может быть взаимосвязь определенных орудийных наборов и фаунистических комплексов, прослеженная на ряде памятников. Именно такая взаимосвязь (или специализированная охота) может трактоваться как "исторически сложившиеся комплексы хозяйства и культуры", что является одним из важнейших условий выделения ХКТ. Важнейшим, но не единственным, как следует из приведенного определения ХКТ М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым.

ХКТ охотников в значительной степени зависит от естественно-географических условий бытования, которые накладывают отпечаток на видовой состав животных — основной объект жизнедеятельности мустьерских коллективов.

Сходны с Предгорным Крымом естественно-географические условия средгорий Балкан. Интерес к данной территории обусловлен гипотезой Ю. Г. Колосова о связях мустьерских коллективов обоих полуостровов через существовавшую тогда горную страну, являющуюся сухопутным мостом между Крымом и Добруджей [Колосов, 1972, с. 141–146]. По его мнению, мост существовал в период черноморских регрессий, отвечающих по времени русскому и вюрмскому оледенению Альп [Колосов, 1972, с. 145].

Среди многочисленных мустьерских памятников Балкан сходство типологической структуры с Западнокрымской фацией демонстрирует так называемый тип Пиниос-Црвена-Стиена А.

Мощность отложений Црвены-Стиены достигает 20 м и включает ХХХІ стратиграфический горизонт с материалами от эпохи бронзы до "прамустье" [Basler, 1967, s. 5–30]. ХХ стратиграфический горизонт залегает на глубине 11,20–11,40 м и отделяется от выше- и нижележащих стерильными ХІХ и ХХІ горизонтами [Basler, 1967, s. 12–13].

Исходя из седиментологического анализа отложений, ХХ горизонт датируется К. Брюннакером первой половиной раннего вюрма [Brunnacker, 1967, s. 53]. Инвентарь этого горизонта Д. Баслер классифицирует как мустье с "узкими и большими остроконечниками" [Basler, 1967, s. 23, 28]. Отличия этого слоя от остальных, состоящие прежде всего в серии остроконечников, позволили выделить комплекс Црвены-Стиены А [Basler, 1975].

Основную роль в комплексе Црвены-Стиены А играют скребла-ножи — 79,8 %, остроконечники составляют 19,3 % [Ivanova, 1979, p. 22]. Среди скребел-ножей преобладают продольные прямые и выпуклые — 56,9 % всех орудий этого класса. Представлены также двойные, поперечные, угловатые, конжургентные. Остроконечники, в основном подтреугольные удлинненные, составляют менее 1 %. В фауне ХХ стратиграфического горизонта Црвены-Стиены преобладает лошадь (*Equus caballus*), представлены бык (*Bovidarum gen. et spec. ident*), носорог (*Coelodonta antiquitatis*), олень (*Cervus elaphus*), свинья (*Sus sp.*), коза (*Capra ibex*) [Males, 1967, S. 72, 77].

С типологической структурой Црвены-Стиены сходны материалы стоянки Пиниос в Греции, где главная роль в орудийном наборе принадлежит скреблам-ножам — 46,8 % (в основном продольные прямые и выпуклые). Остроконечники составляют 19,8 % всего комплекса орудий стоянки, включая лимас. Высокое содержание зубчато-выемчатых орудий (18 %) С. Иванова объясняет как результат естественных повреждений [Ivanova, 1979, p. 22]. Фаунистический комплекс Пиниоса, к сожалению, неизвестен.

Таким образом, между памятниками Западнокрымской фации и типа Пиниос-Црвена-Стиена А наблюдается сходство в типологической структуре орудийных наборов, характере фаунистического комплекса (Црвена-Стиена), в естественно-географических условиях обитания.

Если сходство типологической структуры указывает на родственность данных индустрий, или их однофациальность, то сходство фаунистических комплексов и естественно-географических условий позволяет относить тип Пиниос-Црвена-Стиена А и Западнокрымскую фацию к одному ХКТ.

Понятия археологической классификации "фация", "культура", "тип памятников", объединяющие родственные, генетически связанные памятники, близки понятию этнографической классификации "историко-этнографическая общность". М. И. Гладких, используя конкретный археологический материал, продемонстрировал разнообразные сочетания между ХКТ и историко-этнографической общностью в позднем палеолите [Гладких, 1977, с. 116].

Для раннего палеолита характерны два типа таких сочетаний. Во-первых, памятники, характеризующиеся сходством фаунистических остатков и материальной культуры, относятся к одному ХКТ и к одной историко-этнографической общности (например, памятники Западнокрымской фации, аккайской, молодовской культур и т. д.). Во-вторых, памятники со сходными фаунистическими комплексами, но с различными орудийными наборами относятся к одному ХКТ, но к разным историко-этнографическим общностям (например, охотники на пещерного медведя Джручулы и Воронцовской пещеры).

Близки фаунистические остатки памятников аккайской и молодовской культур, но на основании одного лишь сходства фаунистических комплексов выделять ХКТ неправомерно. Необходимо еще и сходство естественно-географических условий, которые, безусловно, различны в приведенном примере с аккайской и молодовской культурами.

Памятники с одинаковой типологической структурой и различными фаунистическими комплексами, что указывает на их историко-этнографическую общность и различную хозяйственную специализацию [Гладких, 1977, с. 116], для мустье, в отличие от позднего палеолита, не характерны. Иными словами, на мустьерских памятниках, объединенных понятиями археологической классификации в "фации", "культуры", "типы", практикуется только один определенный тип хозяйственной специализации, основанный на добыче тех или иных видов животных. Объяснение этого явления — одна из сторон проблемы соотношения этнических классификаций археологии и этнографии с классификациями типов хозяйства.

Решение данной проблемы на конкретном археологическом материале для раннепалеолитических обществ может быть найдено при дальнейшем углублении концепции ХКТ, развитии связанного с ним понятия специализированной охоты, что непосредственно сопряжено с реконструкцией палеогеографической и палеоэкологической обстановки прошлого.

Анисюткин Н. К. Мустье бахчисарайско-холоднобалковского типа // Исследование палеолита в Крыму. — Киев, 1979. — С. 133–141.

Бадер О. Н. Новая Чокурчинская мустьерская стоянка // Исследование палеолита в Крыму. — Киев, 1979. — С. 141–156.

Вехилова Е. А. Каменный век Крыма. Некоторые итоги и проблемы // МИА. — 1971. — № 173. — С. 117–161.

Гладких В. Н. Различные типы каменной индустрии в мустье Русской равнины и Крыма и их место в раннем палеолите СССР // Тез. докл. археологов СССР на VII Межд. конгр. доисториков и протоисториков. — М., 1966. — С. 14–18.

Гладких В. Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. — Киев, 1976. — 228 с.

Гладких В. Н. К вопросу о технике леваллуа // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. — М., 1977. — С. 14–18.

Гладких В. Н. Ранний палеолит // Археология Украинской ССР: В 3-х т. — Киев, 1985. — Т. 1. — С. 12–54.

Гладких М. И. К вопросу о разграничении хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических общностей позднего палеолита // Палеоэкология древнего человека. — М., 1977. — С. 112–116.

Колосов Ю. Г. Изучение материалов из Шайтан-Кобы // МИА. — 1971. — № 173. — С. 162–166.

Колосов Ю. Г. Шайтан-Коба — мустьерская стоянка в Крыму. — К.: Наук. думка, 1972. — 157 с.

Колосов Ю. Г. Мустьерские стоянки района Белогорска. — Киев: Наук. думка, 1983. — 206 с.

- Колосов Ю. Г. Ранний палеолит Крыма (Культурно-хронологическая периодизация. Аккайская мустьерская культура): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Киев, 1985. — 34 с.
- Крайное Д. А. Бахчисарайская мустьерская стоянка // Исследование палеолита в Крыму. — Киев, 1979. — С. 106–133.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические общности: К постановке вопроса // СЭ. — 1955. — № 4. — С. 3–17.
- Праслов Н. Д. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. — М., 1984. — С. 94–111.
- Ситливый В. И. Ашельская эпоха в Центральной Европе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1985. — 18 с.
- Формозов А. А. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите // МИА. — 1958. — № 71. — 124 с.
- Формозов А. А. Мустьерская стоянка Кабази в Крыму // СА. — 1959. — № 20. — С. 143–158.
- Basler D. Arheoloski nalazi u Crvenoj Stijeni // Glasnik Zemaljskog Muzeja Bosne i Hercegovine u Sarajevu. — 1967. — Т. 19. — С. 7–30.
- Basler D. Crvena Stijena // Sbornik radova. — Nisic, 1975.
- Brunnacker K. Die Sedimente der Crvena Stiena // Glasnik Zemaljskog Muzeja Bosne i Hercegovine u Sarajevu. — 1967. — Т. 19. — С. 31–60.
- Clein R. The Mousterian of the European Russia // Proceedings of the Prehistoric Society. — Cambridge. 1969. — Vol. 35. — P. 77–112.
- Hancova S. Cultural differentiation in the Middle palaeolithic on the Balkan Peninsula // Prace archeologiczne. — Warszawa — Krakow, 1979. — Т. 28. — P. 14–33.
- Males M. Gornjopleistocenska fauna Crvene Stijene // Glasnik Zemaljskog Muzeja Bosne i Hercegovine u Sarajevu. — 1967. — С. 67–80.

В. Ю. КОЕН

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА КАФКА-БОГАЗ В КРЫМУ

Работа посвящена анализу материалов новой открытой стоянки Кафка-Богаз в Крыму. На основании типолого-статистического изучения материалов и их сравнения с другими памятниками финального палеолита и неолита Крыма, стоянка датируется временем сложения неолитической культуры на этой территории.

Для кремневых индустрий развитого неолита Крыма характерно наличие трапедий со струнной спинкой и сегментов с пологоретушированной вершиной. Эти комплексы формируются в течение всего неолита. Материалы Кафка-Богаз отражают ранние этапы этого процесса.

Стоянку Кафка-Богаз обнаружил в 1983 г геолог В. П. Душевский, который произвел на ней сбор подъемного материала. В 1985 г. автор статьи провел разведочные исследования этой стоянки.

В результате шурфовки удалось выявить участок с наименее потревоженным культурным слоем и раскопать площадь 50 м². Получен выразительный кремневый комплекс ранне-неолитического возраста и небольшой жилищно-бытовой объект — яма-полуземлянка.

Стоянка расположена в Юго-Западном Крыму на территории Бахчисарайского района, между селами Залесное, Терновка и Крепкое, в седловине невысокого перевала-прохода, который соединяет с запада на восток обширную и протяженную балку Джин-дере с Каралезской долиной. На современных картах эта местность известна под названием Пятая балка. Она разрезает гору Шелдан и в верховье упирается в седловину, которая резко обрывается в юго-восточном направлении к склону горы. Вниз по балке стекает родник Бельдеран, берущий свое начало на склоне, в 300 м на запад от стоянки. У подножия горы расположен населенный пункт Терновка.

Шурфами и раскопом выявлен культурный слой, нижний горизонт которого сохранился *in situ*. На стоянке установлена следующая стратиграфия:

- 1) гумусированный суглинок 0,05 м;
- 2) коричнево-красный суглинок 0,2 – 0,7 м;

На отдельных участках, в частности по восточной и западной стенкам раскопа, в верхней части этого слоя, прослеживается горизонт, состоящий из отдельных включений более темного суглинка с вкраплениями мелкого известняка.

- 3) желтоватый, опесчаненный суглинок с обильным включением известняковой крошки 0,5 – 0,6 м;

- 4) плотный серо-глинистый слой (вскрыт шурфом).

Общая глубина раскопа достигла 2 м.

Кремень встречается в слое коричнево-красного суглинка. Верхний горизонт культурного слоя разрушен пахотой. Отдельные поздние предметы проникают в нижний горизонт культурного слоя, но только на некоторых участках, которые четко фиксировались как стратиграфически, так и в плане. Судя по следам размывания отдельных участков нижнего горизонта культурного слоя, материал несколько смещен по горизонтали, но не стратиграфически.

Кремневый материал начинается с глубины 0,2 м и находится во взвешенном состоянии, но на глубине 0,3–0,35 м уже залегает горизонтально, и его количество резко возрастает. Типологическая однородность находок, условия их залегания в слое позволяют считать материалы из двух горизонтов культурного слоя единым во времени комплексом.

Всего в двух горизонтах культурного слоя стоянки обнаружен 971 предмет из кремня. В комплексах в разных пропорциях представлены орудия, нуклеусы и отходы их обработки. В качестве исходного сырья на стоянке использовался серый и коричневатый кремень хорошего качества. В районе стоянки выходы такого сырья отсутствуют.

Коллекция нуклеусов насчитывает 9 экз. (0,9 % общего количества кремня в комплексе). Преобладают нуклеусы для отщепов. Среди одноплощадочных выделяется плоский нуклеус для пластин средней сработанности со скошенной ударной площадкой (рис. 1, 18). Как известно, эта форма является характерным признаком неолита Крыма и, согласно периодизации А. А. Формозова, появляется на второй ступени его развития вместе с трапециями с заходящей на спинку ретушью [Формозов, 1962, с. 117].

Широко представлена группа пластин и их сечений – 165 экз., что составляет 16,9 % всей коллекции. Среди них реберчатые (7), правильные пластины и пластинки (22), неправильные пластины и пластинки (69). Последние часто изогнутые, с неровными краями. В группе пластин они составляют 70 %. Правильные пластины были основной заготовкой для орудий, особенно для вкладышей; пластин и геометрических микролитов. Этим объясняется меньшее число необработанных пластин неправильных очертаний (22,4 %). Среди пластин примерно половина приходится на сломанные – 85 экз.

Сечений пластин – 67 экз., или 6,9 % всей коллекции. В основном это сечения правильных пластинок. Многие из них имеют на боковых гранях следы использования. Сечения треугольной формы отсутствуют, как и треугольники. Большинство сечений пластин – короткие (до 1,5 см), что является одним из показателей высокой степени микролитизации индустрии памятника.

Отщепов насчитывается 293 экз., или 30,1 % всего кремня коллекции. Много обломков кремня – 375 (38,6 %), причём преимущественно мелких – 72,2 %.

Для описания и классификации орудий наряду с обычной типологической дифференциацией комплекса используются две категории более высокого порядка: орудия общего назначения и специализированные орудия. Сравнивая эти две категории изделий в количественном отношении, можно более определенно судить о производственном, а в отдельных случаях и о хозяйственном характере памятника.

Всего в культурном слое стоянки обнаружено 126 орудий, что составляет 12,9 % общего числа находок. Орудия общего назначения, включающие все типы изделий, кроме микролитов, острий и наконечников стрел, составляют значительное большинство – 99 экз., или 79,8 % всех орудий. Пластин с ретушью – 9. Ретушь краевая, струйчатая, нерегулярная. В четырех случаях она располагается на брюшке изделий, на двух из них имеется поперечная ретушь на сломе. Иногда обработанные ретушью края сочетаются с ретушированной со спинки выемкой. Отщепов с ретушью насчитывается 25 экз.

Зубчато-выемчатые орудия делятся на две группы: 1) пластины-анкоши;

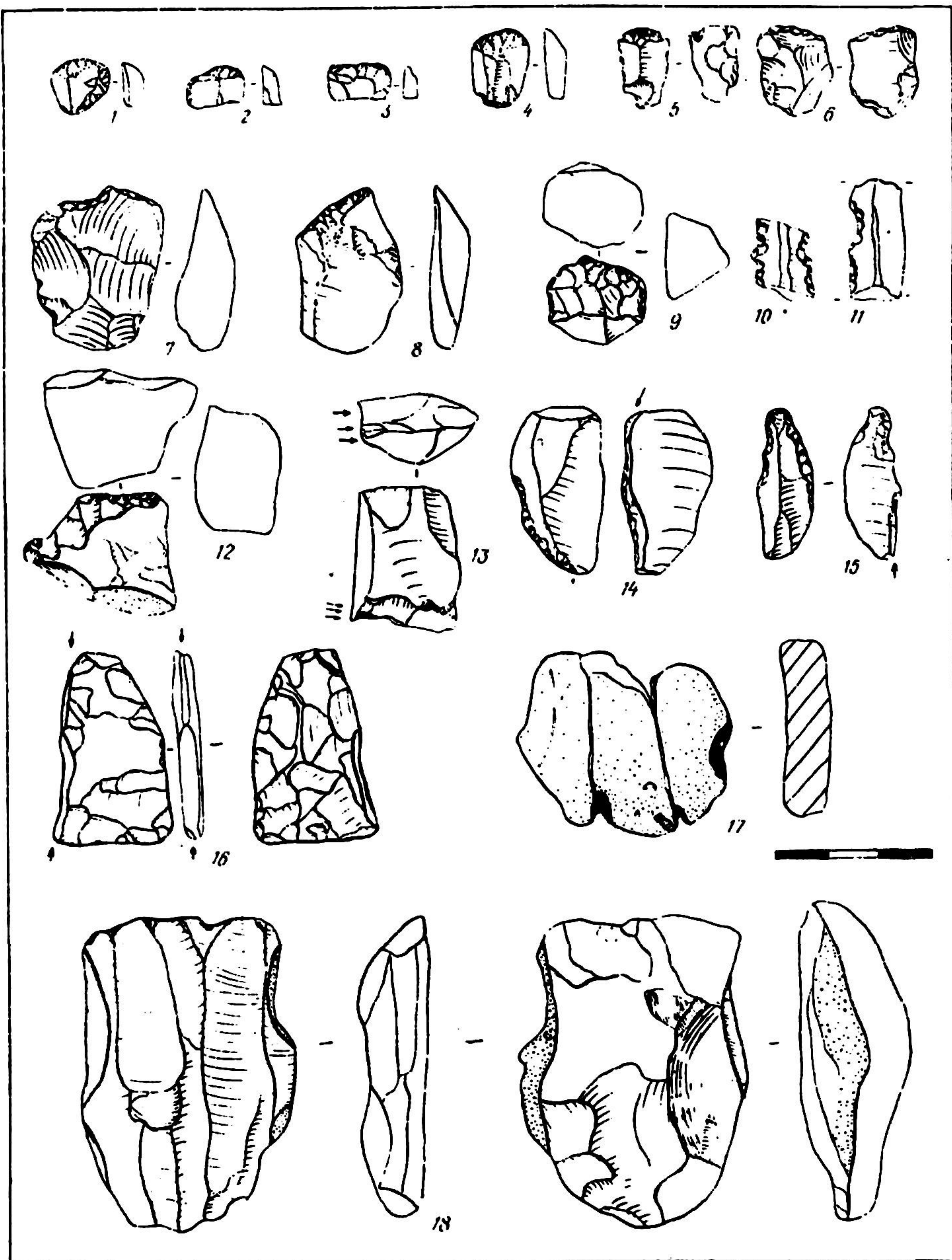

Рис. 1. Кремьень и керамика со стоянки Кафка-Богаз (1-18)

2) орудия с одной ретушированной выемкой. Последние представлены восемью изделиями. Заготовками для них служили отщепы и обломки. Выемки образованы крутой и пологой ретушью на концах и боковых сторонах заготовок. Пластины-анкоши представлены пятью типичными формами (рис. 1, 10, 11). Эти изделия, характерные для тарденуаза и неолита Крыма, встречаются на данной территории повсеместно [Бонч-Осмоловский, 1934, с. 168]. Но в отличие от "тарденуазских" пластин-анкошей они изготовлены не на правильных крупных пластинах, а на их сечениях.

Резцы в количестве 8 экз. (рис. 1, 13, 14). Они представлены угловым и боковым на отщепах, угловым на пластине и на сломе пластины, резцами на обломках. Скрепки в комплексе преобладают, их 29 экз., что составляет 2,9 % комплекса

находок и 23 % всех орудий. Среди них большинство – концевые на отщепах (9), концевые на пластинах (4) и скребки с широким лезвием (5), микроскребки из укороченных пластин (рис. 1, 2, 3) и подокруглый микроскребок (рис. 1, 1). Скребки с широким рабочим участком изготавливались на отщепах, края которых почти полностью обрабатывались полукруглой и пологой скребковой ретушью.

Комплекс скребков стоянки Кафка-Богаз имеет показательные технико-морфологические особенности, которые могут быть использованы для датировки памятника: пологие рабочие края и микролитичность. Эти показатели фиксируют следующие за "тарденуазом" этапы развития технологии кремневого производства в Крыму. Такой вывод подтверждают находки высокого округлого скребка на отщепе и скребка со скошенным лезвием (рис. 1, 8, 9). Этот тип, по данным А. А. Формозова, впервые появляется в инвентаре яйлинской стоянки Ат-баш [Формозов, 1962, с. 98]. Другая форма – высокий округлый скребок на отщепе – имеет менее четкие хронологические рамки, но более широкое географическое распространение. Такие скребки хорошо известны в Надпорожье в памятниках типа Кизлевый [Даниленко, 1969, с. 24, 25; Телегин, 1982, с. 105]. Единичными экземплярами они представлены в кремневом комплексе стоянки Кукрек [Векилова, 1951, с. 92, рис. 21].

В целом, по типам скребков стоянку Кафка-Богаз можно отнести ко времени неолита.

В культурном слое стоянки обнаружено два сверла, одно из них на обломке кремня, на одной из граней его крутой ретушью сформирована шиповидная рабочая часть с характерными встречными микросколами с брышка, другое сверло на пластине с частично обработанной крутой ретушью, овальной спинкой и резцовым сколом (рис. 1, 5). Имеется также двусторонне обработанный наконечник подтреугольной формы с прямым основанием (рис. 1, 16) и встречными резцовыми сколами на боковой стороне. Вершина сломана. Наконечник найден в заполнении полуземлянки и, очевидно, является более поздней энеолитической примесью к комплексу.

Специализированные орудия представлены геометрическими микролитами (24) и составляют 19,1 % всех орудий. Среди них выделяется наконечник стрелы, изготовленный в виде асимметричной удлиненной трапеции с вогнутой боковой стороной (рис. 2, 1). Этот тип геометрических микролитов имеет ряд разновидностей, выделяющихся усечением длинной боковой стороны изделия и наличием или отсутствием зубчиков на верхнем основании. Л. Г. Мацкевой приводятся данные о распространении этих микролитов в Крыму и на других территориях (Ат-баш, Хуру-Агач, Кизил-Коба, Фронтное I, Ленинское I, Луговое I, Алексеевка I, Кой-Асан-I, Цветочное I; Северо-Западное Причерноморье, Урал, Туркмения). Хронологические рамки распространения этого наконечника ограничиваются "тарденуазом" и ранним неолитом [Мацкевой, 1977, с. 48]. Отметим, что асимметричные трапеции с вогнутой боковой стороной в различных вариациях характерны для прото-неолитических культур Средиземноморья [Aragicio - Perez, 1984]. В виде удлиненных асимметричных наконечников они встречаются в верхнем капси [Camps, 1975].

В коллекции Кафка-Богаз в разных пропорциях представлены все основные типы геометрических микролитов, кроме треугольников. Последние, как известно, исчезают в Крыму в среднем "тарденуазе". В комплексе геометрических микролитов имеется прямоугольник. С технико-типологической точки зрения он представляет собой поперечно усеченную с двух сторон правильную пластину. Коллекция содержит один сегмент с хордой, обработанной плоской ретушью и резцовым сколом по дуге (рис. 2, 2). Этот тип микролита наряду с трапециями со струганой спинкой является одной из основных форм в комплексах неолита Крыма [Бибилов, 1940]. Единичность находки по отношению к другим геометрическим микролитам имеет важное

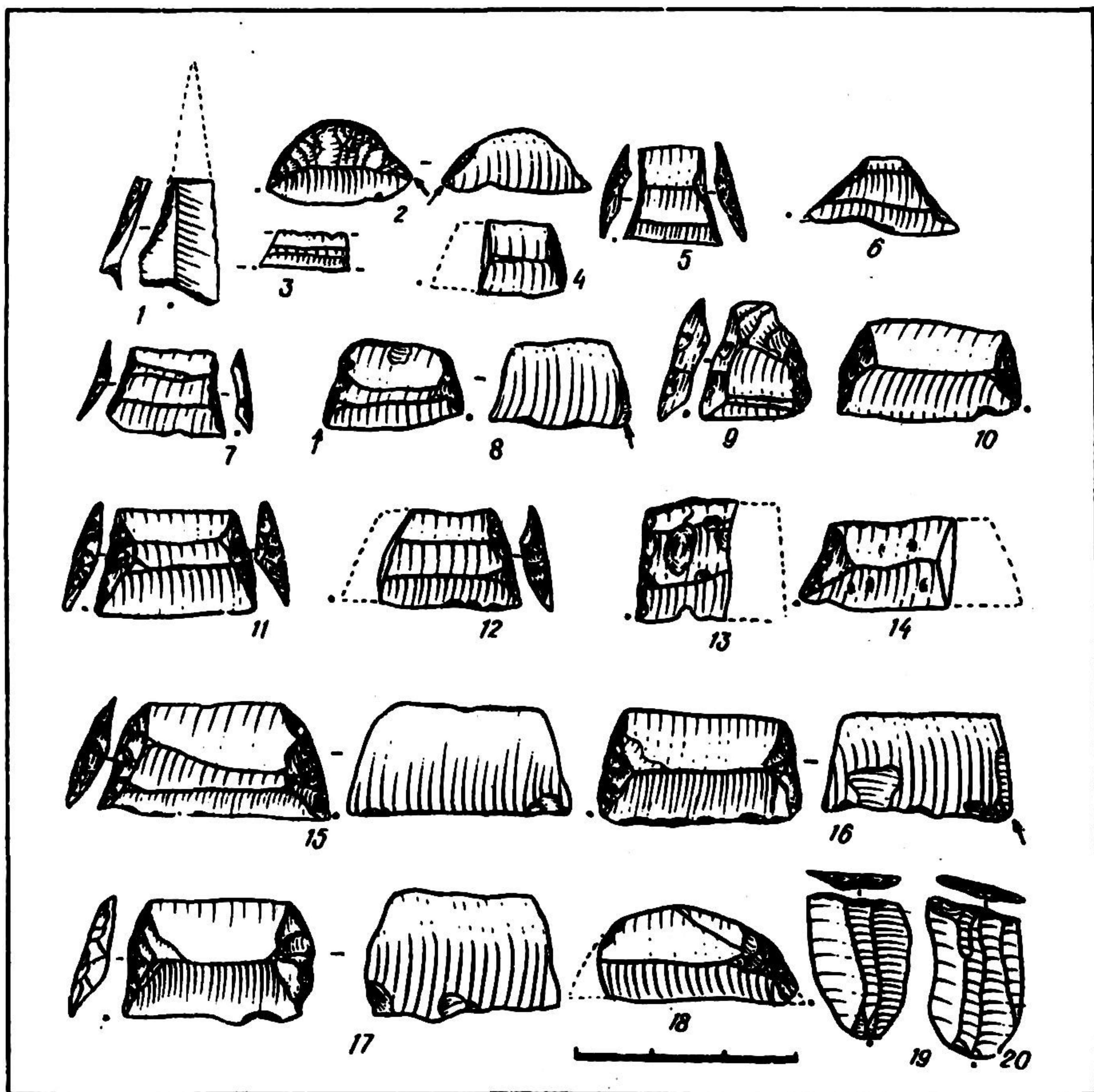

Рис. 2. Микролитический комплекс (1-20)

хронологическое значение, так как в неолите Крыма сегменты с заходящей на спинку ретушью появляются раньше, чем трапеции со струганой спинкой [Формозов, 1962, с. 117].

Большинство микролитов составляют трапеции — 17 экз. На их долю приходится 13,4% всех орудий коллекции. Большинство микролитов представлены удлиненными симметричными крупными трапециями с пологой, заходящей на спинку ретушью — 6 экз. (рис. 2, 11, 15-17). Эти микролиты своеобразны. В их изготовлении уже не использовалась крутая ретушь. Применение крутой, или отжимной, ретуши тесно связано с определенными типами трапеций, их формой и размерами. В частности, трапеции с пологой, частично заходящей на спинку ретушью исключительно удлиненные, средневысокие и достаточно массивные. Как правило, они симметричные. Это подтверждают и материалы Кафка-Богаз.

Наиболее выразительные серии таких трапеций выявлены в верхнем слое Алимовского навеса, который датируется "позним тарденуазом" или ранним неолитом [Формозов, 1954; Столяр, 1961]. Исходя из того, что эти трапеции имеют устойчивые технико-морфологические признаки и могут рассматриваться как определенный хронологический показатель ранне-неолитических памятников, целесообразно называть их трапециями алимовского типа. Отметим, что эти трапеции предшествуют появлению трапеций со струганой спинкой, но существуют как самостоятельный тип на протяжении всего неолита.

Также следует отметить симметричные средневысокие трапеции с вогнутыми круторетушированными боковыми сторонами — 3 экз. (рис. 2, 5, 7). Типичные трапеции представлены четырьмя экземплярами (рис. 2, 6, 8).

Некоторые микролиты имеют подработанное ретушью верхнее основание (рис. 2, 13). Выделяются переходная форма от трапеции к сегменту с пологой, заходящей на спинку ретушью (рис. 2, 18), и три поперечно усеченных ретушью пластинки-заготовки для трапеций (рис. 2, 19, 20). Отдельные геометрические микролиты подправлены резцовыми сколами (рис. 2, 2, 8, 16). Удлиненные трапеции с пологой ретушью, в том числе трапеции алимовского типа, имеют на нижнем основании следы использования в качестве вкладышей. Некоторые микролиты имеют плоскую подтеску с бруска, напоминающую обработку кукрекских вкладышей (рис. 2, 16).

Кроме изделий из кремня, в культурном слое стоянки найдено три кусочка охры и семь мелких фрагментов керамики. Это мелкие обломки стенок относительно тонкостенного (до 1 см) лепного сосуда. Ввиду фрагментарности керамики систему фрагмента восстановить не удалось. Стенки светло-коричневого цвета, плохого обжига, в качестве примесей использовалась мелкая известняковая крошка. Видимо, она содержала и органические примеси, так как масса рыхлая и в воде рассыпается (рис. 1, 17). Керамика в целом не выразительна и, вероятно, относится к энеолитическому времени. Несомненно, керамика и наконечник составляют случайную позднюю примесь к основному комплексу неолитического времени.

Вызывает интерес находка на стоянке Кафка-Богаз ямы-полуземлянки (рис. 3). Она обнаружена в западной части раскопа. Верхняя граница полуземлянки прослеживается с уровня нижнего горизонта культурного слоя стоянки. Вероятно, ее верхняя граница находилась выше, но разрушение верхнего горизонта не позволило это определить. Полуземлянка была впущена в подстилающий культурный слой, представляющий собой желтый суглинок (слой 3), и четко прослеживалась в плане и в профилях (рис. 3). Она ориентирована в направлении запад-восток, имеет вытянутую форму и расширяется в западном направлении, глубина 0,30–0,35 м, пологие стенки сужаются к основанию. Максимальная длина по верхней границе – 2,25 м, ширина 1,20 м. На дне, в небольшом углублении, обнаружен очаг. Он имеет вид черно-красной прослойки обожженной почвы с включением по всей толще угля и золы, в плане округлой формы, диаметром 0,5 м. Разновременные находки встречены по всей толще заполнения полуземлянки, и только в тонком слое (0,05 м), непосредственно примыкавшем к очажному углублению (пол полуземлянки), находки зафиксированы на месте первоначального залегания (рис. 3, 1). Среди них преобладают отходы производства.

В финальном палеолите ("мезолите") Крыма мало памятников, где можно предполагать наличие жилищ. Они представлены в двух разновидностях: искусственные заслоны, укрепленные в основании навалом камней (нижние слои навесов Шан-Коба и Фатьма-Коба), и временные охотничьи пристанища с наскоро поставленными шалашами из растительных материалов [Бибиков, 1981, с. 47].

Искусственный заслон известен в гроте Киик-Коба – одной из древнейших стоянок Крыма [Любин, 1969]. Основные элементы этого жилища, его структура – естественное укрытие (навес или грот), завал камней в основании заградительной стенки, жилая площадка, расположенная с внутренней стороны – сохраняются почти без изменений на протяжении всего палеолита. Такие жилища известны в пещерных стоянках на других территориях [Riek, 1973, p. 81; Voop, 1976, p. 666, 673].

В памятниках открытого типа в Крыму жилища почти неизвестны. Исключение составляет нижний слой стоянки Кукрек, где Е. А. Великова предполагает наличие небольшого наземного жилища с очагом в центре [Великова, 1951, с. 89]. В эту группу, очевидно, следует включить небольшое жилище-шалаш с ямой-полуземлянкой и очагом Кафки-Богаз. В этом случае полуземлянка с очагом являлась лишь составной частью наземного жилища. Оче-

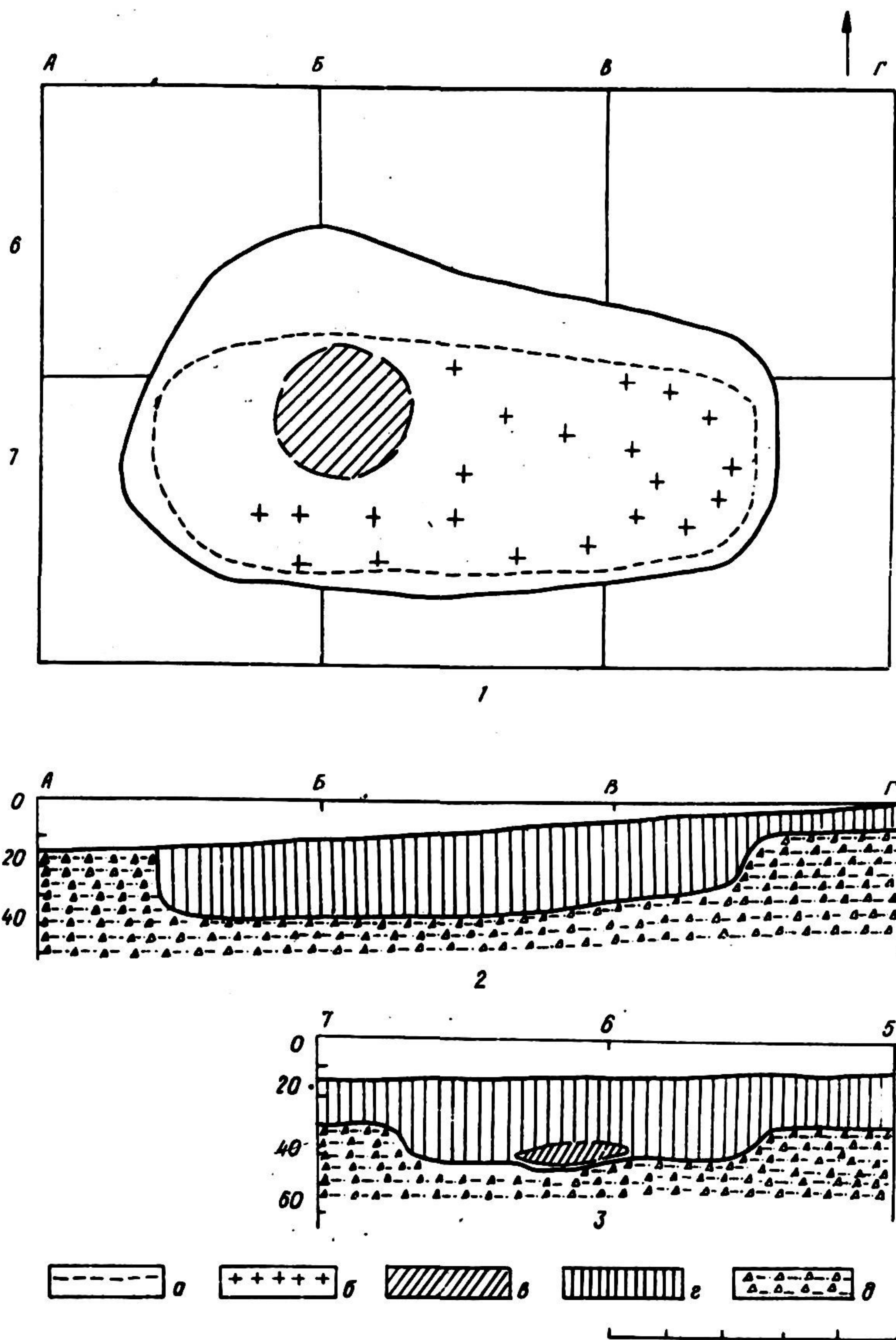

Рис. 3. Яма-полуполуземлянка:
 1 — план; 2, 3 — профили с севера и запада
 условные обозначения:
 а — нижняя граница полуземлянки; б — кремневые находки; в — очаг;
 г — заполнение полуземлянки; д — подстилающий слой

видно, что вопросы изучения и классификации жилищ финального палеолита и неолита Крыма требуют новых фактических данных.

Типолого-статистический анализ кремневого инвентаря позволяет определить производственную специфику Кафка-Богаз, в инвентаре которой мало нуклеусов. Большинство из них представлено невыразительными экземплярами. Обнаружено очень небольшое число отходов их обработки — реберчатых пластин и осколков подправок нуклеусов. По отношению к общему количеству отщепов мало первичных отщепов, но в коллекции хорошо представлены пластины. Это позволяет считать, что мастерские, где производилось опробование, первичное расщепление сырья и изготовление нуклеусов, находилась за пределами стоянки, на выходах кремня. Таким образом, Кафка-Богаз представляет собой стоянку с неполным циклом кремневого производства.

Для датировки стоянки использованы следующие технико-типологические показатели: преобладание удлиненных и средневысоких микролитов, некоторое преобладание трапеций алимовского типа, отсутствие трапеций со струганой спинкой и две находки – асимметричного трапециевидного наконечника стрелы с вогнутой боковой стороной и плоского нуклеуса.

Предложенные критерии для датировки памятника могут быть использованы только в комплексе. Однако основным показателем есть геометрические микролиты. Комплекс этих изделий неизвестен в "тарденуазе" и является ранним в рамках неолита Крыма. Это подтверждается отсутствием трапеции со струганой спинкой, известных в поздненеолитических индустриях. Комплекс геометрических микролитов и других орудий выглядит однородным. Двусторонне обработанный наконечник и немногочисленная керамика есть более поздней энеолитической примесью к комплексу.

Таким образом, стоянка Кафка-Богаз может быть отнесена к раннему неолиту и, по-видимому, синхронизируется с Таш-Аир (слой VII, VIII), Алимовским навесом (верхний слой), Ат-баш. Все эти памятники не одновременны. Занимаемый ими отрезок времени связан с развитием в Крыму процессов неолитизации.

Бибилов С. Н. К вопросу о неолите в Крыму // КСИИМК. – 1940. – Вып. 4. – С. 28–30.

Бибилов С. Н. Эпоха мезолита (эпипалеолита) // История Украинской ССР. – Киев, 1981. – Т. 1. – С. 47.

Бонч-Осмоловский Г. А. Итоги изучения крымского палеолита // Труды АИЧПЕ. – М. – Л., 1934. – Вып. 5. – С. 166.

Векилова Е. А. Эпипалеолитическая стоянка Кукрак в Крыму // КСИИМК. – 1951. – Вып. 36. – Рис. 21. – С. 89, 92.

Даниленко В. Н. Неолит Украины. – Киев: Наук. думка, 1969. – С. 24, 25.

Любин В. Н. О вероятности искусственных сооружений в гроте Киик-Коба // СА. – 1969. – № 2. – С. 244–246.

Мацкевой Л. Г. Мезолит и неолит Восточного Крыма. – Киев: Наук. думка, 1977. – С. 48, 51.

Столяр А. Д. Мезолитические комплексы Алимовского навеса в Крыму // КСИИМК. – 1961. – Вып. 84. – С. 38–44.

Телегин Д. Я. Мезолітичні пам'ятки України. – К.: Наук. думка, 1982. – С. 105, 200.

Формозов А. А. Исследование стоянок каменного века в Крыму // КСИИМК. – 1954. – Вып. 54. – С. 62–70.

Формозов А. А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа // МИА. – 1962. – № 102. – С. 96, 98, 117.

Aparicio-Perez J. Le mésolithique dans la Région de Valence. Espagne // L'Anthropologie. – 1980. – 88, N 3. – P. 327–343.

Camps G. Les industries épipaléolithiques du Magreb et du Sahara Septentrional – Epipaléolithique Méditerranéen. – Paris, 1975. – P. 83–117.

Boon J. Les structures d'habitat au Mésolithique // La Préhistoire Française. – Paris, 1976. – Т. 1. – P. 666, 673.

Riek G. Das Paläolitikum der Brilleuhöhle bei Blaubeuren. – Stuttgart, 1973. – P. 81.

II. ХОЗЯЙСТВО

Л. Л. ЗАЛИЗНЯК

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ОХОТНИКОВ ПРИЛЕДНИКОВОЙ ЕВРОПЫ

Анализ планиграфии позднепалеолитических памятников Восточной Европы свидетельствует, что общины приледниковых охотников конца плейстоцена состояли в среднем из пяти–шести малых семей и насчитывали около 25–30 человек каждая.

Малая семья и община – основные социально–экономические подразделения обществ охотников и собирателей. Если главной функцией семьи было воспроизводство и воспитание потомства, то община охотников и собирателей являлась прежде всего производственным объединением и выполняла экономические функции. Семья в охотничье–собирательском обществе, как правило, была патрилокальной и насчитывала в среднем пять–семь человек. Община зачастую состояла из пяти–семи семей общей численностью 25–30 человек [Steward, 1936; Birdsell, 1968; Binford, 1968; Кабо, 1968, 1986; Harsan, 1981].

Эти выводы были получены главным образом на основании этнографического анализа социальной структуры современных обществ охотников и собирателей. Д. Бирдселл и Л. Бинфорд высказывали предположение, что малая семья и община указанной численности характерны для всех охотничьих обществ, начиная со среднего палеолита [Birdsell, 1968, p. 235, 239]. Современное состояние археологических источников позволяет проследить наличие аналогичных структур в позднепалеолитических обществах приледниковой Европы. Особенно информативной в отношении реконструкции устройства древних обществ является планиграфия поселений [Binford, 1983; Clark, 1975, p. 96, 97; Шовкопляс, 1965, с. 270, 273].

До недавнего времени в литературе господствовала точка зрения на общину охотников конца плейстоцена как крупный коллектив из нескольких сот человек, живших оседло в обширных родовых поселках [Ефименко, 1953, с. 362, 370]. Главным доказательством этого положения считали большие размеры некоторых позднепалеолитических памятников.

Действительно, протяженность некоторых стоянок позднего палеолита достигает многих десятков и даже сотен метров. Примером могут служить поселения Мальта в Сибири, Пушкари на Украине, свидерские стоянки Гутовичи, Переволока, Нобель, Лютка, Смячка и другие в Украинском Полесье. Их возникновение объясняется специфическим образом жизни приледниковых охотников [Зализняк, 1989, с. 15].

Перигляциальные тундро–степи характеризовались незначительной ролью древесной растительности. Чем меньше роль леса в ландшафте, тем большие стада образуют травоядные. Поскольку крупные стада быстро унич-

© Л. Л. Зализняк, 1990

ISBN 5-12-0015-19-0 Каменный век..., Киев, 1990

тожают пастбища, то подвижность животных возрастает. Учитывая высокую продуктивность перигляциальной степи, закономерно в приледниковой зоне предположить большую численность травоядных, которые, обитая в открытых ландшафтах, должны были образовывать гигантские стада, находившиеся в постоянном движении. Кроме ежедневной смены пастбищ травоядные ежегодно осуществляли две массовые сезонные миграции: осенью на юг, а весной на север [Формозов, 1969, с. 71; Палеогеография..., 1982, с. 113]. В позднем палеолите массовость и сезонность этих миграций была выражена в большей степени, чем миграций карибу в современной тундре или бизонов в прериях XIX в., так как перигляциальный климат отличался резкой континентальностью, а значит большими перепадами между летними и зимними температурами.

Миграционные циклы травоядных перигляциальной тундро-степи диктовали сезонность приледникового охотничьего хозяйства. Не имея транспортных средств, позднепалеолитические охотники не могли следовать за стадами сезонно мигрирующих животных. Однако неизменность путей миграции травоядных создавала условия для массового коллективного боя млекопитающих на путях переходов с зимних на летние пастбища и наоборот. На концентрацию позднепалеолитических стоянок Восточной Европы на границе летних и зимних пастбищ плейстоценовых травоядных обращал внимание В. П. Степанов [1976, с. 305].

Заготовив достаточно мяса в процессе коллективной охоты во время осенней миграции травоядных, община питалась им всю зиму. Миграция, как правило, предшествовала морозам, которые способствовали сохранению запасов мяса вплоть до нового весеннего хода животных в противоположную сторону, во время которого мясо заготавливалось на летний период. Подобный годовой хозяйственный цикл был характерен в древности для этнографических охотников на северного оленя Заполярья: нунамютов, ихальмютов, нганасан, тундровых юкагиров и др.

Таким образом, экономической стратегией приледниковых охотников позднего палеолита является охотничий контроль над путями сезонных миграций стадных травоядных [Залізняк, 1989 б, с. 16]. Поэтому община первобытных обитателей приледниковья фактически эксплуатировала охотничьи угодья, значительно превышавшие территории, которые охотники могли обойти пешком. Этот фактор, наряду с высокой биомассой природного окружения, – главная причина большой продуктивности приледникового охотничьего хозяйства. Высокоэффективная осенняя и весенняя охота на сезонно мигрирующих стадных травоядных, дополняемая менее интенсивной охотничьей деятельностью зимой и летом, являлись основой экономики охотников не только приледниковых, но также тундровых и степных открытых пространств послеледниковья. Это позволяет использовать с определенными поправками данные по этнографическим охотникам на северного оленя тундры и бизона прерий для реконструкции образа жизни позднепалеолитических обитателей приледниковья тундро-степи.

Не располагая транспортом для вывоза мяса с мест массового боя животных, позднепалеолитические охотники вынуждены были селиться в непосредственной близости от мест коллективной охоты на постоянном миграционном пути стадных травоядных. Так, стоянка Солютре располагается рядом с местом загонной охоты на лошадей, стоянка Амвросиевка в Донбассе – в 200 м от костища, на котором убито свыше 1000 бизонов. Рядом с финальнопалеолитической стоянкой Мэррей Спрингс в штате Аризона (США) обнаружено два синхронных ей костища, на одном из которых обнаружены кости двух мамонтов, на другом – десяти бизонов.

Прямым доказательством расположения позднепалеолитических памятников вблизи мест коллективной охоты является наличие на них черепов таких крупных животных, как мамонт, бизон. Учитывая большой вес голов

этих травоядных (около 130 и 60 кг соответственно), их малую ценность для питания из-за небольшого количества мяса и жира на этих частях тела, полное отсутствие транспортных средств в палеолите, головы этих животных не могли транспортировать далее нескольких сотен метров. Даже не столь тяжелые головы северных оленей ихальмюты Канады, несмотря на наличие собачей упряжки, привозили на стойбище лишь в том случае, если животное убивали в ближайших окрестностях [Моуэт, 1963, с. 94].

Вследствие цикличности первобытного хозяйства, тесно связанного с годовым природным циклом, и традиционного права общины промышлять в рамках определенных угодий все охотники и собиратели периодически возвращались на места своих прежних стойбищ [Зализняк, 1989 б]. Так, Л. Бинфорд исследовал во внутренних районах Аляски разновременные охотничьи лагеря племени нунамутов, которые непрерывной полосой встречались на протяжении 500 м вдоль берега реки [1983, р. 113, 118].

Не имея возможности следовать за стадами травоядных из-за отсутствия транспортных средств, приледниковые охотники обитали на традиционных миграционных путях млекопитающих. Поскольку пути весенних и осенних миграций травоядных часто не совпадали [Расмуссен, 1958, с. 62], община охотников должна была по меньшей мере два раза в год менять место стойбища. Поэтому стоянки позднепалеолитических охотников носили сезонный характер. Постоянство миграционных путей стадных травоядных обуславливало периодическое возвращение охотничьих коллективов на места традиционных охот. Так возникали узлы памятников, многослойные стоянки, а также значительные по площади скопления археологического материала. Последние стали основанием для ошибочного представления о многочисленности общины приледниковых охотников [Зализняк, 1988 б].

Позднепалеолитические и мезолитические стоянки, если они не являются результатом многократного заселения, как правило, состоят из одного или нескольких скоплений археологических материалов средним диаметром 8 ± 2 м – "кременниц", по терминологии польских исследователей (табл. 1).

Скоплениями такого же масштаба и структуры являются хозяйственно-бытовые комплексы позднепалеолитических поселений. Несколько таких "кременниц" исследовано на Ворошиловградщине на позднепалеолитической стоянке Рогалик Акимовский. Из одного или нескольких аналогичных объектов состоят финальнопалеолитические стоянки культур Лингби, Арнсбург и Свидер Литвы и Латвии [Римантене, 1971]. Например по несколько таких скоплений кремня обнаружено на стоянках Вильнюс, Пувочай [Римантене, 1971, с. 25, 53], Лаукскола [Загорска, 1981]. Скопления сходных размеров исследованы на маглемезских стоянках Дании Холмегард, Мюллеруп, Свадборг I, Лундби, Дювензее и др. [Petersen, 1976, р. 72; Andersen, 1982, fig. 5]. Список "кременниц" можно продолжить.

Высказано предположение, что скопления археологических материалов указанного размера являются остатками стоянок отдельных малых семей [Clark, 1975; Schild., 1975, р. 223; Praehistoria., S. 413]. Но этот тезис нуждается в аргументации.

Кроме сходных размеров "кременницы" имеют однотипную планиграфическую структуру [Зализняк, 1989, с. 146]. В инвентаре каждого скопления, как правило, представлены орудия труда – как традиционно "мужские" (наконечники стрел и копий, орудия для обработки кремня, кости, дерева), так и "женские" (орудия для обработки шкур, шитья одежды). Судя по размерам и изолированности, скопления, вероятно, оставлены небольшими, частично хозяйственно самостоятельными группами населения, включавшими как мужскую, так и женскую часть производственного коллектива. Наличие в группе взрослых женщин подразумевает присутствие детей.

В тех случаях, когда удавалось исследовать жилища, связанные со скоплениями указанного типа (Борнек, Ридно IV, Цаловане V, Улкелstrup 1, 2,

Таблица 1. Размеры скоплений кремня /"кременниц"/ на позднепалеолитических и мезолитических стоянках Европы

Стоянка	Размер скопления	Средний диаметр	Библиография
Поздний палеолит			
Добраничевка 2	10 x 10 м	10 м	Шовкопляс, 1971
Добраничевка 3	11 x 10	10,5	"
Добраничевка 4	14 x 7	10,5	"
Межиричи 4	10 x 10	10	Гладких, Корниец, 1986
Чулатово 2	10 x 7	8,5	Soffer, 1985
Ямы	9 x 8	8,5	Кротова, 1986
Янисоль	7 x 6	6,5	Кротова, 1984
Нововладимировка 2	9 x 8	8,5	Оленковский, 1988
Сандер			
Смячка 14 А	10 x 7	8,5	Зализняк, 1986
Смячка 14 Г	8 x 5	6,5	"
Бор	8 x 7	7,5	"
Раска	10 x 7	8,5	" 1984
Прибор 13 А	10 x 8	9	" 1989
Прибор 13 Б	7 x 6	6,5	"
Прибор 13 Г	15 x 9	13	"
Прибор 13 Е	10 x 8	9	"
Прибор 13 Ж	12 x 10	11	"
Березно 6	9 x 8	8,5	"
Березно 14	11 x 6	8,5	"
Березно 15	7 x 8	7,5	"
Тутовичи 3	9 x 6	7,5	"
Тутовичи 4	11 x 9	10	"
Цаловане 5, зап.	10 x 5	7,5	Praehistoria...
Цаловане 5, вост.	7 x 5	8	"
Добигнево	6 x 6	6	"
Ридно IV	12 x 7	9,5	"
Ридно XI / 59	12 x 11	11,5	"
Витов, скопление 3	8 x 5	6,5	Chmielewska, 1978
Аренсбург			
Деймерн 45	10 x 7	8,5	Clark, 1975
Красноселье Е	9 x 6	7,5	Зализняк, 1989
Лингби			
Зегebro	8 x 7	7,5	Solomonsson, 1964
Эжяринас 11	10 x 8	9	Римантене, 1971
Эжяринас 15	9 x 5	7	"
Гамбург			
Борнек	9 x 11	10	Clark, 1975
Смедлница 17 А	6 x 5	5,5	Burdukewicz, 1987
Олдхолдволде	10 x 6	8	Stapert, Krist, 1987
Федермессер			
Смедлница 17, раск. 11	10 x 7	8,7	Burdukewicz, 1987
Смедлница 17, раск. 1-73		4	"
Цаловане, раск. IX	6 x 6	6	Praehistoria...
Цаловане, раск. IX а	6 x 6	6	"
Цаловане, раск. IX б	6 x 4	5	"
Цаловане, раск. XIII / 68 а	8 x 7	7	"
Цаловане, раск. XIII / 68 б	6 x 5	5,5	"
Мезолит			
Кудлаевка			
Криница 2 А	8 x 7	7,5	Зализняк, 1985
Броды 1	9 x 8	8,5	"
Броды 2	10 x 8	9	"
Коморница			
Велишев IV, 1	12 x 5	8,5	Praehistoria...
Велишев IV, 2	9 x 5	7	"
Велишев IV, 3	7 x 5	6	"
Велишев IV, 4	5 x 4 м	4,5 м	Praehistoria...

Окончание табл. 1.

Стоянка	Размер скопления	Средний диаметр	Библиография
Маглемезе			
Улкеструп 1	10 x 6	8	Andersen, Jorgensen, 1982
Улкелструп 2	9 x 5	7	”
Свадборг 2	8 x 7	7,5	Petersen, 1976
Яниславица			
Максимонис 4	8 x 6	7	Римантене, 1971
Вистка Шляхецка I—III	8 x 8	8	Schilde
Вистка Шляхецка I—III	8 x 5	7	”
Вистка Шляхецка III / 60	8 x 5	6,5	”
Дабровка I	6 x 7	6,5	Ginter, 1975
Сенчицы 5 а	7 x 10	8,5	Зализняк, 1988
Постсандер			
Паштува	9 x 8	8,5	Римантене, 1971
Канюкай	9 x 7	8	”
Песочный Ров	8 x 7	7,5	Зализняк, 1986

жилища хозяйственно-бытовых комплексов позднего палеолита), их средняя площадь соответствует площади жилищ отдельных малых семей этнографических охотников (около 20 м²).

Установлена прямая зависимость между площадью стоянки и численностью ее обитателей [Cook, Heizer, 1965, 1968; Hassan, 1981, p. 67–85]. В обществах охотников и собирателей на одного члена первобытного коллектива приходится 6–10 м² площади стоянки [Nagoll, 1962; Newell, 1973; Binford, 1968, p. 247; Hassan, 1981, p. 67–69]. При диаметре скоплений кремня на памятниках позднего палеолита и мезолита 8 ± 2 м их средняя площадь составляла 50 ± 20 м². Так как на одного обитателя стоянки в среднем приходилось 8 м² ее площади, то эти скопления были оставлены коллективами численностью 6 ± 2 человек, что соответствует средней численности малой семьи охотников и собирателей [Зализняк, 1989, с. 150].

Исследуя планиграфию стоянок тундровых охотников на северного оленя Аляски и сравнивая их с поселениями бушменов, австралийских аборигенов и других первобытных народов современности, Л. Бинфорд пришел к выводу, что стоянки этнографических охотников и собирателей состоят из одинаковых модулей, каждый из которых представляет собой стоянку отдельной малой семьи. Как правило, это скопления культурных остатков до 10 м диаметром, состоящие из жилища площадью около 20 м², кострища вне жилища, скоплений отходов кремнеобработки, кухонных отбросов и т. д. [Binford, 1983, p. 134, 147, 172].

Сходство планиграфической структуры и размеров стоянок малых семей этнографических охотников и собирателей со скоплениями археологических материалов на стоянках позднего палеолита и мезолита позволяет считать эти скопления остатками стойбищ отдельных малых семей первобытных охотников каменного века [Зализняк, 1987, 1989].

Вывод о наличии малой семьи в позднем палеолите получен на основании анализа позднепалеолитических жилищ Евразии [Шовкопляс, 1965; Григорьев, 1972]. О вероятной смене группового брака парным в позднем палеолите писал Ю. Б. Семенов [1973, с. 64]. Разделение труда между полами делало невозможным существование взрослой женщины с детьми без экономической связи со взрослым мужчиной [1974, с. 234].

Суровые природно-климатические условия приледниковой Европы предъявляли повышенные требования как к охотничьему мастерству, так и к умению изготавливать теплую одежду и жилище. Охотничье общество решает проблему совершенствования этих жизненно важных отраслей своей

деятельности за счет узкой специализации мужской и женской частей производственного коллектива. Углубление полового разделения труда могло идти лишь параллельно с усилением кооперации мужчины и женщины с целью обмена его результатами. Это явилось экономической предпосылкой существования малой семьи в приледниковых охотничьих обществах. Итак, продвижение на север охотничьих коллективов обусловило углубление разделения труда между полами, что в свою очередь, стимулировало становление и развитие малой семьи [Зализняк, 1987, с. 61–63, 1989, с. 149, 150].

Археологические материалы позволяют говорить о двух структурных подразделениях охотничьего общества позднего палеолита. Если памятники, состоящие из одного скопления материала диаметром около 10 м, фиксируют наличие в социальной структуре первобытных охотников небольших семейных групп, то стоянки, состоящие из нескольких таких скоплений, – о периодическом объединении семей в более крупные коллективы, вероятно, общины.

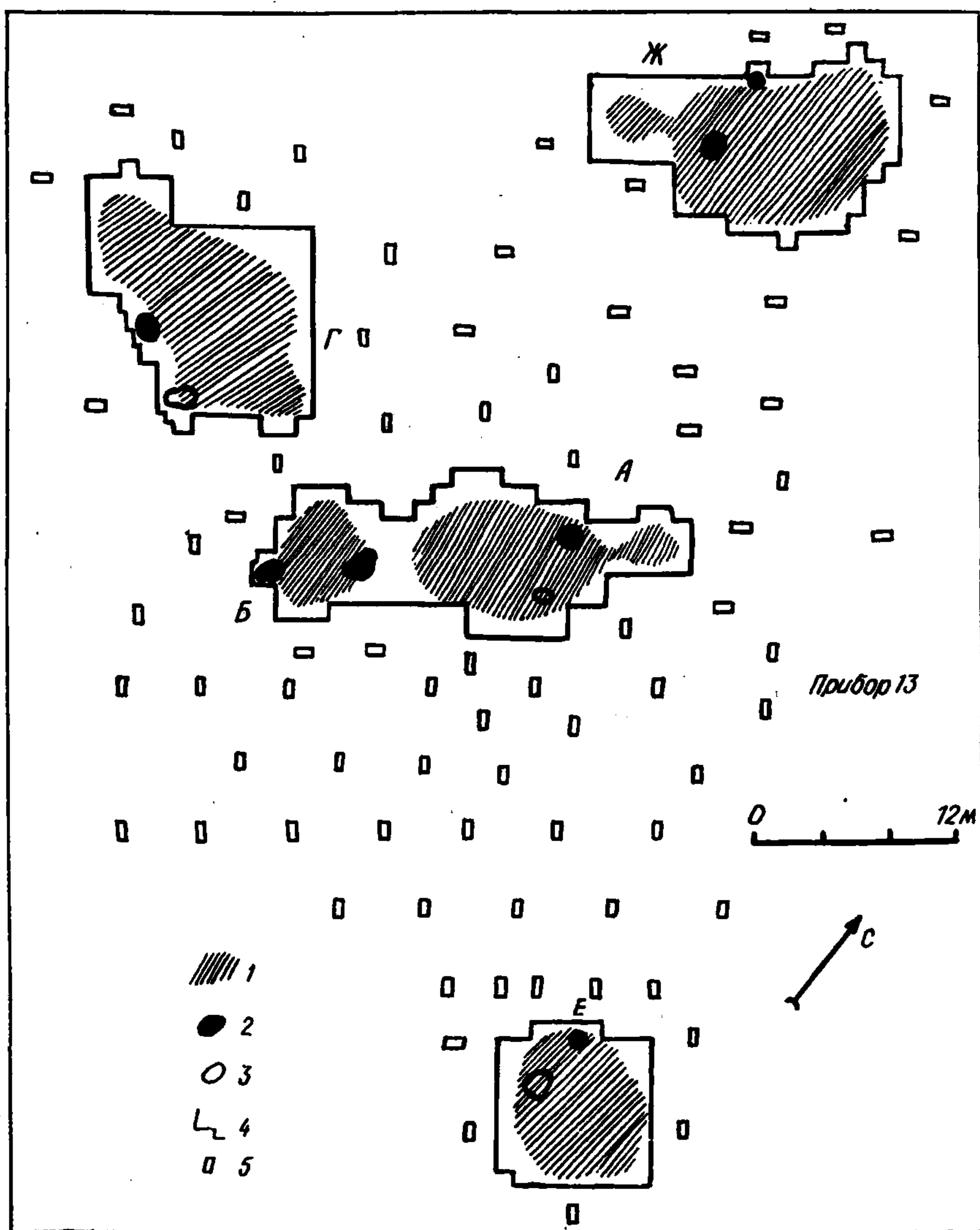
Большой интерес для реконструкции социального устройства финально-палеолитических охотничьих обществ представляют результаты исследования стоянки Прибор 13 (на Киевщине) – из пяти отдельных скоплений материала. Подборка частей сломанных кремневых изделий и сколов к нуклеусам (ремонтаж) показала, что обработка кремня и хозяйственные работы орудиями велись в пределах каждого пятна в отдельности. Этот факт, как и наличие стерильного пространства между пятнами, то есть изолированность каждого скопления, очевидно, свидетельствует об определенной хозяйственной самостоятельности каждой из пяти семей стоянки.

Ряд данных говорит в пользу того, что стоянка Прибор 13 представляет собой остатки поселка, в котором одновременно обитали пять семей свидерских охотников. Иначе невозможно объяснить концентрацию пяти скоплений на небольшом, ничем не примечательном и топографически не отличающемся от соседних участке ровного обширного плато вдалеке от края террасы. Высокая степень типологического сходства всех пяти кремневых комплексов стоянки и специфическое кремневое сырье, отличающее скопления памятника от соседних свидерских комплексов уроч. Прибор, свидетельствуют о наличии определенных связей между отдельными семьями, составляющими поселок. Это исключает возможность интерпретации стоянки как места случайного совпадения обитания не связанных между собой и живших здесь в разное время отдельных семей [Зализняк, 1989, с. 151–153].

Планиграфию стоянки нельзя объяснить пятикратным возвращением на прежнее место обитания одной и той же семьи, так как инвентарь каждого кремневого комплекса имеет некоторые индивидуальные особенности. Так, длина, ширина и массивность пластин, несмотря на одинаковое сырье, в каждом скоплении индивидуальны, что исключает возможность их изготовления одним и тем же мастером, пятикратно возвращавшимся в составе своей семьи на стоянку.

Кроме того, ни разу скопления не перекрывали друг друга, чего трудно было бы избежать при многократном возвращении одного и того же коллектива на прежнее место обитания. С другой стороны, если предположить, что пять скоплений – следы единовременного поселка свидерских охотников, то наличие стерильных промежутков между скоплениями вполне объяснимо, учитывая доказанную на основании ремонтажа хозяйственную обособленность каждого (рисунок).

Наличие двух уровней в социальной организации финальнопалеолитических охотников на северного оленя подтверждает структура общества их этнографического аналога: нганасан, эскимосов–карибу, нунамютов. На время весенних и осенних коллективных охот на мигрирующих оленей (поколок) несколько родственных семей объединялись в общину с целью создания запасов мяса. В случае удачной охоты община живет единым поселком в течение всей зимы, ведя активную социальную жизнь. Когда запасы мяса

Прибор 13. Общий план поселения.

Условные обозначения:

- 1 – скопления кремня; 2 – углистые линзы; 3 – ямы с отщепами;
4 – границы раскопа; 5 – шурф

истощаются, поселок распадался на отдельные семьи или их небольшие группы, которые кочуют в поисках пищи самостоятельно до новой весенней поковки [Gubser, 1965, p. 61, 62, Симченко, 1976, с. 185–188, Зализняк, 1989, с. 154].

В настоящее время в Восточной Европе известна планиграфия пяти общинных поселков охотников на мамонтов (Добраничевка, Межиричи, Мезин, Радомышль, Юдиново) и шести финальнопалеолитических общинных стоябищ охотников на северного оленя [Прибор 13, Раска, Смячка 14, Вильнюс, Пувочай, Лаукскола] (табл. 2). Общинные поселки охотников на мамонта состоят из отдельных хозяйственно-бытовых комплексов, в центре которых расположены круглые жилища. По своим масштабам и структуре эти скопления археологических материалов, с одной стороны, соответствуют концентрациям кремня на стоянках финальнопалеолитических и мезолитических охотников, а с другой, – скоплениям остатков на месте стоябищ отдельных малых семей этнографических охотников и собирателей. Зная среднюю чис-

Таблица. 2 Общинные поселки позднего палеолита Восточной Европы

Название памятника	Количество скопления	Культура	Библиография
Добраничевка	4	среднеднепровская	Шовкопляс, 1971
Мезин	4-5	"	" 1985, Сергин, 1987
Радомышль	6	"	Шовкопляс, 1964
Межиричи	5	"	Гладких, Корниец, Соффер, 1985
Юдиново	5	"	Сергин, 1985
Прибор 13	5	Свидер	Зализняк, 1989
Раска	4	"	"
Смячка 14	5	"	"
Пувочай	6	"	Римантене, 1971
Лаукскола	7	"	Загорска, 1981
Вильнюс	6	Лингби	Римантене, 1971

ленность семьи последних (пять-шесть человек) и количество стоянок отдельных семей в пределах общинного стойбища, не трудно определить величину общины охотников позднего палеолита.

На всех 11 общинных поселках позднепалеолитических охотников планиграфию которых удалось исследовать полностью, обнаружено приблизительно равное количество хозяйственно-бытовых комплексов 5 ± 1 . Одновременны ли они?

На основании всестороннего анализа культурного слоя, планиграфии, конструкции жилищ охотников на мамонта среднеднепровской культуры позднего палеолита В. Я. Сергин пришел к выводу, что эти поселения обычно состоят из одновременно существовавших жилищ [Сергин, 1974, с. 3-11]. Об этом же свидетельствует анализ планиграфии и кремневого инвентаря свидерского поселения Прибор 13 [Зализняк, 1989, с. 151-153]. Сам факт наличия во всех полностью исследованных позднепалеолитических общинных поселениях Восточной Европы почти равного числа хозяйственно-бытовых комплексов нельзя объяснить случайностью. Он свидетельствует о постоянной величине общины приледниковых охотников, насчитывавшей в среднем пять-шесть малых семей. Так как средняя семья в охотничьих обществах насчитывает пять-шесть человек, то численность позднепалеолитической общины составляла около 25-30 человек.

Кроме общинных поселков известны позднепалеолитические памятники, состоящие из одного-трех хозяйственно-бытовых комплексов. Общины всех охотников и собирателей, зафиксированных этнографами, в условиях недостатка продуктов питания распадалась на отдельные семьи и их небольшие группы, которые промыслили самостоятельно в пределах общинной территории.

Верхний предел численности семьи охотников и собирателей в значительной мере ограничен их подвижным образом жизни [Birdsell, 1968, Зализняк, 1989, с. 150, 151]. Поэтому, вероятно, семья средней численностью пять-шесть человек была характерна для сезонно мигрирующих охотников на северного оленя, степных охотников на бизона, охотников приледниковых гор. Относительно охотников на мамонта распространено мнение, что они вели малоподвижный образ жизни, обитая по несколько лет в долговременных поселках [Сергин, 1974, с. 3-11]. Поскольку численность семьи в охотничьих обществах ограничивалась необходимостью постоянных перемещений, то оседлый образ жизни должен был частично снять это ограничение. Поэтому у охотников на мамонта, если они действительно вели малоподвижный образ жизни, семьи (а значит, и община) должны были быть более многочисленными, чем у бродячих охотников и собирателей. Однако это не подтверждается анализом жилищ и планиграфии хозяйственно-бытовых комплексов приледниковых охотников, которые по площади соответствуют семейным жилищам и сопутствующим им скоплениям культурных остатков охотников, ведущих подвижный образ жизни и потому имеющих семью численностью в среднем пять-шесть человек.

В пользу большей численности семей охотников на мамонта будто бы свидетельствуют несколько большие размеры их хозяйственно-бытовых комплексов по сравнению со скоплениями археологических материалов на стоян-

ках финального палеолита и мезолита, значительная насыщенность культурного слоя, многочисленность набора орудий. Так, средний диаметр хозяйственно-бытовых комплексов охотников на мамонта $9 \pm 1,3$ м, тогда как скопления финального палеолита и мезолита имеют диаметр около 8 ± 1 м (табл. 1). Если количество орудий с отдельных хозяйственно-бытовых комплексов развитой поры позднего палеолита достигает 300–500 экз. (Добраничевка 1 – 547, Добраничевка 2 – 290) [Гладких, 1973 а, с. 18, 1973 б, с. 7], то на свидерских стоянках их 100 ± 30 [Зализняк, 1989, с. 147].

Эта разница может объясняться не столько размерами семей охотников на мамонтов, сколько большей степенью их оседлости. Вероятно, права О. Соффер, считая, что охотники на мамонта имели сезонные стоянки, функционировавшие по полгода [Soffer, 1985, p. 243]. Обитая на своих стойбищах продолжительное время, семья из пяти–шести человек оставит большее количество орудий, более насыщенный культурный слой и на большей площади, чем аналогичный по величине, но более подвижный семейный коллектив финальнопалеолитических или мезолитических охотников.

Кроме того, следует учитывать специфику стойбищ охотников на мамонтов, культурный слой которых, обычно, содержит значительное количество крупных костей. Благодаря хорошей сохранности фаунистических остатков площадь хозяйственно-бытовых комплексов во многих случаях оказывается больше, чем площадь тех же объектов, но зафиксированная исключительно по кремневым изделиям, как это обычно бывает на стоянках финального палеолита или мезолита. Хорошая сохранность костного материала создает впечатление большей насыщенности культурного слоя, а значит, и более интенсивной жизнедеятельности на хозяйственно-бытовых комплексах охотников на мамонта по сравнению со скоплениями кремня на финальнопалеолитических и мезолитических памятниках, где фауна, как правило, не сохраняется.

Возможно, семья у охотников на мамонтов несколько больше семей других охотничьих народов вследствие своего менее подвижного образа жизни. Если эта разница имела место, то она невелика, так как существенно не отразилась на площади их семейных жилищ и хозяйственно-бытовых комплексов. Не исключено, что мы преувеличиваем степень оседлости охотников на мамонтов, и тогда демография их семей и общин подчинялась всем тем законам, что и остальных сезонно-подвижных охотников.

Распространено мнение, что поздний палеолит – эпоха дислокальных брачных отношений, устанавливавшихся между экзогамными матриархальными общинами, проживавшими на значительном расстоянии друг от друга. С. А. Арутюнов определяет это расстояние в 40–50 км [1983, с. 64]. Трудно представить, каким образом в условиях полного отсутствия транспортных средств могли осуществляться дислокально-брачные отношения, предусматривающие регулярные посещения мужчинами дружественной общины, проживающей в 50 км. В зимний период такого рода пешие визиты вообще невозможны. Глубокое разделение труда между полами, продиктованное суровыми климатическими условиями приледниковой зоны предусматривало совместное ведение хозяйства женщиной и мужчиной и таким образом исключало возможность продолжительных отлучек последнего из коллектива, где он жил и трудился. Все это не согласуется с концепцией дислокального брака в позднем палеолите.

В пользу патрилокальности семьи приледниковых охотников свидетельствует большое сходство кремневого инвентаря отдельных хозяйственно-бытовых комплексов поселения между собой. Если бы мужчины, а не женщины приходили в общину извне, тогда между отдельными хозяйственно-бытовыми комплексами одного поселения имели бы место существенные различия в кремневом инвентаре. Так как мужчина является носителем традиций кремнеобработки, то в каждой из семей господствовали

приемы изготовления орудий труда, принесенные им из своей общины.

Прослеженные Л. А. Яковлевой различия во внешней обкладке жилищ одного позднепалеолитического поселения [1988, с. 11], вероятно, также объясняется патрилокальностью семей приледниковых охотников. Орнаментальные традиции коллектива, из которого пришла женщина в общину мужа, по-видимому, отражались в архитектурном орнаменте внешней обкладки жилища, хозяйкой которого она являлась. Если бы все женщины позднепалеолитического стойбища были выходцами из данной общины, то, очевидно, не существовало бы и такого разнообразия во внешнем облике их жилищ.

Следовательно, матрилокальность семьи неизбежно проявилась бы в существенных отличиях кремневого инвентаря отдельных хозяйственно-бытовых комплексов одного поселения между собой и в сходстве архитектурного орнамента жилищ. Сходство кремневых изделий разных хозяйственно-бытовых комплексов одного стойбища и различие внешнего облика отдельных жилищ свидетельствует в пользу патрилокальности семьи приледниковых охотников позднего палеолита [Зализняк, 1987, с. 64].

Археологические данные свидетельствуют, что существенных изменений в численности семьи и общины на грани палеолита и мезолита не произошло и нет оснований утверждать, что в позднем палеолите они значительно больше, чем в мезолите и у этнографических охотников и собирателей недавнего прошлого.

Универсальность первобытной общины, имевшей однотипное устройство в разных охотничьих обществах независимо от среды обитания, объясняется тем, что она является главным устойчивым элементом первобытной адаптивной системы. Общество с присваивающей экономикой в отличие от обществ основанных на производящем хозяйстве, взаимодействует со средой прежде всего через активную социальную адаптацию, а не через технологический контроль над природным окружением. Выработанная тысячелетиями организация общины, основанная на органическом сочетании устойчивости и пластичности, позволяла гибко и динамично реагировать на колебания пищевых ресурсов окружения путем изменения численности хозяйственных групп, степени их подвижности, способов добывания пищи и т. п., вместе с тем сохраняя общину как основную социально-экономическую ячейку первобытности [Кабо, 1981].

Сходные по социальной структуре и величине общины охотников позднего палеолита и мезолита отличались друг от друга образом жизни и хозяйственной стратегией. Если общины приледниковых охотников большую часть года жили в полном составе в местах коллективных охот на путях сезонных миграций стадных травоядных, то лесные мезолитические охотники, наоборот, сосредоточивались по охотничьей территории небольшими группами и собирались в общинном поселке на непродолжительный период времени. Поэтому можно предположить, что общины позднепалеолитических охотников открытых приледниковых пространств отличались большей степенью консолидации по сравнению с общинами лесных мезолитических охотников и собирателей. Последние большую часть года охотились в составе семьи или небольших групп семей, что неизбежно должно было укрепить внутрисемейные связи и способствовать дальнейшей консолидации малой семьи, как первичной структуры обществ высших охотников и собирателей.

Арутюнов С. А. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. — М. 1982. — С. 55–82.

Гладких М. И. До методики типолого-статистического анализа палеолитического кам'яного инвентаря // Археологія. — 1973 а. — 9. — С. 15–21.

Гладких М. И. Поздний палеолит Лесостепного Приднепровья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л. 1973 б. — 19 с.

Гладких М. И., Корниец Н. Л., Соффер О. Жилища из костей мамонтов на Русской равнине // В мире науки. — 1985. — № 1. — С. 68–74.

Григорьев Г. П. Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей // Охотники, собиратели, рыболовы. — Л., 1972. — С. 11–25.

- Ефименко П. П. Первобытное общество.— Киев: Изд-во АН УССР, 1953.— 663 с.
- Загорска И. А. Ранний мезолит на территории Латвии // Изв. АН Латв. ССР.— 1981.— №2.— С. 53—65.
- Зализняк Л. Л. Мезолит Юго-Восточного Полесья.— Киев: Наук. думка, 1984.— 120 с.
- Зализняк Л. Л. Культурно-хронологическая периодизация мезолита Новгород-Северского Полесья // Памятники каменного века Левобережной Украины.— Киев, 1986.— С. 74—142.
- Зализняк Л. Л. Мисливці прильодовикової Європи в кінці палеоліту та на початку мезоліту // Археологія.— 1988.— № 64.— С. 11—20.
- Зализняк Л. Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита.— Киев: Наук. думка, 1989.— 175 с.
- Зализняк Л. Л. Закономірності в розміщенні стоянок кам'яного віку.— Археологія.— 1989 б.— 2.— С. 11—20.
- Кабо В. Р. Первобытная община охотников и собирателей /По австралийским материалам // Проблемы истории докапиталистических обществ.— М. 1968.— Том 1.— С. 221—265.
- Кабо В. Р. Первобытное общество и природа // Общество и природа.— М., 1981.— С. 149—158.
- Кольцов Л. В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики.— М.: Наука, 1977.— 216 с.
- Кротова О. О. Пізньопалеолітична стоянка поблизу села Куйбьшеве в Приазов'ї // Археологія.— 1984.— 45.— С. 47—61.
- Кротова А. А. Культурно-хронологическое членение позднепалеолитических памятников Юго-Востока Украины // Памятники каменного века Левобережной Украины.— Киев, 1986.— С. 6—64.
- Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет.— М.: Наука, 1982.— 154 с.
- Римантене Р. К. Палеолит и мезолит Литвы.— Вильнюс: Минтис, 1971.— 203 с.
- Семенов Ю. И. О материнском роде и оседлости в позднем палеолите // СЭ.— 1973.— № 4.— С. 52—65.
- Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи.— М.: Мысль, 1974.— 308 с.
- Сергин В. Я. О хронологическом соотношении жилищ и продолжительности обитания на позднепалеолитических поселениях // СА — 1974. — № 1.— С. 3—11.
- Сергин В. Я. Структура Мезинского палеолитического поселения.— М.: Наука, 1987.— 104 с.
- Степанов В. П. Природная среда и зональность первобытного хозяйства в эпоху верхнего палеолита на территории СССР // Проблемы общей физической географии и палеогеографии.— М., 1976.— С. 100—322.
- Симченко Ю. В. Культура охотников на оленей Северной Евразии.— М.: Наука, 1976.— 310 с.
- Формозов А. Н. О фауне палеолитических памятников Европейской части СССР // Природа и развитие первобытного человека.— М., 1969.— С. 70—73.
- Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка.— Киев: Наук. думка, 1965.— 326 с.
- Шовкопляс И. Г. Господарсько-побутові комплекси пізнього палеоліту // Археологія.— 1971.— 3.— С. 13—21.
- Шовкопляс И. Г. Хозяйственно-бытовой комплекс позднего палеолита. Его состав и назначение // БКИЧПЕ.— 1977.— № 47.— С. 115—120.
- Andersen K., Jorgensen S. Maglemose hyttern ved Ulkestrup Lyng.— Kobenhavn.— 1982.— 175 s.
- Binford L. The magic number "25" and "500" // Man the Hunters.— Chicago, 1968.— P. 247—248.
- Binford L. In pursuit in the past.— Thames and Hudson.— 256 p.
- Birdsell J. Some predictions for the pleistocene based on equilibrium: Systems among recent hunter-gatherers // Ibid.— P. 229—241.
- Clark G. The earlier stone age settlement of Scandinavia.— Cambridge, 1975.— 282 p.
- Chmielewska M. Pozni paleolit pradoliny warszawsko-berlinskiej.— Wroclaw, 1978.— 276 s.
- Cook S., Heizer R. The quantitative approach to the relation between population and settlement size // Rep. of the University of California Archaeological Survey.— 1965.— 64.— P. 1—97.
- Cook S., Heizer R. Relationship among Houses Settlement Areas and Population in Aboriginal California // Settlement Archeology.— 1968.— P. 79—116.
- Gubser N. Nunamiut Eskimos. Hunter of Caribou.— London, 1965.— 384 p.
- Naroll K. Flor Area and Settlement Pattern // American Antiquity.— 1962.— 27.— P. 587—589.
- Newell R. The post-glacial adaptations of the indigenous population of the Northwest European Plain // The mesolithic in Europe.— Warsaw, 1973.— p. 399—440.
- Hassan T. Demographic Archaeology.— New York: Academic Press, 1981.— 300 p.
- Petersen E. Svadborg II — a maglemose hut from Svadborg bog, Zealand, Denmark // Acta Archaeologica.— 1971.— Vol. 62:—S. 43—77.
- Prahistoria ziem Polskich. Paleolit i mezolit.— Warszawa, 1975.— 457 s.
- Schild R., Marczak M., Krolak H. Późny mezolit.— Warszawa, 1975.— 260 s.
- Solomonsson B. Decouvert d'une habitation du tardi — glaciair a Segebro, Sanie, Suede // Acta archaeologica.— 1964.— Vol. 35 — S. 1—28.
- Soffer O. Upper paleolithic of the Central Russian Plain // Prehistoric Hunter-Gatherers.— New York: Academic Press, 1985.— P. 235—270.
- Steward J. The economic and social basis of primitive bands // Essays in antropology presented to A. L. Kroeber.— Berkeley: University of California Press, 1936.— H. 95—97.

А. А. КРОТОВА

**ОБ ОДНОМ ИЗ АСПЕКТОВ ИЗУЧЕНИЯ
КРЕМНЕВОГО ИНВЕНТАРЯ
ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ**

Изучение планиграфии в расположении находок на позднепалеолитических памятниках Северского Донца позволяет судить о хозяйственно-бытовой специфике каждого из них — или как базо-

© А. А. Кротова, 1990

ISBN 5-12-0015-19-0 Каменный век..., Киев, 1990

вых стоянок, или как мастерских, а также проследить характер организации кремнеобрабатывающего производства.

В производстве средств труда, являющихся составной частью производительных сил общества, решающая роль в эпоху палеолита принадлежала производству каменных, в частности кремневых, орудий. Кремневый инвентарь палеолитических памятников, как известно, относится к числу наиболее массового материала, попадающего в руки исследователя. Всестороннее его изучение позволяет ставить и решать различные вопросы интерпретационного уровня.

Признанным средством наиболее полного и объективного изучения массового археологического материала, позволяющим "определить достоверность научных выводов, построенных на ограниченном материале" [Деопик, 1963, с. 68], была статистика, возможности которой по отношению к комплексам кремневого инвентаря далеко не исчерпаны. Особенно это касается исследования вопросов хозяйственного развития.

В данной статье рассмотрен один из аспектов применения статистики в изучении коллекций кремневых изделий с целью определения взаимосвязи хозяйственной специфики позднепалеолитических памятников с организацией кремнеобрабатывающего производства и его сырьевой базой. При этом будем исходить из признания историческим источником комплекса кремневого инвентаря отдельного памятника [Рогачев, 1973; Синицын, 1977; Гурина, 1977], в определенном сочетании категорий которого отражена сущность технологического процесса обработки кремня отдельным коллективом позднепалеолитического населения, оставившим памятник.

Признавая, что та или иная категория кремневого инвентаря и определенное их сочетание отражает последовательные этапы кремнеобрабатывающего производства, попытаемся показать, какую долю составляет тот или иной этап в технологическом процессе обработки кремня каждого из рассматриваемых памятников. При помощи сравнительного анализа коллекций кремневых изделий выясним причины отличий в соотношении этапов на определенных памятниках, а также зависимость характера их кремнеобрабатывающего производства от географического (степень удаленности источников сырья) и хозяйственного (тип памятника) факторов*.

Для выполнения поставленной задачи сравним комплексы кремневого инвентаря нескольких наиболее представительных памятников Юго-Востока Украины, исследованных автором [Неприна, Зализняк, Кротова, 1986; Кротова, 1984], коллекции которых насчитывают более 1000 изделий**.

В организации кремнеобрабатывающего производства эпохи позднего палеолита можно выделить несколько основных этапов: добыча сырья и его опробование на месте добычи; расщепление желваков и галек, изготовление нуклеусов; получение заготовок; вторичная обработка.

С одной стороны, эти этапы характеризуют кремнеобрабатывающее производство как единый технологический процесс преобразования продукта природы (сырья) в готовый продукт труда (орудие), с другой – организацию этого вида производства в пространстве и времени [Семенов, Коробкова, 1983, с. 3–4].

Правомерность выделения таких этапов определяется уровнем развития позднепалеолитической техники, характеризующимся не только количественным нарастанием трудовых актов в процессе изготовления орудий по сравнению с предыдущей эпохой, но и утверждением на большей части позднепалеолитической ойкумены качественно новой призматической техники расщепления, в результате чего такие способы обработки камня, как оббивка и расщепление (скалывание призматических пластин), приобретают значе-

* Выражаем искреннюю признательность В. Ф. Генингу за совет рассмотреть названную проблему в таком аспекте.

** По Амвросиевке даны подсчеты коллекций 1978–1979 гг., так как коллекции предыдущих лет сохранились не полностью.

ние самостоятельных этапов (первичная обработка и получение заготовок), отличающихся не только последовательностью действий, но и требующих особых наборов инструментов и технических навыков* [Семенов, 1957, с. 56–64; 1968, с. 10].

По данным этнографии, у одного из племен Южной Америки были зафиксированы элементы разделения труда, подтверждающие существование этапов обработки камня, соответствующих названным нами как по последовательности действий, так и по содержанию трудовых актов. "Одна группа людей специализировалась в добывании сырья... другая – изготавливала нуклеусы, сбивая желвачную корку и оформляя отжимную площадку, некоторые же занимались отщеплением пластин... Изготовление различных орудий иногда было делом отдельных мастеров" [Семенов, 1957, с. 64]. Элементы половозрастного и межгруппового разделения труда по выполнению операций, соответствующих разным стадиям обработки камня, отмечены и у австралийцев, где "молодежь производила одну стадию обработки, а взрослые следующую; сырье заготавливалось и поставлялось одной локальной группой, а орудия производились другими группами" [Кабо, 1962, с. 76].

Существует мнение, что в позднем палеолите добыча каменного сырья для производства орудий преимущественно заключалась в сборе желваков на поверхности либо в извлечении их с небольшой глубины в местах обнажений меловых пород. Настоящие горные выработки по добыче камня появляются лишь в неолите [Семенов, 1957, с. 47, 48], в том числе на исследуемой территории [Цвейбель, 1970]. Во всяком случае, среди анализируемых нами памятников нет таких, для которых был бы характерен первый этап (добыча сырья), поэтому при анализе коллекций мы его не выделяем, ограничиваясь тремя остальными.

Условия статистического анализа требуют четкого, в определенной степени формализованного подразделения категорий кремневого инвентаря исследуемых коллекций по этапам кремнеобработки. Приведенное здесь подразделение в значительной степени основано на опыте изучения планиграфии находок на территории анализируемых памятников, выделении участков, характеризующих различные этапы обработки кремня [Кротова и др., 1989].

К этапу А – этапу первичной обработки (расщепление желваков и галек, изготовление нуклеусов) – мы относим такие категории кремневого инвентаря, как желваки и гальки, их фрагменты, заготовки нуклеусов (так называемые облупни). Сюда же отнесены отходы первичного расщепления – разнообразные сколы и обломки с остатками желвачной корки, крупные (0,6–0,9 см в поперечнике) чешуйки. Для характеристики этапа Б (расщепление нуклеусов и получение заготовок) использованы все нуклеусы, отщепы и пластины (потенциальное исходное сырье для орудий) и отходы без желвачной корки. К этапу вторичной обработки (В) отнесены изделия с вторичной обработкой (готовые орудия) с указанием исходной заготовки и отходы вторичной обработки (резцовые сколы, сколы оживления рабочих частей орудий, мелкие – менее 0,6 см в поперечнике – чешуйки).

Анализ статистических таблиц (1–3), характеризующих соотношение различных категорий изделий по этапам кремнеобработки, и сводной таблицы (4), дающей представление о месте, которое занимает каждый из этапов в комплексах, позволяет разделить по принципу рационального использования сырья все рассматриваемые памятники на три группы: I – Янисоль, Федоровка (оба слоя); II – Ямы, Говоруха, Амвросиевка; III – Демино-Александровка XII.

Для первой группы свойственно наиболее рациональное использование кремневого сырья. Входящие в нее комплексы не содержат неиспользован-

*Классификация этапов может быть и более дробной, в частности, каждый из них можно разделить на ряд последовательных операций, что не входит в задачи статьи [Семенов, 1968, с. 219].

ного сырья и полуфабрикатов, то есть желваков и "облупней", хотя отходы первичной обработки представлены небольшим количеством разнообразных категорий (табл.1). Довольно высок процент сколов подправки площадок нуклеусов с остатками желвачной корки, особенно в Янисоли и Федоровке (слой 2), где на их долю приходится более 5%, и пластин (15–22 %); самый высокий процент отщепов с коркой (49–60 %), зато самый низкий – обломков (15–22 %). Итак, можно заключить, что обитатели памятников первой группы приносили сырье издалека уже тщательно отобранным, опробованным. Принесенные заготовки нуклеусов использовались очень экономно.

Для второй группы памятников характерно менее рациональное использование сырья, показателем чего являются некоторые категории кремневых изделий, их доли по отношению к общему количеству изделий, характеризующих этап А (табл. 1). Это прежде всего желваки и гальки, представленные в Ямах и в Амвросиевке, а также "облупни", составляющие в коллекции Амвросиевки 4,3 %, и обломки с желвачной коркой, процент которых выше, чем для памятников предыдущей группы. Очевидно, обитатели этих памятников относились к сырью на первом этапе его обработки с меньшей бережливостью. Они оставляли не использованными желваки, "облупни", у них больше кремня шло в отходы – обломки*.

Наименее рационально использовалось кремневое сырье в Демино-Александровке XII. Здесь представлены желваки и "облупни"***, доля сколов подправки площадок нуклеусов (0,4%) и пластин (1,2%) незначительна, самый высокий процент отходов-обломков (59,7%) среди анализируемых памятников.

Та же тенденция сохраняется и на этапе расщепления нуклеусов и получения заготовок (Б). В первой группе налицо рациональный подход к использованию кремня: нуклеусов немного (0,3–1,2%) и они большей частью очень сработаны, хорошо представлены сколы подправки площадок нуклеусов (2–4%), свидетельствующие об интенсивном раскалывании последних. Отщепы и пластины составляют примерно равные доли (24–36%), низок процент отходов-обломков (11–15%) – в основном ниже, чем во второй группе, и намного ниже, чем в Демино-Александровке XII (табл. 2).

В целом отличия между первыми двумя группами на этапе Б слабо выражены. В тех и других комплексах проводилось интенсивное расщепление нуклеусов и получение заготовок, хотя во второй группе по-прежнему заметно менее бережное отношение к сырью. Нуклеусов здесь больше, они менее сработанны, в среднем выше процент обломков.

Совсем иная ситуация в Демино-Александровке. Доля сколов подправки площадок нуклеусов здесь не велика (1,6%), очень низкий процент пластин (7,5%), хотя отщепов намного больше, чем в двух первых группах памятников. По-прежнему много обломков (29,9%), совсем нет готовых нуклеусов. Создается впечатление, что расщепление нуклеусов здесь проводилось, но оно не имело целью получение качественных заготовок, скорее проводилась первичная подправка нуклеусов, которые затем были унесены с местонахождения.

Следующий этап кремнеобрабатывающего производства – этап вторичной обработки (В) – характеризует категории изделий, включающие как сами изделия со вторичной обработкой, так и отходы их производства.

Изделия со вторичной обработкой рассматриваются с точки зрения исходного сырья, то есть типа заготовки, использованной для их изготовления. На наш взгляд, если соотношение таких типов исходных заготовок, как пластинки, микропластинки и отщепы, несут информацию о технических традициях

* Чешуйки не на всех этапах обработки кремня могут быть полноценными показателями, так как их доля в коллекциях часто зависит от степени сохранности культурного слоя.

** Желваки, "облупни", а иногда и нуклеусы имеют следы использования в качестве отбойников во всех комплексах.

Таблица 1. Этап А. Первичная обработка кремня.

Памятник	Изделия с остатками желвачной корки															
	Всего изделий, характеризующих этап А		Желваки, гальки		"Облупни"		Сколы подправки площадок нуклеусов		Отщепы		Пластины		Обломки		Чешуйки (крупные)	
	количе-ство	%	количе-ство	%	количе-ство	%	количе-ство	%	количе-ство	%	количе-ство	%	количе-ство	%	количе-ство	%
Янисоль	205	100	-	-	-	-	12	5,9	102	49,8	33	16,0	43	21,0	15	7,3
Федоровка (слой 1)	282	100	-	-	-	-	3	1,1	170	60,3	33	11,7	63	22,3	13	4,6
Федоровка (слой 2)	160	100	-	-	-	-	9	5,6	83	51,9	29	18,1	25	15,6	14	8,8
Ямы	1180	100	-	0,4	-	-	33	2,8	523	44,3	76	6,5	283	24,0	260	22,0
Амвросиевка	1423	100	-	0,7	-	4,3	29	2,0	686	48,2	263	18,5	323	22,7	51	3,6
Говоруха	151	100	-	-	-	-	3	2,0	51	33,8	19	12,6	56	37,0	22	14,6
Демино-Александровка XII	570	100	-	0,7	-	0,6	2	0,4	210	36,8	7	1,2	344	59,7	3	0,6

коллективов, то использование таких заготовок, как сколы, подправки площадок нуклеусов и обломки, в определенной степени может помочь раскрыть интересующий нас в данном случае вопрос о рациональном использовании сырья. Так, в первых двух группах памятников, кроме традиционных заготовок – отщепов и пластин, использовались и отходы производства – сколы, подправки площадок и обломки. Если первые представлены на тех и других памятниках примерно равными долями, то обломки использовались почти в два раза чаще на памятниках второй группы, то есть там, где расщепление кремня носило менее рациональный характер. Самый высокий процент использования обломков – в Демино-Александровке (15,8%).

Наиболее интересно содержание орудий в комплексах. Оно иллюстрирует разделение всех памятников на группы, о которых речь шла выше. Так, в комплексах памятников 1-ой группы, для которой типично наиболее рациональное использование кремня, наиболее высок процент орудий (6,2–9,7%), в комплексах 2-й группы он ниже (2,7–5%) и самый низкий (всего 1%) в Демино-Александровке.

Этап В, как уже отмечалось, помимо прочего характеризуют отходы вторичной обработки. Они хорошо представлены на памятниках первых двух групп и полностью отсутствуют в комплексе Демино-Александровки с очень низким процентом орудий (табл. 3).

Представление о месте, которое занимает в комплексе каждого памятника тот или иной этап процесса кремнеобработки, дает сводная таблица распределения изделий по этапам (табл. 4) и составленные на ее основе диаграммы (рисунок). Как видим, если этап Б занимает в кремнеобработывающем производстве каждого памятника основное место (от 67 до 78%), то соотношение этапов А и В различно. Именно соотношение этих этапов подтверждает правильность подразделения памятников на группы, которое мы пытались провести, определяя отдельные этапы кремне-

Таблица 2. Этап. Б. Раскалывание нуклеусов, получение заготовок

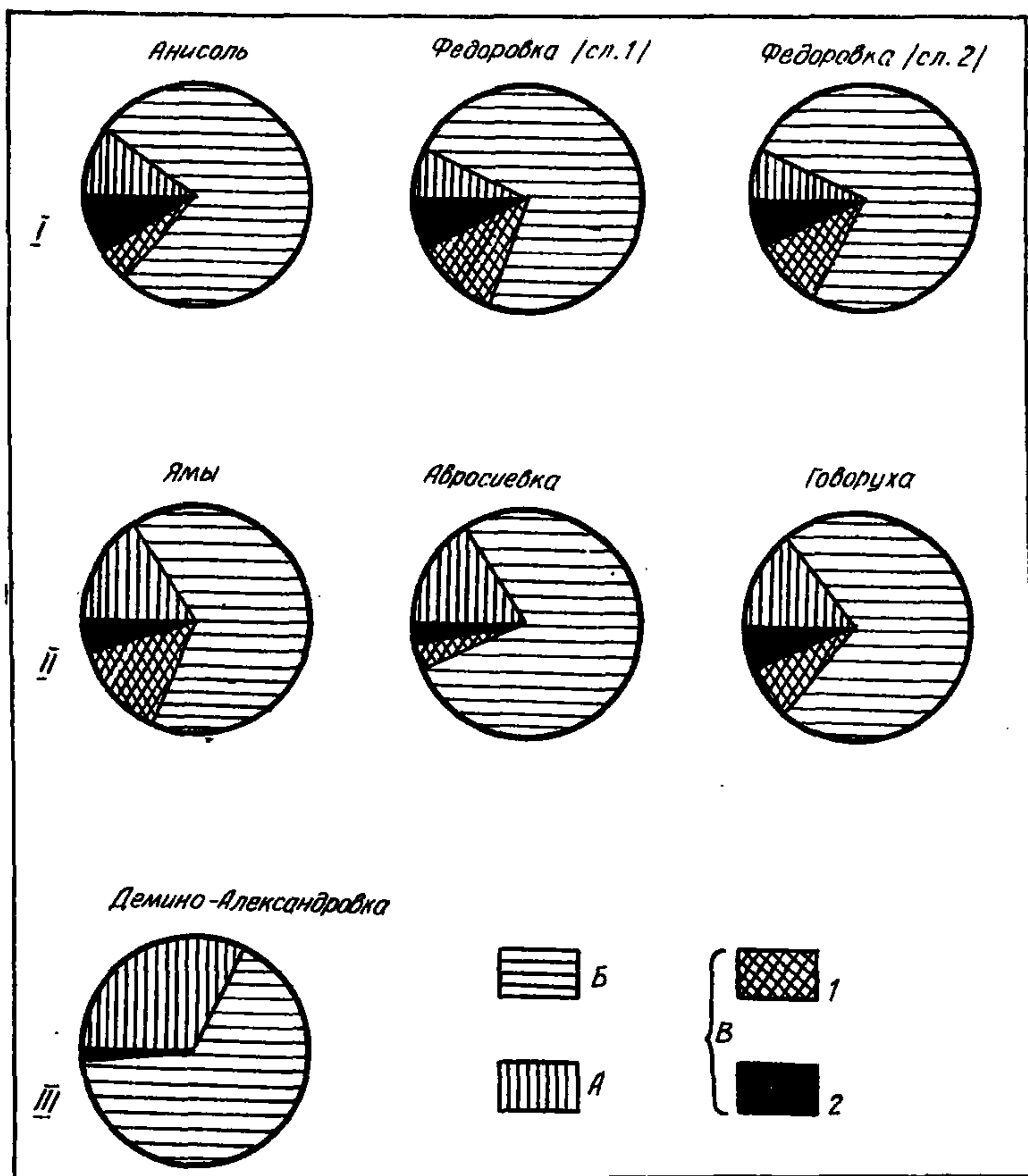
Памятник	Изделия без желвачной корки и нуклеусы													
	Всего кремневых изделий, характеризующих этап Б		Нуклеусы, их фрагменты		Сколы подправки площадок нуклеусов		Отщепы		Пластины		Обломки		Чешуйки (крупные)	
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
Янисоль	1743	100	10	0,6	70	4,0	586	33,6	644	36,9	203	11,6	230	13,2
Федоровка (слой 1)	2683	100	33	1,2	103	3,8	658	24,6	764	28,5	414	15,4	711	26,5
Федоровка (слой 2)	2132	100	6	0,3	43	2,0	642	30,1	518	24,3	255	12,0	668	31,3
Ямы	5736	100	41	0,7	122	2,2	995	17,3	1676	29,2	749	13,1	2153	37,5
Амвросиевка	6561	100	427	6,5	290	4,4	3095	47,2	1536	23,4	696	10,6	517	7,9
Говоруха	767	100	31	4,0	-	-	267	34,8	166	21,7	151	19,7	152	19,8
Демино-Александровка XII	1226	100	-	-	20	1,6	747	61,0	92	7,5	367	29,9	-	-

обработки и основываясь на принципе целесообразности использования сырья.

Проанализируем причины отличий между группами памятников. Как соотношение этапов А и В так и достаточно высокий процент орудий, прослеживаемые в комплексах первых двух групп, характерны для стоянок, где протекала полнокровная жизнь первобытных коллективов и где существовал полный цикл кремнеобрабатывающего производства – от первичного расщепления кремня до изготовления и использования орудий. Следовательно, такое соотношение этапов подтверждает сделанный нами ранее вывод, основанный на признаках культурного слоя и планиграфии находок, о том, что это именно стоянки [Кротова, 1985]. Отличия, прослеживаемые между двумя их группами, проявляющиеся в несколько ином соотношении этапов кремнеобработки, объясняются удалением памятников от источников сырья, то есть связаны с географическим фактором. Так, первая группа – приазовские памятники, отстоящие от ближайших месторождений кремня (миусских) на десятки километров. Этим объясняется небольшая доля в комплексах изделий, характеризующих этап А, высокий процент орудий и рациональное использование кремня на всех этапах процесса кремнеобработки.

Вторая группа стоянок расположена в местах, богатых месторождениями кремня: Ямы и Говоруха – в бассейне Северского Донца, Амвросиевка – в бассейне р. Миус. Первые две стоянки расположены в нескольких километрах от ближайших месторождений кремня: Ямы – от месторождения на р. Уразовой [Кротова, 1984], а Говоруха – от месторождения у г. Зимогорье на р. Лугань [Кротова, 1980]. В Амвросиевке использовался кремень, который был в большом количестве на склонах балки Казенной, в которой расположена и стоянка.

Демино-Александровка XII – это кремнеобрабатывающая мастерская. В отличие от вышеназванных стоянок в ее культурном слое нет следов обитания (следов огня, фаунистических остатков, охры), характерных для стоянок. Расположена она в непосредствен-

Процентное соотношение технологических этапов кремнеобрабатывающего производства на позднепалеолитических памятниках Юго-Востока Украины.

Условные обозначения:

А, Б, В — этапы кремнеобрабатывающего производства; 1 — отходы вторичной обработки, 2 — орудия; I—III — группы памятников: I — стоянки, удаленные от месторождений кремня; II — стоянки вблизи месторождения кремня; III — мастерская

ной близости от месторождений кремня на р. Уразовой и территориально примыкает к группе палеолитических кремнеобрабатывающих мастерских на реках Оскол и Уразовой, куда, по мнению исследователей [Борисовский, 1963], приходили за кремневым сырьем обитатели позднепалеолитических стоянок Среднего Дона. Демино-Александровка XII была мастерской, где изготавливались "облупни" и нуклеусы, которые затем уносили на стоянку. Небольшое количество орудий представлено незавершенными орудиями, полуфабрикатами, изготовленными на отщепках и обломках и предназначавшимися для удовлетворения нужд прибывших на местонахождение для пополнения запасов кремня. Этим и объясняется ее резкое отличие от памятников первых двух групп, то есть стоянок.

Такое соотношение этапов, когда на этап Б (получение заготовок) приходится львиная доля кремнеобрабатывающего производства независимо от того, происходило ли расщепление непосредственно у месторождения на мастерской или на обитаемой стоянке, можно считать нормальным для позднего палеолита, учитывая этнографические данные. Последние свидетельствуют, что аборигены Австралии обычно изводили огромное количество каменного сырья, скалывая иногда до 300 отщепов, прежде чем получали подходящую заготовку для орудия или готовое орудие. Причем часто это происходило возле месторождения, где оставались отходы, а готовое

Таблица 3. Этап В. Вторичная обработка

Памятник	Всего изделий, характерных для этапа В		Всего орудий		Исходные заготовки для орудий										Отходы вторичной обработки		Всего отходов вторичной обработки			
	количество	%	количество	%	отщепы	пластины		м/платины	сколы подправки площадей	обломки		чешуйки		резцы	чешуйки		количество	%		
						количество	%			количество	%	количество	%		количество	%			количество	%
Янисоль	287	100	39	18,1	120	55,5	52	24,0	—	—	5	2,4	—	—	32	45,1	39	54,9	71	100
Федоровка (слой 1)	788	100	102	36,5	76	27,2	83	29,8	6	2,2	12	4,3	—	—	60	11,8	449	88,2	509	100
Федоровка (слой 2)	539	100	48	27,3	58	32,9	63	35,8	6	3,4	1	0,6	—	—	63	17,4	300	82,6	363	100
Ямы	1517	100	50	16,7	90	30,0	140	46,7	8	2,7	10	3,3	2	0,6	95	7,8	1122	92,2	1217	100
Альвросиевка	518	100	93	40,1	63	27,2	54	23,2	3	1,3	19	8,2	—	—	78	27,3	208	72,7	286	100
Говорука	141	100	13	24,5	25	47,2	13	24,5	—	—	2	3,8	—	—	17	19,3	71	80,7	88	100
Демжно-Александровка XII	19	100	13	68,4	3	15,8	—	—	—	—	3	15,8	—	—	—	—	—	—	—	—

орудие уносили [Кабо, 1962, с. 29].

Как австралийцы, так и тасманийцы хорошо знали места расположения необходимого для изготовления каменных орудий сырья и пользовались ими. Исследователи указывают на существование карьеров и мастерских по добыче сырья, усеянных отходами [Кабо, 1962, с. 30; 1975, с. 55].

Географический фактор в организации кремнеобрабатывающего производства первобытного человека, как свидетельствуют данные этнографии, играл существенную роль. Известны факты использования австралийцами камней, попадающихся им во время переходов, которые они поднимали и часто тут же, на месте, раскалывали, превращая полученную заготовку в орудие уже на стоянке. Самым обычным явлением было посещение ближайших месторождений — мастерских для пополнения запасов сырья или изготовления необходимого орудия. В тех случаях, когда месторождения вблизи места обитания отсутствовали, за сырьем снаряжались специальные дальние экспедиции в места, нередко населенные враждебными племенами [Кабо, 1962, с. 32, 44].

Для австралийцев характерны и зачатки межгруппового (большой частью еще имеющего ритуальный характер) обмена каменным сырьем и готовыми орудиями. Видимо, если снаряжение дальних экспедиций за качественным сырьем для эпохи верхнего палеолита можно считать фактом установленным, то для заключения о существовании обмена (даже ритуального) данных пока нет [Борисовский, 1963, с. 166–191]. Считается общепринятым мнение, что настоящий обмен кремневым сырьем, как и появление больших мастерских, включая настоящие горные выработки, — черта, характерная для эпохи неолита [Крижевская, 1974; Гурина, 1976, с. 4].

Что касается характера взаимосвязей между месторождениями каменного сырья, мастерскими и стоянками, то можно говорить об определенном прогрессе в их развитии на протяжении эпохи камня. Так, если в раннем палеолите преобладал тип взаимосвязи: стоянка — ближайшее месторождение —

Таблица 4. Сводная таблица распределения кремневых изделий по этапам обработки кремня

Памятник	Всего кремневых изделий		Этап А		Этап Б		Этап В			
							Всего орудий и отходов их производства		Всего орудий	
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
Янисоль	2235	100	205	9,2	1743	78,0	287	12,8	216	9,7
Федоровка (слой 1)	3753	100	282	7,5	2683	71,5	788	21,0	279	7,4
Федоровка (слой 2)	2831	100	160	5,7	2132	75,3	539	19,0	176	6,2
Ямы	8433	100	1180	14,0	5736	68,0	1517	18,0	300	3,6
Амвросиевка	8502	100	1423	16,8	6561	77,9	518	6,0	232	2,7
Говоруха	1059	100	151	14,3	767	72,4	141	13,3	53	5,0
Демино-Александровка XII	1815	100	566	31,3	1226	67,7	19	1,0	19	1,0

мастерская*, то в позднем палеолите характер взаимоотношений не ограничивался такой связью. Позднепалеолитический человек осваивает с целью получения необходимого сырья более обширные пространства, отправляясь за ним в дальние экспедиции, иногда, возможно, прибегая к межгрупповому обмену. В неолите же добыча сырья для некоторых племен, располагавших хорошими месторождениями кремня, становится настоящей отраслью производства, рассчитанного на обмен [Гурина, 1977, с. 160].

Таким образом, в результате сравнительного анализа комплексов кремневого инвентаря ряда позднепалеолитических памятников юго-востока Украины мы смогли подразделить последние на три группы, характеризующиеся своеобразным соотношением этапов кремнеобрабатывающего производства, обусловленным хозяйственным типом каждого из памятников и их удалением от источника сырья (рисунок):

I. Стоянки, удаленные от источников сырья на несколько десятков (до сотни) километров. Соотношение этапов: А – 6–9%, Б – 71–78%, В – 12–19% (орудий – 6–10%).

II. Стоянки, расположенные в нескольких километрах от источников сырья (Ямы, Говоруха) или рядом (Амвросиевка). Соотношение этапов: А – 14–16%, Б – 68–77%, В – 6–18% (орудий – 3–5%).

III. Кремнеобрабатывающая мастерская, расположенная вблизи источника сырья. Соотношение этапов: А – 31%, Б – 68%, В – 1% (орудия).

Целенаправленная статистическая обработка коллекций кремневых изделий подтвердила и в значительной степени конкретизировала данные о хозяйственной специфике памятников, полученные методом планиграфического анализа находок, а также чисто визуального анализа коллекций; показала взаимозависимость между хозяйственным типом памятников, характером организации кремнеобрабатывающего производства и наличием источников сырья.

Подобный анализ может быть проведен по отношению к любому региону, располагающему памятниками разного типа как самостоятельно, так и в дополнение к другим методам исследования – планиграфическому, функциональному и т. д., что расширит источник информации о конкретно-историческом процессе эпохи палеолита.

* См. статью А. В. Колесника в настоящем сборнике.

- Борисковский П. И. Очерки по палеолиту бассейна Дона // МИА. — 1963. — №121. — 229 с.
- Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии. — Киев: Наук. думка. — С. 223.
- Гурина Н. Н. Древние кремнеобрабатывающие шахты на территории СССР. — Л.: Наука, 1976. — 177 с.
- Гурина Н. Н. Кремень как исторический источник // Палеоэкология древнего человека. К XI конгр. ИНКВА (1977). — М.: Наука, 1977. — С. 154–162.
- Кабо В. Р. Каменные орудия австралийцев // Тр. Ин-та этнографии. — М.; Л. — 1962. — Т. 80.
- Кабо В. Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. — М.: Наука, 1975. — 198 с.
- Крижевская Л. Я. О некоторых формах разделения труда в неолитическую эпоху. Торговля и обмен в древности // КСИА. — 1974. — Вып. 138. — С. 24–25.
- Кротова А. А. Пізньопалеолітична пам'ятка поблизу с. Говоруха на Лугані // Археологія. — 1980. — 33. — С. 53–60.
- Кротова А. А. Новые кремнеобрабатывающие мастерские эпохи палеолита на Северском Донце // Материалы каменного века на территории Украины. — Киев, 1984. — С. 43–50.
- Кротова А. А. Поздний палеолит Северского Донца и Приазовья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Киев, 1985. — С. 17.
- Кротова А. А., Коен В. Ю., Евтушенко А. И. Опыт изучения кремнеобрабатывающего производства позднепалеолитической стоянки Ямы (по результатам планиграфического исследования) // Каменный век: Памятники, методика, проблемы. — Киев: Наук. думка, 1989. — С. 125–135.
- Неприна В. И., Зализняк Л. Л., Кротова А. А. Памятники каменного века Левобережной Украины. — Киев: Наук. думка, 1986. — 221 с.
- Рогачев А. Н. Каменные орудия как исторический источник // КСИА. — 1973. — Вып. 137. — С. 14–21.
- Семенов С. А. Первобытная техника // МИА. — 1957. — №54. — 237 с.
- Синицын А. А. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. — Л., 1977. — С. 158–166.
- Цейбель Д. С. Древние кремневые выработки у с. Широкое в Донбассе // СА. — 1970. — №1. — С. 227–233.

С. А. БАЛАКИН, Д. Ю. НУЖНЫЙ

ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В ГОЛОЦЕНЕ И ПРОБЛЕМА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КРИТЕРИЕВ МЕЗОЛИТА

Анализ развития техники обработки кремня приводит авторов к выводу, что широкое распространение геометрических микролитов является эмпирическим критерием мезолита как эпохи.

Вопросы, связанные с содержанием, критериями, границами и таксономическим значением периодов археологической периодизации, представляют собой традиционную тему археологического исследования. Периодизация, являясь незаменимым средством первичной хронологической атрибуции источников и вместе с тем непременным условием их социально-исторической интерпретации, составляет предмет пристального внимания археологов. В настоящее время в связи с обострением интереса к теоретико-методологическим аспектам археологического исследования наблюдается повышенный интерес к проблеме археологической периодизации.

Как известно, археологическая периодизация, или "система трех-шести веков", начала складываться на этапе формирования археологии в качестве самостоятельной исторической дисциплины и первоначально была всецело подчинена выполнению главной на то время задачи, состоящей в накоплении и систематизации источниковедческой базы науки. Нацеленная на временное упорядочение археологического материала "система трех-шести веков" представляла собой хронологическую схему, располагающую осязаемыми, непосредственно фиксирующимися в источнике критериями (палеолит — эпоха оббитого камня, неолит — эпоха шлифованного камня), и в соответствии с характером массовых археологических находок отражала изменения в технологии изготовления орудий труда [Борисковский, Замятнин, 1934; Klein, 1972].

В ходе дальнейшего развития археологии в эту хронологическую схему внесено немало поправок, наиболее существенные из которых вызваны процессом социологизации археологического знания, ориентацией его на решение проблем исторического звучания. Постановка такого рода задач, в советской археологии стимулированная в первую очередь освоением марксистской теории исторического процесса и развернувшимися в этой связи методологическими поисками археологов 30-х годов [Генинг, 1982], неизбеж-

но повлекла за собой и соответствующую корректировку периодизационных понятий. В частности, именно в это время утвердилось соотнесение позднего палеолита с эпохой появления человеческого общества, вследствие чего поздний палеолит оказался противопоставлен всем предшествующим этапам палеолита [Равдоникас, 1934; Рогинский, 1936]. Позднее под влиянием тех же установок начало меняться и понимание неолита, рассмотрение которого в контексте проблемы становления производящей экономики внесло в употребление этого термина не меньше сложностей, чем упомянутая трансформация палеолита [Массон, 1971; Schlette, 1971].

Социологическое переосмысление двух важнейших эпох каменного века не могло, разумеется, не сказаться на понимании промежуточного периода — мезолита. Современные взгляды на историческую значимость этой переходной эпохи варьируют в диапазоне от трактовки мезолита как особого этапа историко-культурной эволюции первобытного общества [Бадер, 1966, с. 194–205; Окладников, 1966, с. 213–223; Телегин, 1982, с. 5; Черныш, 1975, с. 6] до более узкого и конкретного понимания его как этапа кардинальных изменений в хозяйственно-экономическом устройстве древнего общества. В экономической трактовке мезолита, явно доминирующей среди имеющихся дефиниций эпохи, наблюдаются известные расхождения частного порядка.

Так, ряд авторов, полагая, что специфика мезолитического хозяйства прослеживается лишь в приледниковой зоне, определяют мезолит как период адаптации раннеголоценовых хозяйственных типов к происходившей на рубеже плейстоцена и голоцена перестройке перигляциальных экологических систем [Braidwood, Howe, 1960, p. 181–182; Kozłowski, 1973, p. 332–333; Долуханов, 1977, с. 13–17; Долуханов, Пашкевич, 1977, с. 134–144]. Часть исследователей, прямо не высказываясь о территориальных пределах мезолита, при рассмотрении хозяйственной специфики эпохи все же предпочитает вводить в определение региональный признак, связывая мезолит с индивидуальной охотой на нестандартных млекопитающих лесных ландшафтов [Кольцов, 1977, с. 5; Ермолова, 1977, с. 17–20].

Помимо оценки мезолитической экономики с позиций теории адаптации, выдвигающей на первый план экологические связи производства, в советской археологии широкое распространение приобрела и точка зрения, трактующая хозяйственно-экономические изменения, происшедшие в ходе раннеголоценовой адаптации, в ключе теории экономического роста. Имеется в виду понимание мезолита как эпохи окончательного кризиса присваивающего (охотничьего) хозяйства, обусловленного применением эффективного метательного вооружения, созданного на базе использования микровкладышевой техники [Бибиков, 1969, с. 22; 1979, с. 297–298; Станко, 1982, с. 93–94; Зализняк, 1984, с. 4–5]. При смещении акцента на результативную сторону этого же экономического процесса мезолит раскрывается как период формирования предпосылок становления воспроизводящей экономики [Массон, 1966, с. 170; Матюшин, 1976, с. 295].

В соответствии с приведенными формулировками историко-культурного и хозяйственно-экономического плана выбираются и конкретные археологические признаки — эмпирически фиксируемые критерии мезолитической эпохи. При весьма широком разнообразии признаков, привлекаемых в целях хронологической атрибуции мезолитических памятников, в их подборе можно различить три отчетливо проявляющихся подхода.

Один из них представлен попытками сформулировать единый универсальный критерий мезолита, в качестве которого чаще всего предлагаются такие показатели, как появление высокоэффективного метательного охотничьего вооружения, широкое распространение микролитической техники обработки кремня [Ермолова, 1977, с. 18–19; Зализняк, 1984, с. 4–5], или такие общие черты технокомплекса мезолита, как максимальное развитие пластинчатой техники, высокая степень микролитизации изделий, широ-

кое применение составных, вкладышевых орудий [Станко, 1982, с. 95].

Уязвимость строго сформулированных эмпирических критериев мезолита привела к мысли о невозможности выработать такой критерий [Гурина, 1966, с. 21; Телегин, 1977, с. 30–34] и послужила основанием для второго подхода, для которого характерно стремление к совмещению в рамках одного определения разноуровневых и отражающих разные стороны общественного развития признаков, дополняемых к тому же хронологическими, геологическими и палеогеографическими характеристиками [Крайнов, Брюсов, 1961, с. 497; Черныш, 1975, с. 7–8; Матюшин, 1976, с. 258; Телегин, 1982, с. 5]. При этом обычно ссылаются на необходимость учитывать многообразие исторического процесса, специфику его конкретно-исторических проявлений.

Наконец, третья тенденция в определении эмпирического содержания мезолита – склонность вообще отказаться от использования археологических признаков. Одним из ее выражений можно считать точку зрения, согласно которой единственным универсальным критерием мезолита может быть только хронологический [Бадер, 1970, с. 90–91; Черныш, 1974, с. 149]. Другим ее выражением является подмена археологических признаков геологическими или палеогеографическими, которые благодаря расширению палеоэкологической проблематики в археологии, но большей частью в силу приведенных выше обстоятельств все чаще фигурируют в определениях археологических эпох, в ряде случаев оттесняя на второй план традиционные критерии или вовсе заменяя их [Крайнов, Брюсов, 1961, с. 149].

Оба эти варианта чрезвычайно близки к крайнему проявлению этой же тенденции – к отрицанию мезолита как особой археологической эпохи за счет причисления его либо к позднему палеолиту, либо к неолиту [Бонч-Осмоловский, 1934, с. 157, 166; Рогачев, 1966, с. 11–16; Даниленко, 1969, с. 52]. Преобразование мезолита в термин сугубо формальной хронологии, лишая его стадийного значения, тем самым позволяет вкладывать в отводимые мезолиту хронологические рамки любое историко-культурное или экономическое содержание. Не ставит серьезных ограничений в этом отношении и другой способ отказа от археологической периодизации – обращение к палеогеографическим или геологическим хронологическим схемам.

В вопросе о статусе археологической периодизации и, следовательно, мезолита как одного из ее периодов мы придерживаемся той точки зрения, которая отстаивает технологический характер "системы трех-шести веков" и необходимость использования при разграничении этих веков признаков, непосредственно данных в археологическом источнике.

Обоснование этой позиции [Формозов, 1970, с. 6–11; Диков, 1983, с. 117–126; Klein, 1972, р. 7–30] в числе прочих моментов опирается и на общие методологические правила построения периодизации. Среди последних особого внимания заслуживает требование строгого определения предмета периодизации, согласно которому периодизация должна отражать исторический процесс лишь в одном, выбранном в данном случае аспекте. Учет этого принципа позволяет создать именно периодизацию, а не хронологическую классификацию то есть схему, не просто фиксирующую, а объясняющую констатируемые хронологией изменения, их качественно своеобразные этапы.

Проводя этот принцип в подходе к археологической периодизации и ограничивая сферу ее приложения технологией изготовления орудий труда, Н. Н. Диков в качестве содержания рассматриваемого явления определяет функциональные и конструктивные особенности орудий, а в качестве формы – основной техникой материал и способы обработки. Соотношение двух этих моментов технологического процесса позволяет ему выделить в развитии кремневой индустрии фазы революционных и эволюционных изменений, подразделить каменный век на два периода, один из которых совпадает с поздним палеолитом, а второй соответствует мезолиту и неолиту [Диков, 1983, с. 123].

В основу данного разграничения, таким образом, положена закономерность, прослеживаемая в производстве средств производства и выражающаяся в противоречии между потребностью в определенных (по функции и конструкции) средствах труда и возможностью их изготовления в рамках данной технологии (технический материал и способы его обработки). Это противоречие, позволяя наметить определенные реперные точки технологического развития и, в частности, провести нижнюю границу позднего палеолита и верхнюю границу каменного века в целом, само по себе, однако, еще не достаточно для раскрытия механизма эпохальных технологических преобразований. Для этого необходимо обращение к тем экономическим потребностям, наличие которых предопределяет изменение функциональных характеристик орудий труда и в конечном счете изменение способов их изготовления. Применительно к ранним этапам первобытной истории такого рода потребности формируются главным образом в сфере первичного пищевого производства, прежде всего в рамках охотничьей деятельности.

Обращение к сугубо технологическим закономерностям с неизбежностью влечет за собой понимание орудий труда как элемента производительных сил, а технологической периодизации – как частного аспекта более общей периодизационной схемы, отражающей развитие системы производительных сил. Рассмотрение технологической периодизации в таком ракурсе предоставляет возможность выяснить реальный вес используемых ею критериев, что имеет значение, во-первых, для обоснования правомерности выделения тех или иных археологических эпох, а во-вторых, для выработки дифференцированного, нешаблонного подхода к применению технологических критериев при использовании археологической периодизации в качестве средства исследования конкретных археологических культур каменного века. С другой стороны, такое соотнесение позволяет определенным образом скорректировать и применяемую в археологии периодизацию экономического процесса по формам хозяйственной деятельности, поскольку речь, в сущности, идет об эмпирической конкретизации ее критериев, далеко не всегда непосредственно фиксируемых в археологическом источнике.

В связи со сказанным выше предоставляется необходимым сформулировать следующий вариант подхода к проблеме критериев мезолита. Исходя из приоритета экономической периодизации, критериями археологических эпох должны быть такие технологические элементы, которые наиболее жестко связаны с прогрессивными изменениями в хозяйственно-экономической сфере первобытного общества. Тем более, что применительно к каменному веку главным и наиболее массовым источником являются материальные остатки средств производства. В соответствии с поставленной задачей среди последних нас интересуют прежде всего те категории орудий труда, которые можно рассматривать в качестве материального выражения кардинальных изменений в сфере материального производства, концентрированного проявления передовых тенденций экономического процесса.

Изучая проблему критериев мезолита, остановимся на предшествующем, позднепалеолитическом периоде, поскольку проблема границ и соподчинения двух этих эпох составляет один из основных источников разногласий по данному вопросу.

Прежде всего, следует отметить, что для эпохи позднего палеолита вопросы, связанные с хозяйственно-экономическим содержанием этого периода, его общими формулировками и критериями, разработаны в еще меньшей мере, чем для мезолита. Большинство специалистов в этой области, похоже, вообще не видят необходимости в рассмотрении такого рода вопросов, подразумевая их как очевидный факт. Среди имеющихся определений преобладают хронологические (период с 35 до 10 тыс. лет назад), геологические (те или иные периоды плейстоцена), общесоциологические (появление человека современного вида, становление родового строя и т. п.). Встречающиеся для этой

эпохи формулировки экономического плана имеют явную региональную привязку и касаются главным образом приледниковой зоны. Применительно к этой зоне Европы поздний палеолит оценивается как эпоха коллективной, специализированной охоты на стадных млекопитающих – таких, как мамонт, северный олень, лошадь, бизон и т. п. [Долуханов, Хотинский, 1974, с. 211–212]. Именно здесь в позднем плейстоцене возник тот классический комплекс материальной культуры с присущим ему своеобразным набором кремневого и костяного инвентаря, типом поселений, формами искусства, который послужил основой для выделения эпохи. На основе анализа этих археологических материалов и были выработаны критерии “типично позднепалеолитических” форм кремневых изделий (скребков, резцов, нуклеусов и т. п.), которые обычно приводятся при отнесении того или иного памятника (зачастую расположенного за пределами приледниковой зоны) к эпохе позднего палеолита.

Следует отметить, что как раз за пределами перигляциальной зоны и возникают упомянутые выше несоответствия между хозяйственными и орудийными критериями, позднего палеолита, и мезолита. Ряд исследователей, пытаясь устранить это несоответствие, выход из создавшегося положения находят на пути оценки мезолита как эпохи, присущей лишь приледниковым областям [Braidwood, Howe, 1960, p. 181–182; Kozłowski, 1973, p. 333; Долуханов, 1977, с. 16].

В этой связи закономерно возникает вопрос, почему после экологического перелома на рубеже плейстоцена-голоцена комплексы мезолитических культур приледниковой зоны начинают развиваться в том же направлении, которое уже пройдено более древними, якобы “позднепалеолитическими” культурами Средиземноморья, а именно – по пути совершенствования, геометризации микровкладышевых форм. Причиной этого явилось затянувшееся почти на 30 тыс. лет “своеобразие” кремневых комплексов классического позднего палеолита Европы, своеобразие, напомним, лежащее в основе критериев всего “типично позднепалеолитического” и обусловленное в конечном счете относительным единством и стабильностью экономики охотников на стадных млекопитающих перигляциальных ландшафтов [Долуханов, Хотинский, 1974, с. 211–212]. Появление в памятниках приледниковой зоны отдельных серий геометрических микролитов [Григорьева, 1983, с. 55–61] было абсолютно закономерным следствием влияния прогрессивных средиземноморских культур на отстающую в своем развитии периферию. Примеры такого рода влияний позднее демонстрирует распространение керамики, а еще позднее – металлургии.

Таким образом, не специфичность проявления “хозяйственной адаптации” раннеголоценовых охотников мезолита, а скорее выраженная локальность и некоторая застойность приледникового позднего палеолита были здесь причиной резкого перелома в экономике древних культур на рубеже плейстоцена-голоцена. Отсутствие такого перелома за пределами этой зоны, равно как и наличие там в достаточно древних культурах архаических форм геометрических микролитов [Рогачев, 1966, с. 11–13; Григорьев, 1970, с. 60–61], переживающих бурное развитие в дальнейшем, носит скорее закономерный, нежели случайный характер, отражая магистральное направление экономического развития и соответственно совершенствования основного производственного инвентаря.

Исходя из предложенного выше варианта отбора критериев археологической периодизации, применительно к позднему палеолиту можно сформулировать следующее заключение. Главное содержание перехода от мустьерских индустрий к позднепалеолитическим характеризуется процессом окончательного формирования структуры материального производства, в частности появлением специализированных орудий для изготовления орудий и пластинчатой техники, существующих и обуславливающих все дальнейшее

развитие этих индустрий в Старом Свете вплоть до конца каменного века [Смирнов, 1983, с. 68, 208]. Пластинчатая техника заложила основные принципы формирования морфологического облика позднепалеолитических индустрий с присущим им комплексом орудий труда. Наличие отдельных переживаний раннепалеолитической техники, некоторое запаздывание пластинчатой техники, равно как и непластинчатый путь развития индустрий ряда регионов первобытной периферии (например, Америка, Сибирь, юг Африки), в большей мере было обусловлено этническими традициями и особенностями исторического развития древних культур этих регионов, чем эпохальными изменениями в сфере экономики первобытного общества. Знаменательно, что первобытные общества этих регионов и в дальнейшем во все возрастающей степени отстают в своем развитии от центра мирового развития, локализуя себя с позднего палеолита в регионе Средиземноморья. Одним словом, археологическими критериями позднего палеолита, в наибольшей мере отражающими эпохальные изменения в сфере материального производства, можно считать пластинчатую технику и набор специализированных орудий для производства орудий. Наличие в этих комплексах ярко выраженных прогрессивных элементов, даже при общем архаичном облике остального инвентаря (раннепалеолитические способы раскалывания, формы некоторых орудий) является достаточным основанием для отнесения памятников к эпохе позднего палеолита.

Рассмотренное положение имеет принципиальное значение для оценки археологических критериев других эпох каменного века, поскольку все последующее совершенствование средств труда осуществлялось в рамках одной системы материального производства, структура которой сложилась при переходе от мустье к позднему палеолиту [Смирнов, 1983, с. 198–211].

Для выработки археологических критериев мезолитической эпохи большое значение имеет положение о кризисе присваивающего (охотничьего) хозяйства [Бибииков, 1979, с. 294–299].

Представляя собой доминирующую тенденцию экономического развития на данном отрезке исторического процесса, кризис положил начало формированию отраслевой структуры древней экономики и в конечном счете обусловил переход к новой экономической основе – земледелию и животноводству. Как известно, главной экономической структурой первобытных обществ являлось первичное пищевое производство, в рамках которого определяющие позиции занимала охота. Даже при процентном преобладании в рационе первобытного населения ряда географических зон продуктов собирательства или рыбной ловли предпочтение и особое значение всегда придавалось охотничьей добыче [Lee, 1977, p. 30–48]. Охота постоянно находилась в центре экономических интересов общества, уделявшего первостепенное значение совершенствованию способов ее ведения и применяемому при этом охотничьему вооружению, благодаря чему данный вид хозяйственной деятельности оказывался наиболее пластичной отраслью присваивающей экономики.

Рассматривая под этим углом зрения общее развитие кремневой индустрии после рубежа раннего и позднего палеолита нетрудно заметить, что наиболее подвижной и изменчивой частью всех комплексов является категория охотничьего вооружения. В современной археологической науке широкая вариативность этой категории орудий, представленных разнообразными типами острий, вкладышей, геометрических микролитов, используется преимущественно в целях культурно-хронологического членения памятников, выступает его объективной основой [Формозов, 1959, с. 15–22]. Другие категории каменного инвентаря так же подвержены изменениям, однако, ни одна из них в этом отношении не сравнима с охотничьим вооружением и, в отличие от него, чаще демонстрирует сходство, чем различие археологических культур. Необходимо отметить, что в целом наблюдается нарастание значимости данной категории орудий для культурно-хронологических по-

строений, достигающее пика в период расцвета техники геометрических микролитов.

Логично предположить, что изменчивость указанной категории инвентаря была обусловлена тесной связью ее с наиболее подвижной и важной отраслью присваивающей экономики – охотой [Формозов, 1959, с. 22]. Данные о функциональном назначении микровкладышевых форм (геометрических микролитов и острий) не противоречат такому предположению [Нужный, 1984, с. 23–36]. В пользу подобного заключения свидетельствует и тот факт, что развитие кризисных явлений в экономике, как современной, так и древней, всегда сопровождается бурным развитием тех средств труда, которые функционируют в данной отрасли производства. Показательно, что и иные категории немикровкладышевого охотничьего вооружения в виде различных типов позднепалеолитических наконечников также отличает большая изменчивость (и соответственно "информативность") в сравнении с остальными категориями кремневого инвентаря.

Основу охотничьего вооружения, как известно, составляли различные типы оружия дистанционного боя. Именно с совершенствованием последнего, в частности с появлением лука, и были связаны кризисные явления в системе присваивающего хозяйства [Бибииков, 1979, с. 294–298; Зализняк, 1984, с. 4–5]. Древнейшие археологические свидетельства использования лука и стрел с наконечниками в виде острий с притупленным краем или архаичных геометрических микролитов относятся к периоду между XII и XIII тыс. до н. э. [Rust, 1943, taf. 35; Clark, 1954, p. 192; Aquilas-Wauters, 1956, p. 31–36; Wendorf, 1968, p. 954–995]. Именно эти категории охотничьего вооружения, получившие максимальное развитие в плейстоценовых культурах Средиземноморья, представляют для нас наибольший интерес.

В развитии кремневых индустрий Средиземноморья прослеживаются три этапа эволюции микровкладышевых форм, плавно сменяющих друг друга. Первый этап характеризуется доминированием острий с притупленным краем; второй – наличием уже четко выраженных серий геометрических микролитов вытянутых пропорций с почти полностью измененной ретушью формой заготовки; третий – геометрическими микролитами средневысоких типов на правильных пластинах с доминированием среди них трапеций. Для Ближнего Востока эволюцию двух первых этапов демонстрируют комплексы кебаранской и натуфийской культур [Шнирельман, 1975, с. 283–293], а также барадосской и зарзийской [Braidwood, Howe, 1960, p. 57–59]. Памятники третьего этапа в этом регионе уже имеют первые следы производящего хозяйства, например Джармо [Braidwood, Howe, 1960, p. 38–50, pl. 17, 19].

Приведенные этапы фиксируются и для более широких территорий периферии Средиземноморья. Так, Д. Филипсон приводит подобную эволюцию микровкладышевого вооружения для юга Африки [Phillipson, 1977, s. 22–45], Г. Кларк – для Западной Европы [Кларк, 1953, с. 46], Г. А. Бонч-Осмоловский, опираясь на памятники типа Сюрень I, нижних слоев Шаң-Кобы, Мурзак-Кобы, – для Горного Крыма [Бонч-Осмоловский, 1934, с. 114–183], а Н. Бадер прослеживает те же этапы на материалах Имеретинской культуры Закавказья [Бадер, 1966, 172–173].

Такого рода примеры можно продолжить поскольку они отражают общее направление развития составных наконечников стрел, в археологическом источнике представленных геометрическими микролитами. Здесь уместно напомнить мысль Г. А. Бонч-Осмоловского, отметившего, что появление геометрических микролитов обусловлено потребностью в обезличенном и быстро возобновляемом запасе наконечников стрел [Бонч-Осмоловский, 1934, с. 167]. Развивая эту мысль, можно утверждать, что потребностью в массовом производстве составных наконечников стрел и других частей метательного вооружения на базе призматической пластинчатой заготовки вызвала те геометрические очертания, которые придают своеобразие этой категории

кремневого инвентаря. В лице наиболее распространенного типа геометрических микролитов – трапеции – нашла выражение основная идея производства этих изделий – получение частей наконечников стрел с минимальными затратами труда за счет максимального использования формы пластинчатой заготовки. Четко выраженная геометрическая форма наконечников, свидетельствуя о потребности в массовом изготовлении стрел, может, по нашему мнению, выступать археологическим признаком широкого использования этой категории охотничьего вооружения. Переход к геометрическим формам наконечников диктовался слабой функциональной эффективностью острий с притупленным краем. Это было связано и с несовершенством технологии их производства (трудоемкостью, значительной потребностью в сырье, большим процентом брака), и с относительной хрупкостью колющего иглового наконечника в сравнении с геометрическими формами.

Возникнув и получив наибольшее распространение в позднем палеолите, техника изготовления острий и вкладышей с притупленным краем была ориентирована на оснащение разнообразных типов лезвий копий и дротиков – как с пазами, так и без них. Основную функциональную нагрузку в этих орудиях несли костяные, роговые и деревянные наконечники, к которым смолой крепились вкладыши. Вероятно, подобные мелкие формы использовались первоначально и для оснащения стрел. Но по мере возрастания роли охоты с луком эти наконечники, ориентированные на многократные и значительные силовые нагрузки копий и дротиков, неизбежно должны были смениться более простыми и технологичными кремневыми образцами. Не исключено, что первоначально их сменили острия с притупленным краем и только позднее для этих целей стали использоваться все более “геометризованные” микролиты, которые несли основную функциональную нагрузку в одинарных и составных наконечниках стрел с дополнительными микролитами-шипами или без них. Оба способа такого использования геометрических микролитов, крепящихся смолой, широко представлены в археологических и этнографических коллекциях [Нужный, 1984, с. 23–29, рис. 1;2].

При картографировании комплексов с сериями древнейших геометрических микролитов, за редким исключением, наблюдается отчетливое тяготение их преимущественно к горным районам, таким, как горы Леванта, Загроса, Аппенинского п-ва, Кавказа, Крыма и т. д. Такая географическая локализация не случайна. Если иметь в виду, что появление геометрических микролитов действительно фиксирует начало интенсивного использования лука и стрел в экономике древних обществ, то именно в этих районах раньше всего должны были возникнуть кризисные моменты в развитии присваивающего хозяйства.

Природно-географические особенности горных ландшафтов Средиземноморья (вертикальная географическая зональность, сильная расчлененность рельефа, наличие развитой древесной растительности) и связанная с этим специфика фаунистического комплекса, в составе которого доминируют виды, предпочитающие нестатный образ жизни, предопределили своеобразие возникших здесь форм хозяйственной деятельности, существенно отличающихся от способов хозяйствования приледниковых областей [Ефименко, 1960, с. 15–24]. В частности, мозаичность природной среды, многовидовой состав фауны и отсутствие крупностадных млекопитающих обусловили многоотраслевой характер экономической системы, видную роль собирательства, ориентацию на преимущественное развитие индивидуальных форм охотничьего промысла, способствующих более интенсивной и эффективной эксплуатации кормовой территории. В условиях пересеченной местности горных лесов индивидуальные формы охоты были достаточно эффективны только при использовании наиболее совершенного типа оружия дистанционного боя, то есть лука и стрел. Совокупное действие этих факторов и явилось причиной того, что именно в горных районах присваивающая экономика дово-

льно рано исчерпала резервы своего развития и здесь раньше всего появились первые признаки кризиса присваивающего хозяйства. Позднее кризисные явления распространились и в более северных областях. Например, в лесной зоне Западной Европы резкое возрастание воздействия охотничьей деятельности человека на популяции основных промысловых животных (прежде всего копытных) прослеживается начиная с атлантикума. Конкретным археологическим проявлением этого может, на наш взгляд, выступать динамика соотношения численности заживших и незаживших следов ранений на костях животных среди фаунистических материалов стоянок. Так, по данным Н. Ное-Нугаард, специально изучавшей следы охотничьей деятельности человека на костях копытных со стоянок Дании и Северной Германии, в финальноплейстоценовых комплексах Штельмура зажившие ранения отсутствуют вообще, в Пребореале-Бореале они составляют 30% всей выборки костей с повреждениями от охотничьих орудий (прежде всего культуры маглемозе), во второй половине атлантикума – начале Суб-Бореала на памятниках культуры эртебелле достигают уже 87% [Noe-Nygaard, 1974, p. 245]. Таким образом, на протяжении от раннего до среднего голоцена количество лесных копытных, уже побывавших в качестве непосредственных объектов охоты человека, возрастает почти в три раза.

Совпадение ареалов древнейших типов геометрических микролитов и первых следов производящего хозяйства, как и совпадение путей дальнейшего распространения и того, и другого, отмечалось в литературе, причем геометрические микролиты трактовались как прямое материальное выражение процесса становления и развития воспроизводящей экономики [Матюшин, 1976, с. 230–244]. Здесь же, впрочем, был приведен и ряд обстоятельств, не вписывающихся в схему и затрудняющих ее понимание. Среди них следует отметить опережающее возникновение геометрических микролитов по сравнению с той экономической подосновой, которая якобы обусловила их возникновение, то есть производящим хозяйством, а также повсеместный упадок данной технологической традиции, наступающий вслед за упрочением новых форм экономики [Матюшин, 1976, с. 240–242]. Рассмотренная выше взаимосвязь геометрических микролитов с кризисом охотничьего хозяйства – при понимании последнего как необходимой предпосылки перехода к производящим формам экономики – устраняет отмеченные противоречия.

Таким образом, можно констатировать, что, являясь материальным воплощением в системе средств труда кризиса присваивающей экономики, геометрические микролиты (как части составных наконечников стрел) могут быть одним из важнейших критериев мезолита. Возможно, что по мере углубления наших знаний в данной области будут выявлены и иные археологические признаки этой эпохи.

С выработкой конкретных критериев связана основная масса разногласий и дискуссий по любой археологической эпохе и по мезолиту в частности. Значительная часть этих противоречий вытекает из специфики используемых для подразделения археологических эпох различных категорий производственного инвентаря. На некоторых особенностях и ограниченности последних, как критериев археологической периодизации, необходимо вкратце остановиться.

В историческом развитии каждой категории орудий существуют две четко выраженные тенденции. Первая из них, связанная с совершенствованием технологической, функциональной и конструкционной эффективности этого типа орудий, является источником их прогрессивного развития и соответствующего морфологического видоизменения. Вторая обусловлена этнической спецификой оформления орудий, консервирующей и стабилизирующей морфологический облик той или иной разновидности средств труда. Взаимодействие этих двух тенденций обуславливает изменения средств производ-

ства, причем на различных исторических этапах существования каждой категории орудий зачастую происходит попеременное доминирование одной из них, отражающееся в морфологическом облике орудий.

В целом, можно говорить, что преобладание функционально-технологической тенденции характерно для периодов, когда данная категория орудий проходит этап своего становления и интенсивного развития, отвечает жизненно важным и прогрессивным тенденциям экономического развития общества. "Консервирующая", этническая традиция в большей мере пропускает на этапе отмирания или застоя в развитии этого типа средств производства.

Преобладание второй тенденции в большой мере отвечает нуждам этнокультурных построений, но значительно усложняет эпохальную интерпретацию памятников, поскольку архаичные типы орудий, присущие предшествующей эпохе, сосуществуют в комплексах наряду с более прогрессивными формами производственного инвентаря. При доминировании первой тенденции указанную категорию орудий затруднительно привлекать для этнокультурного членения материалов, поскольку более высокая по сравнению с уже существующими аналогами эффективность, полнее удовлетворяющая хозяйственные потребности общества, часто обуславливала их широкое распространение в инокультурных комплексах на обширных территориях. Именно эти свойства орудий и представляют исключительный интерес для выработки критериев выделения археологических эпох. При этом исследуемую категорию орудий следует рассматривать не только в формально-типологическом, но и в содержательном плане, в историческом развитии.

С другой стороны, некоторым новым прогрессивным техническим изобретениям, обусловленным соответствующими потребностями и уровнем развития производительных сил, присущи автономность и специфика распространения. Функциональная или технологическая эффективность средств труда или элементы технологии могли как бы "отрываться" от породившей их экономической подосновы и заимствоваться с чисто утилитарными целями обществами-реципиентами, уровень развития которых в принципе не мог привести к появлению подобных новшеств. Хотя для восприятия таких изобретений требуется определенный уровень в развитии экономики обществ-реципиентов, в любом случае подобные технические новинки воспринимались неизмеримо быстрее, чем порождавшие их хозяйственные или социально-экономические импульсы [Першиц, 1978, с. 252–257].

В свою очередь эти прогрессивные заимствования впоследствии зачастую весьма интенсивно формируют и развивают хозяйственные предпосылки для дальнейшего распространения своей социально-экономической подосновы и в лице археологических находок в какой-то мере отражают направление эволюции экономики воспринимающих обществ. Например, бурное распространение лука и стрел значительно ускорило процесс вызревания кризиса охотничьей экономики в регионах, достаточно удаленных от ареала древнейших его проявлений.

Судя по характеру подобных контактов между классовыми обществами и первобытной периферией на различных исторических этапах, можно предположить, что скорость распространения технических новшеств была тем выше, чем более высокой функциональной и технологической эффективностью они обладали по сравнению с синхронными им орудийными аналогами. В силу прогрессирующей на протяжении истории неравномерности экономического развития и ускорения темпов технического прогресса указанные явления принимали все более рельефную форму, подчеркивая несоответствие отдельных элементов технической оснащённости обществ-реципиентов реальному уровню развития их производительных сил. Именно из-за подобных явлений, вероятно, наблюдаются и столь частые случаи безуспешных попыток соотнесения орудийных наборов современных первобытных

обществ с конкретными этапами археологической периодизации (например, шлифованные орудия "мезолитических" австралийцев или железные наконечники стрел бушменов). Эта же причина лежит в отдельных несоответствиях ее этапов и критериев этапам экономической периодизации по мере удаления от классического по темпам и направлению развития средиземноморского региона или приближению к современности.

С другой стороны, для непосредственных центров изобретения тех или иных технических новшеств характерно опережающее развитие обуславливающей их социально-экономической подосновы по сравнению с появлением в археологических комплексах первых вещественных следов этих изобретений. Таким образом, в этих регионах археологические критерии будут как бы "запаздывать" по сравнению с экономическими изменениями в жизни общества.

Из общей неразвитости и значительной инерционности первобытного производства вытекает принципиальное положение о том, что археологические критерии, отражая наиболее общие изменения в сфере материального производства, определяют лишь нижние пределы эпох, их начало. Верхняя граница археологической эпохи маркируется возникновением новых прогрессивных элементов в системе средств производства, знаменующих начало новой эпохи. Выступая в качестве новых критериев, они, однако, вовсе не определяют обязательное исчезновение предыдущих. Последние могут еще долго существовать и даже играть определенную роль в рамках иной экономической структуры, но уже без своей прежней исторической значимости, утрата которой означает и утрату их функции как критерия археологической периодизации.

Таким образом, исходя из технологического содержания археологической периодизации, в качестве критериев выделения археологических эпох должны использоваться такие изменения в технологии, которые отражают наиболее существенные и прогрессивные сдвиги в экономическом развитии первобытного общества.

Среди известных эмпирических признаков мезолитической эпохи роль такого критерия, по нашему мнению, могут выполнить геометрические микролиты, техника изготовления которых, с одной стороны, суммирует важнейшие достижения в технологии обработки кремня, а с другой – является прямым технологическим проявлением эпохальных изменений в характере основной отрасли первобытного производства – охоты. По своему функциональному назначению геометрические микролиты предназначены для оснащения вкладышевого метательного вооружения. Появление и дальнейшее типологическое развитие данной категории кремневых изделий было обусловлено индивидуализацией охотничьего промысла, ориентацией охоты на добычу нестадных млекопитающих, эффективную только при использовании наиболее совершенного вида оружия дистанционного боя – лука. Коррелируясь с отмеченным изменением форм охотничьей деятельности, широкое распространение геометрических микролитов тем самым выступает конкретным археологическим признаком кризиса охотничьего хозяйства, который, как известно, является одним из основных моментов в исторической оценке мезолитической эпохи.

Бадер О. Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита // МИА. – 1966. – №126. – С. 194–205.

Бадер Н. О. О мезолите Восточного Средиземноморья в связи с проблемой "каспийской провинции" // Там же. – С. 171–177.

Бадер Н. О. Мезолит // Там же. – 1970. – №166. – С. 90–91.

Бибиков С. Н. Некоторые вопросы палеоэкономического моделирования в палеолите // СА. – 1969. – №4. – С. 5–23.

Бибиков С. Н. [Рецензия] // СА. – 1979. – №4. – С. 294–299. – Рец. на кн.: Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. – Л.: Наука, 1976. – 191 с.

Бонч-Осмоловский Г. А. Итоги изучения крымского палеолита // Труды Ассоциации по изучению

- четвертичного периода Европы.— М.:Л., 1934.— Вып. 5.— С. 114—183.
- Борисковский П. И., Замятнин С. Н. Габриель де Мортилье // ПИДО.— 1934.— №7—8.— С. 88—107.
- Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии.— К.: Наук. думка, 1982.— 225 с.
- Григорьев Г. П. Верхний палеолит // МИА.— 1970.— №166.— С. 60—61.
- Григорьева Г. В. Позднепалеолитические памятники с геометрическими микролитами на Русской равнине // КСИА.— 1983.— №173.— С. 55—61.
- Гурина Н. Н. К вопросу о некоторых общих и особенных чертах мезолита лесной и лесостепной части СССР // Там же.— 1977.— №149.— С. 20—30.
- Даниленко В. Н. Неолит Украины.— К.: Наук. думка, 1969.— 257 с.
- Долуханов П. М. Мезолит: экологический подход // КСИА.— 1977.— №149.— С. 13—17.
- Долуханов П. М., Пашкевич Г. А. Палеогеографические рубежи верхнего плейстоцена-голоцена и развитие хозяйственных типов на юго-востоке Европы // Палеоэкология древнего человека.— М., 1977.— С. 134—145.
- Долуханов П. М., Хотинский Н. А. Палеогеографические рубежи голоцена и мезо-неолитическая история Европы // Первобытный человек и природная среда.— М., 1974.— С. 211—217.
- Дикое Н. Н. Общие принципы диалектической периодизации // Вопр. философии.— 1983.— №4.— С. 116—126.
- Ермолова Н. М. Формирование мезолитической культуры в связи с природной обстановкой // КСИА.— 1977.— №149.— С. 17—20.
- Ефименко П. П. Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья // СА.— 1960.— №4.— С. 14—25.
- Зализняк Л. Л. Мезолит Юго-Восточного Полесья.— К.: Наук. думка, 1984.— 113 с.
- Кларк Г. Доисторическая Европа.— М.: Иностран. лит., 1953.— 332 с.
- Кольцов Л. В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики.— М.: Наука, 1977.— 216 с.
- Крайнов Л. А., Брюсов А. Я. Проблема северного мезолита // Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода.— М., 1961.— Т. 1.— С. 479.
- Массон В. М. К вопросу о мезолите Передней Азии // МИА.— 1966.— №126.— С. 165—170.
- Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала.— М.: Наука, 1976.— 368 с.
- Нужный Д. Ю. Об использовании острий и геометрических микролитов // Материалы каменного века на территории Украины.— Киев, 1984.— С. 23—36.
- Окладников А. П. К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части СССР // МИА.— 1966.— №126.— С. 213—223.
- Першиц А. И. Первобытная периферия классовых обществ (до начала Великих географических открытий).— М.: Наука, 1978.— 259 с.
- Равдоникас В. И. О периодизации истории доклассового общества // ПИДО.— 1934.— №7—8.— С. 78—87.
- Рогачев А. Н. Некоторые вопросы изучения палеолита Восточной Европы // МИА.— 1966.— №126.— С. 9—13.
- Рогинский Я. Я. К вопросу о периодизации процесса человеческой эволюции // Антропол. журн.— 1936.— №3.— С. 3—27.
- Смирнов С. В. Становление основ общественного производства (материально-технический аспект проблемы).— К.: Наук. думка, 1983.— 254 с.
- Станко В. Н. Мирное: Проблема мезолита степей Северного Причерноморья.— Киев: Наук. думка, 1982.— 174 с.
- Телегин Д. Я. О критериях выделения мезолитических памятников на юго-западе европейской части СССР // КСИА.— 1977.— №149.— С. 30—34.
- Телегин Д. Я. Мезолітичні пам'ятки України.— К.: Наук. думка, 1982.— 252 с.
- Формозов А. А. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке.— М.: Наука, 1959.— 126 с.
- Формозов А. А. О термине мезолит и его эквивалентах // СА.— 1970.— №3.— С. 6—11.
- Черныш А. П. К вопросу о соотношении границ палеолит-мезолит и плейстоцен-голоцен, особенности развития материальной культуры и природной среды Прикарпатья // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене-голоцене.— М., 1974.— С. 149.
- Черныш О. П. Стародавнє населення Подністров'я за доби мезоліту.— К.: Наук. думка, 1975.— 153 с.
- Шнирельман В. А. Проблема происхождения натufийской культуры // СА.— 1975.— №4.— С. 283—293.
- Aquillas-Wouters R. F. Une pointe de la Gravette fichée dans un fragment de machoire de Cervus Giganteus // Bull. de la Societe Royale Belge d'Antropologie et de Prehistoire.— Bruxelles.— 1956.— Т. 67.— Р. 31—36.
- Braidwood R., Howe B. Prehistoric investigation in Iraqi Kurdistan.— Chicago, 1960.— 184 p.
- Clark J. G. D. Excavations at Star Carr.— Cambridge, 1954.— 420 p.
- Kozłowski S. K. Introduction to the History of Europe in Early Holocene. The mesolithic in Europe.— Warszawa, 1973.— p. 332—333.
- Klejn L. S. Die Kozeption des "Neolithikums", "Aneolithikums" und "Bronzezeit" in der archaeologischen Wissenschaft der Gegenwart // Neolithische Studien.— 1972.— № 1.— S. 7—30.
- Lee R. B. What hunters do for a living, or, how to make out on scarce resources // Man the hunter.— Chicago, 1977.— P. 30—48.
- Noe-Nygaard N. Mesolithic hunting in Denmark. Illustrated by human weapons // Journ. of Archaeol. Sc.— 1974.— № 1.— p. 217—248.
- Phillipson D. W. The later prehistory of Eastern and Southern Africa.— London, 1977.— 323 p.
- Schlette F. Das neolithikum als historische Erscheinung // Evolution und Revolution in Alten Orient und in Europa.— Berlin, 1971.— S. 9—22.
- Rust A. Die Alt- and Mittelsteinzeitlichen Funde von Stellmoor.— Neumunster, 1943.— 240 s.
- Wendorf F. Site 117: A Nubian Final Paleolithic graveyard near Jebel Sahaba, Sudan // The prehistory of Nubia.— Dallas, 1968.— Vol. 2.— P.954—995.

А. А. ЯНЕВИЧ

ХОЗЯЙСТВО МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО И НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО КРЫМА

На основе анализа археологического материала по мезолиту Горного Крыма, а также его этнографических аналогов автор воссоздает основные черты хозяйственно-культурного типа охотников горных лесов. Подробно рассмотрены особенности охотничьей экономики в условиях горных лесов, годовой хозяйственный цикл мезолитического населения Горного Крыма.

Изучение экономики древних обществ уже не одно десятилетие привлекает внимание советской археологической науки, в том числе при изучении мезолита и неолита Крыма. Еще в довоенное время дана общая характеристика экономики мезолитической эпохи, в том числе и мезолита Крыма, как системы присваивающих отраслей хозяйства с ведущей ролью охоты, сочетанием рыболовства и собирательства [Бонч-Осмоловский, 1934]. Рассмотрены так же отдельные аспекты хозяйственной деятельности населения [Бонч-Осмоловский, 1934], занятия общины, оставившей ту или иную стоянку [Колосов, 1960], освоение новых территорий [Колосов, 1965], возможности доместикации на полуострове животных и ранние формы скотоводства [Крайнов, 1960; Колосов, 1963].

Особое место в разработке этой тематики занимает положение С. Н. Бибикова о кризисе охотничьего хозяйства [Бибиков, 1966; 1977]. Разработанное первоначально на крымских материалах и объясняющее основные причины перехода мезолитических охотников и собирателей к скотоводству, в наше время оно раскрывает сущностные характеристики экономики мезолита и неолита, вскрывает динамику исторического процесса на заключительных этапах каменного века.

Для большинства отмеченных работ свойственен стадийный подход к экономике мезолита и неолита Крыма. Исследователей интересовал и уровень развития производительных сил, время появления тех или иных отраслей хозяйства, определенных технических изобретений. Специфика же хозяйства этнических групп мезолита и неолита Крыма – горнокрымского и кукрекского населения – оставалась, как правило, вне внимания специалистов. Лишь С. Н. Бибиков отмечал некоторые особенности хозяйственного развития горнокрымского мезолитического населения, сходство его с хозяйством мезолитических культур горных районов Западной Европы и отличие от хозяйства мезолитического населения Надпорожья [1966, с. 139]. К сожалению, эта мысль не получила развития в работах других исследователей.

В предлагаемой статье предпринята попытка реконструкции отраслевой структуры и годового цикла хозяйства мезолитического и неолитического населения Горного Крыма. Методологической основой реконструкции является концепция хозяйственно-культурного типа (далее ХКТ). Напомним, категория ХКТ – одна из основополагающих в этнографии [Балакин, 1985]. Она начинает приобретать все большее значение при реконструкции экономики древних обществ [Зализняк, 1989]. М. Г. Левин и А. А. Чебоксаров писали: "Под ХКТ следует понимать исторически сложившиеся комплексы хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях при определенном уровне их социально-экономического развития" [1955]. Таким образом, механизм сложения определенного комплекса хозяйства и материальной культуры концепция ХКТ объясняет взаимодействием двух факторов: определенной природной среды и уровня социально-экономического развития населения. По существующей типологии комплекс хозяйства горнокрымского мезолитического и неолитического населения можно определить как ХКТ охотников и собирателей горных лесов [Линь Яо-Хуа, Чебоксаров, 1961].

Формирование природной среды, послужившей основой развития ХКТ охотников и собирателей горных лесов, в Крыму относится к финалу плейстоцена. К этому времени, по мнению специалистов, приобрел современный облик рельеф полуострова. В горной части его определяют три горных гряды: Первая, Вторая и Третья (высоты соответственно 1500–800 м, 800–400 м, 400–200 м), разделенные глубокими долинами рек, и густое межгрядовое овражно-балочное расчленение [Павлова, 1964].

Потепление в Аллереде обусловило в Горном Крыму смену перигляциальных и нагорных степей с небольшими залесенными участками, лесами, состоявшими из березы, осины, можжевельника. Этот процесс отражают определения палеоботанических материалов из позднепалеолитических и раннемезолитических стоянок [Гаммерман, 1934]. Но в предгорьях, судя по остаткам степных представителей орнитофауны и грызунов [Векилова, 1971, с. 124–125, табл. 4, с. 126–133, табл. 5], еще сохраняются участки степей. Значительно ниже, на 1000 м проходила также граница нагорных степей яйл [Малеев, 1948]. Распространение лесов привело к смене в Горном Крыму фаунистических комплексов. Доминирующими становятся лесные виды – благородный олень, косуля, кабан. Они составляют 85% фаунистических остатков раннемезолитических стоянок. На долю степных видов – осла, лошадь, сайгу – являвшихся основой позднеплейстоценового фаунистического комплекса, приходится только 15% остеологических материалов [Бибикова, 1985].

Конец раннего и средний голоцен – бореальный и атлантический периоды – характеризуются окончательным потеплением. Определения палеоботанических материалов из позднемезолитических стоянок указывают на завершение формирования растительности Горного Крыма, смену холодолюбивых лесов теплолюбивыми широколиственными, состоящими из дуба, клена, рябины [Гаммерман, 1934]. Открытые ландшафты сохраняются лишь на яйлах – плоских вершинах Первой гряды, которые, по данным спорово-пыльцевого анализа, были покрыты лугами и луговыми степями на протяжении всего голоцена [Артюшенко, Мишнев, 1978]. Полностью исчезают в это время из Горного Крыма и степные животные; благородный олень, кабан и косуля составляют 96% остеологических материалов позднемезолитических стоянок и около 90% – неолитических [Бибикова, 1985].

Рассматриваемый нами ХКТ охотников и собирателей горных лесов в Крыму археологически представлен памятниками мезолитической горнокрымской и неолитической горнокрымской культур [Телегин, 1982; Колосов, 1971; 1985]. На основе преемственного развития в них единых культурных традиций обработки кремня мы объединяем их в памятники горнокрымской культурной традиции [Яневич, 1987]. Характерной чертой кремневых комплексов этих памятников есть геометрические микролиты – сегменты в раннем мезолите и трапеции в позднем мезолите и неолите, служившие наконечниками стрел [Нужный, 1984]. Изготовлением геометрических микролитов обусловлены остальные черты кремневых комплексов горнокрымских памятников: ориентация пластинчатой техники на получение изделий средних размеров и в связи в этом доминирование ножевидных пластин как заготовок для остальных категорий орудий. В целом, комплекс археологических материалов, оставленных горнокрымским населением, свидетельствует об использовании ими основных достижений мезолита и неолита – лука и стрел, составного вкладышевого вооружения, гарпунов, керамики, domestikцированных животных (собаки, свиньи) в неолите и т. д.

Детерминированность формирования ХКТ определенными природными условиями и уровнем социально-экономического развития обуславливает сложение одних и тех же ХКТ у народов, живших в разное время и в областях, расположенных подчас в противоположных частях Земного шара. Такая детерминированность есть методологической основой привлечения при реконструкции ХКТ интересующих нас обществ данных по соответствующим

историческим и этнографическим ХКТ. Историческим аналогом горнокрымским охотникам и собирателям являются мезолитические и раннеолитические общества Северного и Восточного Средиземноморья, находившиеся в одинаковых природных условиях (сухие широколиственные горные леса) и на сходном уровне социально-экономического развития.

В качестве этнографических аналогов ХКТ охотников и собирателей горных лесов в Крыму служат данные по этому ХКТ об индейцах Калифорнии [Кгоебер, 1925; Кребер, 1970 и др.] и дулунах Китая [Линь Яо-Хуа, Чебоксаров, 1961], привлекая которые мы основывались на методике использования этнографических материалов для реконструкции древних обществ, разработанной В. Р. Кабо [1979] и Л. Л. Зализняком [1989].

Рассмотрим основные черты ХКТ охотников и собирателей горных лесов Крыма. В основе его лежала охота на обитателей горных лесов: благородного оленя, кабана, косулю. На долю этих животных приходится, напомним, 85% остеологических материалов в раннем мезолите, 96% в позднем мезолите [Бибикова, 1985, с. 20]. Поскольку охота на лесных животных в закрытых ландшафтах особо эффективна с помощью лука, то это оружие было основным у охотников горных лесов [Кребер, 1970, с. 147–162; Кгоебер, 1925, р. 225], в том числе у горнокрымских охотников. Прямое доказательство этого – высокий удельный вес геометрических микролитов, которые применялись, по мнению ряда исследователей, как наконечники стрел [Бонч-Осмоловский, 1934, с. 167; Нужный, 1984, с. 23–36]. Геометрические микролиты составляют 90% микронабора в раннем мезолите, 86 ± 14 – в позднем мезолите и $93 \pm 3\%$ в неолите. При этом следует учитывать, что значительная часть геометрических микролитов утеряна во время охоты, а на стоянках представлены выбракованные или поломанные изделия.

Кроме того, в охотничье оружие горнокрымского населения входили костяные наконечники дротиков, в том числе оснащенные вкладышами, и, возможно, гарпуны. Большинство исследователей полагают, что последние связаны с боем рыбы [Колосов, 1971, с. 129; Телегин, 1982, с. 198], но не исключено их использование, как свидерских гарпунов, при охоте на оленей, только не северных, а благородных [Зализняк, 1989]. Генетическая связь крымских гарпунов со свидерскими подтверждает это мнение. О возможности использования гарпунов при охоте на благородного оленя свидетельствует также распространение их в азильской культуре Франции, основной добычей носителей которой был благородный олень. Однако, как дротики, так и гарпуны играли, судя по их малочисленности, второстепенную роль в охотничьем вооружении горнокрымских племен.

Преобладающими у представителей ХКТ охотников и собирателей горных лесов в Крыму были индивидуальные формы охоты – засада и гон. На это указывают специфика вооружения (лук и стрелы), особенность поведения промысловых животных (нестадный образ жизни), условия ведения промысла (закрытые лесные ландшафты).

Представление об охоте в засаде дает описание охоты на оленей у калифорнийских охотников и собирателей горных лесов. Вот как Т. Кребер описывает охоту на оленей индейца Иши – последнего представителя калифорнийского племени яна: "Спрятавшись позади пирамиды из камней или укрывшись в кустах, Иши выжидал. Услышав запах оленя или заподозрив его присутствие он начинал действовать. Беря в рот лист земляничного дерева, он подражал мычанию теленка – это привлекало внимание нескольких самок. Иши же надевал на себя чучело оленьей головы с привязанными к ней рогами. Поднимая голову над мелким кустарником, он делал вид, что щиплет листья. Обманутые этим самец или самка подходили к нему на расстояние нескольких ярдов... Иногда олени не обращали внимания на одну-две стрелы, пролетавшие мимо, и пока один из них не поднимал тревогу, животные достаточно близко подходили к охотнику" [Кребер, 1970, с. 159]. Охот-

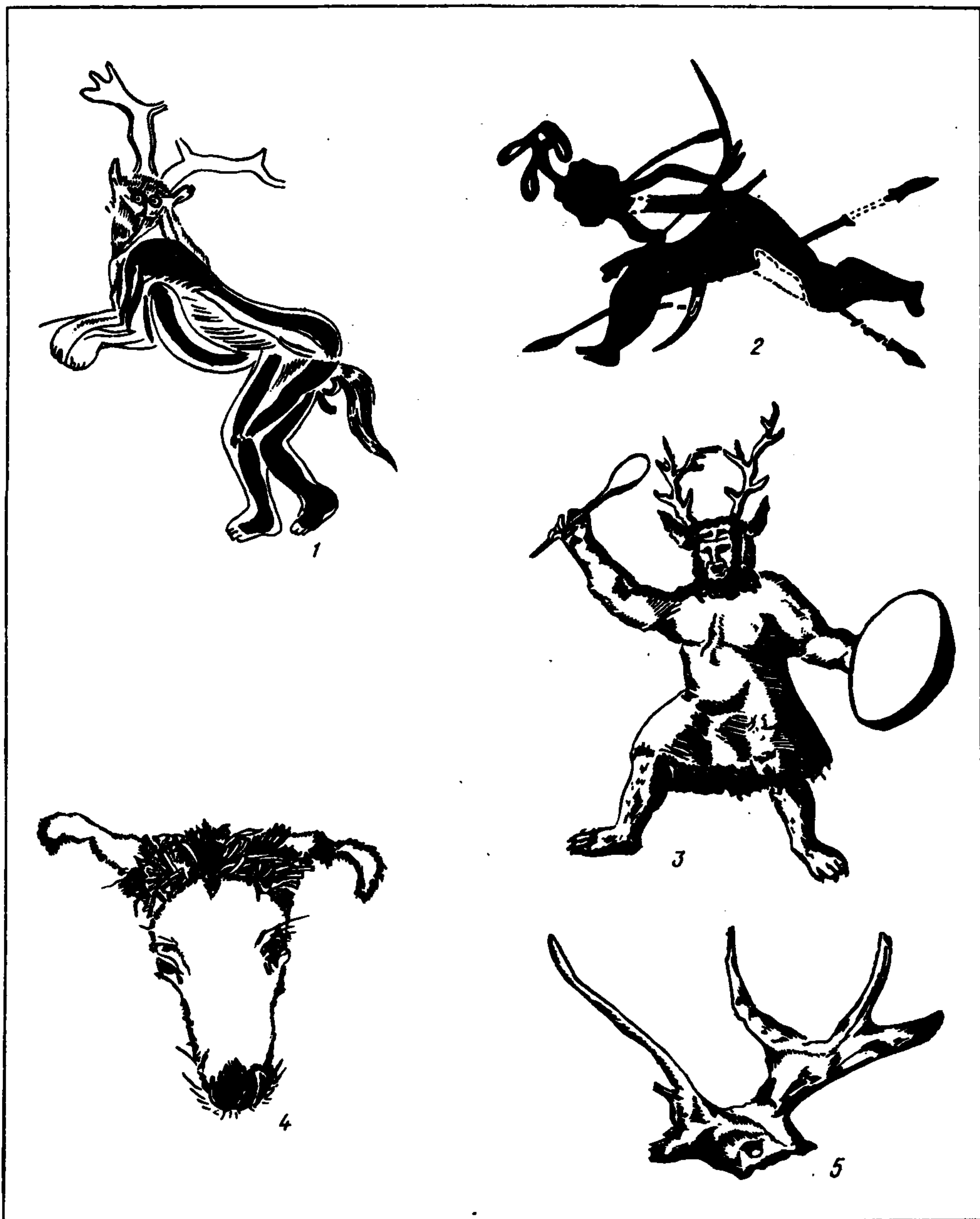

Рис. 1. Использование масок благородного оленя в охотничьей деятельности по данным археологии и этнографии:
 1 — наскальное изображение "колдуна" из пещеры "Трех братьев" (Франция); 2 — наскальное изображение охотника из пещеры Вальторта (Испания); 3 — эвенкийский шаман, по данным Г. Кларка;
 4 — чучело головы оленя калифорнийских индейцев; 5 — маска из черепа оленя со стоянки Стар Карр (Англия)

ники некоторых племен не только надевали чучело головы оленя (рис. 1,4), но и разрисовывали себе грудь белой краской, что делало ее похожей на грудь оленя [Кюебер, 1925, р. 528].

Описанный выше способ охоты на благородного оленя был одним из основных и у лесных охотников Старого Света. Возникает он еще в финале позднего палеолита — раннем мезолите у лесных охотников Западной Европы. Яркими примерами охотников в масках являются, в частности, широко

известный "колдун" из пещеры Трех Братьев [Елинек, 1984, с. 364, рис. 584] и рисунок охотника из пещеры Вальторта в Испании [Елинек, 1984, с. 412, рис. 658] (рис. 1, 1, 2). Маска из верхней части черепа оленя с рогами найдена также на мезолитической стоянке Стар Карр в Англии [Clark, 1967, p. 87, ill. 75] (рис. 1, 5). Повсеместное распространение имела охота в засаде и у более поздних представителей охотников лесов. С охотой на оленя с маской связаны традиции головного убора у представителей ХКТ лесных охотников Сибири – эвенков и кетов. Он состоял из шкуры оленя, снятой с верхней части головы, или верхней части головы оленя с рогами. Этот головной убор сохранился у детей и шаманов [Василевич, 1969, с. 130–138] (рис. 1, 3).

Трудно допустить, чтобы все перечисленные случаи охоты на оленя из засады в маске (у индейцев Калифорнии, палеолитических и мезолитических охотников Западной Европы, у эвенков и кетов Сибири) были заимствованы: слишком уж велики пространственные и временные различия. Совершенно очевидно, что в каждом конкретном случае этот способ охоты вырабатывался самостоятельно, как неотъемлемый элемент КХТ охотников лесов, и появление его – закономерный результат сочетания нескольких факторов: особенностей экологии и поведения оленей (нестадный образ жизни, плохое зрение), охотничьего вооружения (лук и стрелы) и условий охоты (закрытые ландшафты). Поскольку в Горном Крыму имелись все перечисленные факторы, есть основания предполагать, что рассмотренный выше способ охоты был присущ и для горнокрымских охотников.

Применяли охотники и собиратели горных лесов и коллективные загонные охоты. Они известны как у этнографических представителей этого КХТ [Линь Яо-Хуа, Чебоксаров, 1961, с. 45–47; Кребер, 1925], так и у исторических по наскальным рисункам финала палеолита и мезолита юга Франции и Испании [Монгайт, 1973, с. 182, 183; Kühn, 1952, S. 70, Abb. 52] и Ближнего Востока [Mellaart, 1967, tabl. 54] (рис. 2, 1, 2). Но их значение, очевидно, в определенной мере зависело от объекта охоты. Так, А. Кребер отмечал, что для индейцев Калифорнии, охотившихся на благородного оленя, коллективные охоты использовали редко [Кроебер, 1925], в то время как дулуны Китая, которые охотились на кабанов, пользовались этим методом [Линь Яо-Хуа, Чебоксаров, 1961].

Видами загонной охоты у горнокрымских охотников могли быть загон животных, известный по наскальным рисункам юга Европы и Ближнего Востока [Kühn, 1952, S. 70, Abb. 52; Mellaart, 1967, tabl. 54] и у дулунов Китая [Линь Яо-Хуа, Чебоксаров, 1961, с. 171], а также применявшиеся калифорнийскими индейцами загон на обрыв и более развитой загон в плетеную изгородь из виноградной лозы. При выходе из нее в животное стреляли или убивали дубинами [Кроебер, 1925, p. 360, 361].

Кроме того, у охотников горных лесов были распространены также пассивные способы охоты – такие, как настораживание луков и ловля в сети [Кроебер, 1925, p. 201]. Некоторые авторы считают, что эти способы охоты известны уже в мезолите и неолите [Семенов, 1968, с. 302]. Не исключено, что их использовали и горнокрымские охотники.

Наряду с охотой значительное место в хозяйстве горнокрымского населения занимало собирательство. Археологически хорошо зафиксировано собирательство улиток – сухопутных моллюсков *Helix*. Панцири этих моллюсков найдены на большинстве позднемезолитических и неолитических стоянок. На размеры собирательства моллюсков указывают мощные отложения панцирей, составляющие основу культурного слоя на стоянке Ласпи 7 [Телегин, 1982, с. 92]. С. Н. Бибилов при раскопках грота Шан-Коба открыл хранилище улиток в расселине грота и изучил способ их приготовления в пекарских ямках [1941, с. 140–141]. Такие же пекарские ямки были изучены Ю. Г. Колосовым в Кара-Кобе [1960, с. 17–22].

Собирательство у горнокрымского населения не ограничивалось сбором

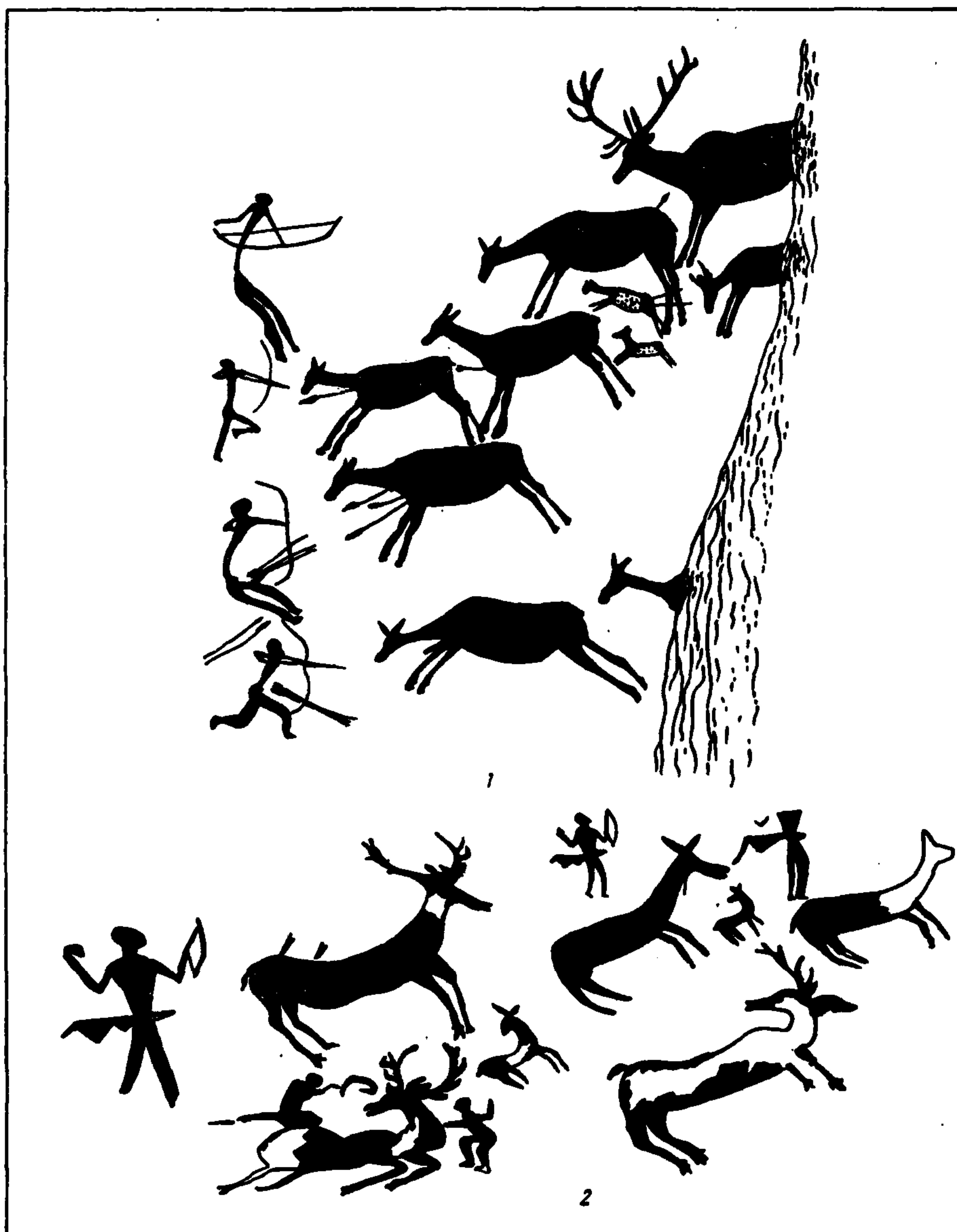

Рис. 2. Коллективная охота на оленей по данным древней живописи:
 1 – наскальное изображение из грота Кабаллос (Испания); 2 – настенная роспись из
 Чатал-Гуока (Ближний Восток)

моллюсков. Основную роль, несомненно, играл сбор растений. Некоторое представление о значении растительной пищи в рационе горнокрымского населения могут дать сведения о калифорнийских индейцах, живущих в близких к Горному Крыму природных условиях. У них растительная пища составляет 30–60% рациона [Кроебер, 1925, р. 523, 524; Lee, 1977, р. 48]. Интересны также материалы, приводимые Р. Ли. По его данным, в обществах с присваивающей экономикой, расположенных в умеренной и субтропической зонах, доля растительной пищи составляет 30–70% [Lee, 1977, р. 30–48].

Об интенсивном собирательстве горнокрымским населением растений свидетельствуют орудия переработки растительной пищи – терочники и песты, гальки вулканических пород с пришлифовкой и забитостью [Крайнов, 1960, табл. IX, 3; XII, 1–4]. Не найдены ступки, но калифорнийские индейцы

использовали деревянные ступки или в качестве ступок применяли любой камень с поставленной на него корзиной без дна и простые углубления в скале [Kroeber, 1925, p. 527; Krause, 1921, s. 12, 1-4, 13, 1-6, 14, 1-5]. Последний способ, кстати, известен также у преднеолитических собирателей Ближнего Востока [Mellaart, 1975, p. 30]. Возможно, подобные типы примитивных ступок применялись вместе с пестами из Таш-Аира I жителями Горного Крыма. Об их использовании свидетельствует сильная стертость зубов у погребенных из Мурзак-Коба и Фатъма-Коба [Жиров, 1940, с. 180-181]. Такая стертость появляется, судя по аналогиям на Ближнем Востоке, в результате попадания в пищу абразивных частиц [Mellaart, 1975, p. 31].

С интенсивным собирательством, а позднее и земледелием связано, как отмечают специалисты, появление керамики, предназначенной для варки растительной пищи [Бибиков, 1977, с. 46].

Поскольку основные объекты собирательства в условиях Горного Крыма не сохраняются, для их определения обратимся к косвенным данным. На территории СССР Горный Крым — это район с наиболее благоприятными условиями для развития собирательства. В конце раннего — среднем голоцене он был покрыт лесами, состоявшими из дуба, бука, граба, клена, сосны [Гаммерман, 1934, с. 172, 174; Артющенко, Мишнев, 1978]. Сопутствующими породами в этих лесах, произраставшими, очевидно, и в то время, были яблоня, груша, кизил, рябина, боярышник, барбарис и др. На опушках лесов и полянах росли различные виды злаковых и зернобобовых, которыми богат Горный Крым: дикая пшеница-однозернянка, эгилопс, несколько видов овсов, ячмень и др. [Злаки Украины, 1982].

Определить вероятные объекты собирательства в Горном Крыму позволяют археологические и этнографические сведения. Особое значение при этом приобретают палеоботанические материалы по собирательству в мезолите и неолите на Ближнем Востоке, Кавказе и в Молдавии — районах, сходных с Горным Крымом по природной обстановке и исторической ситуации. По данным Г. Н. Лисицкой, В. Ван Цейст и В. И. Маркевича, объектом собирательства в Крыму были: дикая пшеница-однозернянка, ячмень дикий, ячмень бутылковидный, эгилопс, астрагал, адонис, овес дикий, костер, райграс, пырей, овсяница луговая, полевица белая, мятлик, плоды дуба, фисташки, миндаль, прозопис, боярышник, яблоня и т. д. [Маркевич, 1974, с. 144-146; Лисицына, Прищепенко, 1977, с. 55-72; Wan Zeist, 1982, p. 247-249]. О возможном собирательстве многих из перечисленных растений свидетельствуют также этнографические данные. Так, каша из желудей нескольких видов дуба — основная пища горных охотников и собирателей Калифорнии — наиболее близкого этнографического аналога позднемезолитическому и неолитическому населению Горного Крыма. Собирали калифорнийские индейцы также семена нескольких видов сосны, барбарис, клевер, различные злаки и зернобобовые — всего около 45-50 видов растений [Krause, 1921; Kroeber, 1925; Кребер, 1970]. Собирательство шишек сосны пинии, араукарии и других видов было широко распространено и в других горных областях Америки [Lips, 1956, p. 94-95].

Одной из отраслей экономики ХКТ охотников и собирателей горных лесов было рыболовство. Но в условиях Крыма с его немногочисленными и мелководными реками единственным значительным объектом рыбной ловли мог быть проходной черноморский лосось. Остальные виды рыб — форель, судак, голавль, сом, щука — не играли существенной роли в рыболовстве. Это подтверждают и единичные находки их на стоянках [Векилова, 1971, с. 132, табл. 6].

На незначительную роль рыбной ловли в хозяйстве населения Горного Крыма указывает и отсутствие специализированных орудий рыбной ловли. Практиковалась, очевидно, не ловля, а "охота на рыбу" во время нереста (сом, судак, щука) или хода на нерест (лосось) [Лебедев, 1952, с. 50, 51]. Косвенно

это подтверждают, на наш взгляд, крупные размеры рыб, найденных на стоянках, длиной от 40 до 80 см и масса до 10 кг [Лебедев, 1952, с. 46 – 51].

Хозяйственный цикл горнокрымского населения включал два основных периода – "зимний", в предгорьях, и "летний", на яйлах. Такой годовой цикл, предусматривающий вертикальные сезонные перемещения, – одна из характерных черт ХКТ охотников и собирателей горных лесов [Кребер, 1970, с. 18–40].

Памятники мезолита и неолита на яйле, несомненно, представляют летние сезонные стоянки. В зимнее время яйлы практически необитаемы из-за суровых климатических условий. Одним из наиболее серьезных препятствий была высота снежного покрова, составляющая 40 – 60 см, а на Ай-Петринской яйле достигающая 80 см. Она была критической для всех промысловых животных мезолита и неолита Крыма [Жизнь животных, 1971. Т. 6, с. 440, 446, 462] и делает невозможным их обитание на яйле зимой. Количество оленей, по данным Крымского охотничье-заповедного хозяйства, уменьшается в зимнее время в шесть раз по сравнению с летним, составляя 5% общего количества оленей Горного Крыма.

На летний характер яйлинских стоянок указывает также их топография. Еще О. Н. Бадер отмечал, что стоянки расположены в открытых местах [Бадер, 1936, с. 98], то есть они не были приспособлены к защите от зимних ураганных ветров, достигающих скорости от 15 до 42 м/сек [Артюшенко, Мишнев, 1978, с. 9 – 10]. Примечательна в этом отношении незаселенность расположенных рядом со стоянками пещер на Чатыр-Даге и Караби-Яйле. В них отсутствуют сколько-нибудь значительные культурные слои мезолита и неолита, несмотря на то, что некоторые из этих пещер были заселены в палеолите (Аджи-Коба) и в эпоху бронзы (Кен-Авуз-Коба, Узун-Коба) и посещались, судя по единичным находкам кремней мезолитического и неолитического облика, в позднем каменном веке.

На яйле горнокрымское население занималось охотой и собирательством растительной пищи в лесах приайлинских склонов. Хорошо прослеживается охотничья направленность стоянок: они расположены группами у врезающихся в край плато балок и ущелий, представляющих собой удобные и традиционные пути подъема животных на яйлу во время пользования водопоями. В качестве примеров можно назвать стоянки у истоков р. Биюк-Карасу в верховьях Аджи-Кобинской балки и р. Су-Ат на Караби-яйле, у Домчи-Кая на Чатыр-Даге, Стельской тропы на Ай-Петринской яйле. Объектами охоты горнокрымского населения на яйлах были те же животные, что и в предгорьях, судя по остеологическим остаткам со стоянки Ат-Баш [Жуков, 1927, с. 99 – 107]: благородный олень, кабан, косуля. Занятие рыбной ловлей на яйлах неэффективно из-за малочисленности рыбы в верховьях горных рек, а также больших расстояний и перепадов высот между реками и расположением стоянок.

Памятники горнокрымской культурной традиции в зоне Второй гряды относятся к "зимнему" периоду. Зимой в дубовых рощах этой гряды и межгрядовых понижениях концентрировалась основная масса оленей (до 90%), косуль и кабанов [Жизнь животных, 1971. – Т. 6, с. 462]. "Зимнее" время заселения рассматриваемых стоянок подтверждается находками в Кара-Кобе, Алимовском навесе и Мурзак-Кобе костей черноморского лосося [Лебедев, 1952, с. 46 – 51; Векилова, 1971, с. 132, табл. 6], ход на нерест которого приходится на апрель – май [Световидов, 1964, с. 145]. На зимний характер памятников Второй гряды указывает, наконец, их расположение в гротах, имеющих южную или западную экспозицию (Шан-Коба, Фатьма-Коба, Кара-Коба, и др.), или за укрытиями (Ласпи 7). На стоянках Шан-Коба и Замиль-Коба II, как отмечают изучавшие их специалисты, существовали заграждения, перекрывавшие вход в грот [Бибииков, 1977].

Итак, в финале плейстоцена – начале голоцена в результате изменения природной обстановки (распространения лесов и лесной фауны) и социально-

экономического развития населения (распространения нового охотничьего вооружения, приемов охоты и т. д.) в Горном Крыму формируется новый ХКТ охотников и собирателей горных лесов. Одной из типичных черт его была охота на лесных животных, носившая преимущественно индивидуальный характер с широким применением лука. Существенное место в структуре хозяйства горнокрымского населения занимало собирательство моллюсков и растительной пищи. Определенную роль в получении продуктов питания играло рыболовство. В условиях Горного Крыма с его вертикальным характером природно-климатических и растительных зон у горнокрымского населения вырабатывается вертикальный цикл сезонных миграций – использование природных ресурсов Второй гряды зимой и яйлы летом.

В своем развитии ХКТ охотников и собирателей горных лесов прошел в Крыму три этапа. Первый – раннемезолитический этап приходится на финал глейстоцена – рубеж голоцена. Это время формирования ХКТ. Ведущую роль на этом этапе уже играет характерная для лесных охотников индивидуальная охота с луком на лесных животных, но определенное место еще занимает охота на стадных мигрирующих животных. Природные условия (холодолобивые леса) еще не позволяли интенсивно заниматься собирательством. Учитывая единичность находок шан-кобинских орудий на яйле, можно предположить, что еще не был выработан вертикальный хозяйственный цикл.

Второй – позднемезолитический этап (Бореал – начало Атлантикума) – время расцвета ХКТ. В связи с исчезновением из предгорий стадных степных животных охота в это время ведется исключительно на лесных млекопитающих. Одной из ведущих отраслей хозяйства становится собирательство в результате распространения теплолюбивой флоры и сухопутных моллюсков, а также интенсификации хозяйства. Усиливается роль рыболовства, о чем свидетельствует возросшее количество остатков рыбы на поселениях [Векилова, 1971, с. 132, табл. 6] и возникновение поселений, ориентированных на рыбную ловлю (Кара-Коба). Интенсификация хозяйства приводит к освоению яйл и выработке четкого сезонного цикла – использованию природных ресурсов яйлы летом, а зоны предгорий зимой. Вместе с тем развитие ХКТ в относительно бедном пищевыми ресурсами, особенно животной биомассой, Горном Крыму привело к кризису присваивающего хозяйства. Археологические проявления его уже отмечались исследователями: раздробленность костей – результат высокой утилизации охотничьей добычи; развитие собирательства; потребление в пищу птиц, собак, грызунов, хищников и т. п. [Бибиков, 1977, с. 49; Телегин, 1982, с. 199].

На заключительном – неолитическом этапе структуроопределяющее значение по-прежнему играют традиционные для ХКТ отрасли хозяйства. Сохраняется охота с луком на лесных животных: благородного оленя, кабана и косулю. На долю этих животных приходится 90 – 100 % особей диких животных и 50 – 70 % общего количества особей [Крайнов, 1960, с. 167, табл. I, с. 168, табл. II]. На широкое применение лука указывают геометрические микролиты горнокрымских неолитических памятников, составляющие 10 – 30 % изделий со вторичной обработкой. Определенное место в получении продуктов питания занимает собирательство, о чем свидетельствуют панцири моллюсков *Helix*, а также орудия по обработке растительной пищи со стоянок Таш-Аир I и Замиль-Коба II [Крайнов, 1960, с. 97]. Находки костей рыб со стоянки Замиль-Коба указывают на занятие рыболовством, которое, впрочем, как и на предыдущем этапе, не играло существенной роли. Вместе с тем в неолите Горного Крыма появляются отрасли производящей экономики, прежде всего скотоводство. Развивается оно путем разведения домашних свиней. Но производящие отрасли играли еще подчиненную роль ХКТ охотников и собирателей горных лесов.

- Артюшенко А. Т., Мишнев В. Г. История растительности крымских яйл и приайлинских склонов в голоцене. — Киев: Наук. думка, 1978. — 138 с.
- Бадер О. Н. Изучение эпипалеолита крымской яйлы // СА. — 1936. — № 5. — С. 93 — 100.
- Балакин С. А. Концепция хозяйственно-культурного типа // Археология и методы исторических реконструкций. — Киев, 1985. — С. 91 — 106.
- Бибиков С. Н. Об использовании улиток *Helix* в позднепалеолитическое время // МИА. — 1941. — № 2. — С. 140 — 141.
- Бибиков С. Н. Раскопки в навесе Фатъма-Коба и некоторые вопросы мезолита Крыма // Там же. — 1966. — № 126. — С. 138 — 143.
- Бібіков С. М. Епоха мезоліту // Історія Української РСР. — К.: Наук. думка, 1977. — Т. 1. — С. 41 — 50.
- Бибикова В. И. Охотничий промысел в палеолите и мезолите Северного Причерноморья // КСИА. — 1985. — Вып. 181. — С. 17, 18.
- Бонч-Осмоловский Г. А. Итоги изучения крымского палеолита // БКИЧП. — 1934. — Вып. 5. — С. 114 — 183.
- Василевич Г. М. Эвенки. — Л.: Наука, 1969. — 161 с.
- Векилова Е. А. Каменный век Крыма: Некоторые итоги и проблемы // МИА. — 1971. — № 173. — С. 117 — 161.
- Гаммерман Г. Ф. Результаты изучения четвертичной флоры по остаткам древесного угля // ТМАИЧПЕ. — 1934. — Вып. 5. — С. 68 — 73.
- Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. — Прага: Артия, 1982. — 560 с.
- Жизнь животных: В 6 т. — М.: Просвещение, 1971. — Т. 6. — 806 с.
- Зализняк Л. Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. — Киев: Наук. думка, 1989. — 174 с.
- Жуков Б. С. Раскопки и обследования стоянок культуры микролитов на ай-петринской яйле в июле 1927 г. // Крым. — 1927. — № 2/4/. — С. 99 — 107.
- Кабо В. Р. Теоретические проблемы реконструкции первобытности // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. — М., 1979. — С. 106 — 131.
- Колосов Ю. Г. Раскопки пещеры Кара-Коба в Крыму // КСИА АН УССР. — 1960. — Вып. 10. — С. 17 — 22.
- Колосов Ю. Г. Некоторые вопросы истории неолита Крыма // СА. — 1963. — № 3. — С. 257 — 265.
- Колосов Ю. Г. До питання про заселення кримських яйл в кам'яну добу // Археологія. — 1965. — Т. 19. — С. 14 — 21.
- Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма // МИА. — 1960. — № 90. — 188 с.
- Кребер Т. Иши в двух мирах. — М.: Прогресс, 1970. — 207 с.
- Лебедев В. Д. Рыбы из позднепалеолитической стоянки Мурзак-Коба в Крыму // БКИЧП. Отд. биол. — 1952. — С. 46 — 51.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области: К постановке вопроса // СЭ. — 1955. — № 4. — С. 13 — 17.
- Линь Яо-Хуа, Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы Китая // Восточноазиатский сборник. — М., 1961. — С. 160 — 182.
- Лисицина Г. Н., Прищепенко Л. В. Палеозотботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. — М.: Наука, 1977. — 127 с.
- Маркевич В. И. Буго-днестровская культура на территории Молдавии. — Кишинев: Штиинца, 1974. — 175 с.
- Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. — М.: Наука, 1982. — 191 с.
- Нужный Д. Ю. Об использовании острий и геометрических микролитов // Материалы каменного века на территории Украины. — Киев, 1984. — С. 26 — 36.
- Павлова Н. Н. Физическая география Крыма. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1964. — 106 с.
- Световидов А. Н. Рыбы Черного моря. — М; Л.: Наука, 1964. — 551 с.
- Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. — Л.: Наука, 1968. — 362 с.
- Телегін Д. Я. Мезолітичні пам'ятки України. — К.: Наук. думка, 1982. — 251 с.
- Яневич А. А. Поздний мезолит и неолит Крыма: Вопросы становления неолитической культуры.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Киев, 1987. — 16 с.
- Glark G. Excavations at Star Carr. An carle mesolithic site at seamer near Scarborough Yorkshire. — Cambridge: University Press, 1954. — 200 p.
- Lee R. B. Wath Hunters Do for a living, or, How to Make Out on Scace Resources. // Man the Hunter. — Chicago: Aldine Publishing Company, 1977. — P. 30 — 49.
- Lips E. Das Indianerbuch. — Leipzig: Brockhaus, 1956. — 443 s.
- Krause F. Die Kultur der Kalifornischen Indianer in ihrer Bedeutung für die Ethnologie und die nordameri-canische Völkerkunde. — Leipzig: Verlag von Otto Spanierk, 1921. — 963 p.
- Kroeber A. Handbook of the Indians of California. Smitsonian Institution, Bureau of American Ethnology // Bull. 78. — Washington, D.C., 1925.
- Kühn H. Die Velsbilder Europas. — Stuttgart: Kohlhammer Verlag, 1952. — 323 s.
- Mellaart J. Gatal Hüyük. A neolithic Town in Anatolia. — London: Thames and Hudson, 1967. — 232 p.
- Mellaart J. The Neolithic of the Near East. — London: Thames and Hudson, 1975. — 220 p.
- Wan Zeist. Archaeobotanical Studies in the Levant 1. Neoliths sites in the Damascun Basin: Oswald Gotaité Ramad // Palehistoria acta et communications instituti Bio-archeologici universitalis Groninganae. — 1982. — № 24. — P. 33 — 48.

КРИТЕРИИ ПОДБОРА ИНСТРУМЕНТОВ РАСЩЕПЛЕНИЯ И РЕТУШИРОВАНИЯ В МУСТЬЕ КРЫМА

В статье на основе материалов стоянки Пролом I в Крыму показано одновременное становление в технологии обработки кремня обоих подразделений средств деятельности: инструментов для изготовления предметов потребления и инструментов для изготовления инструментов.

Важное место в технологии производства каменных орудий занимают инструменты первичного расщепления кремня и оформления рабочих или аккомодационных участков орудий. Уже в мустьерское время их набор многообразен и представлен широким как по исходному материалу (кремень, кость, галька, вероятно, дерево и рог), так и по типам (отбойники, наковальни, ретушеры-отжимники, ретушеры-отбойники и т. д.) ассортиментом.

Прогресс технологии обработки камня в мустье по сравнению с предшествующими эпохами закономерно приводил к усложнению инструментов расщепления и ретушировки. Это, в частности, проявлялось и в увеличении количества типов подобных инструментов.

Обеспечение ими не могло, как представляется, носить случайный характер. Такие инструменты для расщепления и ретушировки должны были отвечать объективно существовавшим требованиям технологического процесса обработки камня. Поэтому можно предполагать существование критериев, по которым такое обеспечение проводилось. Вероятно, комплексы признаков, по которым древний мастер мог отбирать природные (или изготавливать искусственные) предметы для утилизации в каменном производстве, существовали для каждой отдельной группы таких предметов как в сырьевом, так и функциональном смысле.

Целью данной работы является попытка на археологическом материале определить критерии, по которым производился подбор галек для использования в процессах первичного расщепления и вторичного ретуширования сколов-заготовок. Такие данные предоставляют материалы стоянки Пролом I.

Среднепалеолитическая стоянка в гроте Пролом, обнаруженная в 1973 г. и раскапывавшаяся в 1973–1975 и 1977 гг. Крымской палеолитической экспедицией под руководством Ю. Г. Колосова [1978; 1979], находится в одном из скальных навесов в с. Пролом Белогорского района Крымской области в массиве нуммулитовых известняков левого берега р. Кучук-Карасу на высоте 12 м над ее тальвегом. Стоянка, за исключением контрольных участков, раскопана полностью. Общая площадь раскопа составляет 68 м². На участке квадратов 10, 11, 12, 3, И, К в юго-восточной части площадки в 1977 г. обнаружены обвальные блоки рухнувшего козырька, над и под которыми были культурные остатки. К сожалению, четко расчленить стратиграфически толщу отложений грота на два слоя на других участках не удалось.

Ввиду незначительного характера отличий между индустриями верхнего и нижнего горизонтов, а также слабой изменчивости орудий расщепления и ретуширования на протяжении длительных отрезков времени оправдано рассмотрение последних в едином комплексе.

Общее количество галечного сырья (не учитывались обломки, а также мелкие, менее 3 см в поперечнике, галечки) составляет 119 экз.

По результатам определения* сотрудников Правобережной геологоразведочной экспедиции О. Ф. Радченко и Э. В. Мельничука, гальки представ-

* Автор глубоко признателен О. Ф. Радченко, Э. В. Мельничуку, а также А. И. Евтушенко за определение образцов.

лены: песчаниками, кварцами, слабо-раскристаллизованными известняками, слюдистыми сланцами, туфами, туфогенными (полевошпатокварцевыми) песчаниками и ближе не определенными вулканическими породами. В процентном отношении наиболее представительны туфогенные песчаники и туфы (37%), затем идут сланцы (21%), песчаники (13%), кварцы (14%) и известняки (14%), вулканические породы (1%) (процент выведен как к утилизированным, так, и к не утилизированным галькам комплекса).

Анализ галек со следами использования (ретушеры, отбойники, наковальни) выявил иной по сравнению с вышеприведенным состав по породам: туфогенный песчаник и туф – 66,7%, сланцы – 16,7%, песчаники – 6,7%, кварцы – 3,3%, известняки – 3,3% (процент дан к общему количеству галек со следами использования).

Еще более убедительными кажутся показатели отбора галек по каждой отдельной сырьевой группе. Так, из 44 галек туфа и туфогенного песчаника было отобрано 20* – 45,5%; сланца – из 25 – 5 (20%), песчаника соответственно из 16 – 2 (12,5%), кварца и известняка из 17 по 1 (5,8%) (рис. 1).

Из различного процентного состава по породам галек в целом и галек со следами использования следует, что предпочтение при подборе галек для использования в качестве инструментов для производства орудий и расщепления отдавалось галькам туфа и туфогенного песчаника, а точнее – их специфическим физическим свойствам.

Таким образом, можно говорить о выразительно проявившемся отборе по признаку "сырье" (физическим свойствам).

Не лишены интереса также и данные по сырьевому составу для отдельных групп инструментов обработки камня. Среди последних, в зависимости от характера повреждений поверхности, выделяются** следующие типы: отбойники, наковальни-подкладки, ретушеры-отбойники и ретушеры-отжимники (рассматривались вместе), а также ряд комбинированных орудий: наковальня-отбойник, ретушер-отбойник, ретушер-наковальня-отбойник и т.д. Оказалось, например, что если в группе "отбойники" на долю песчаника приходится 20%, туфогенного песчаника и туфа – 40, кварца – 10, сланца – 20, известняка – 10%, то есть породы представлены почти в равных пропорциях, то группе "ретушеры" туфы и туфогенные песчаники составляют 81,3%, оставляя на долю сланцев и неопределимых вулканических пород соответственно 12,5 и 6,2% (рис. 2).

Таким образом, отбор галек по признаку "сырье" ("физические свойства") производился также и с учетом запланированного функционального применения гальки. Особенно тщательно подбирались предметы, предназначен-

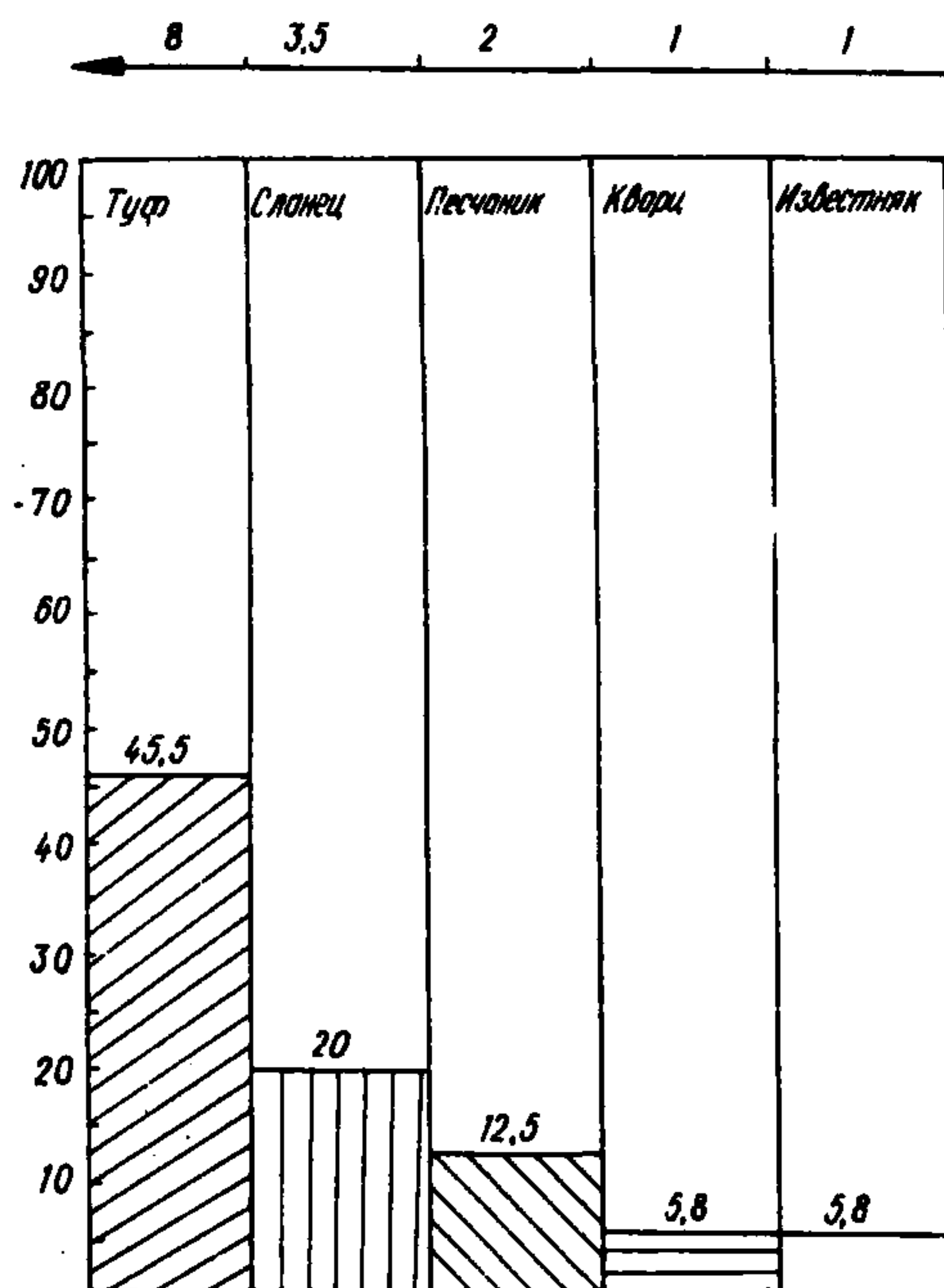

Рис. 1. Пролом I. Гистограммы отбора галек для целей использования по признаку "сырье" ("физические свойства")

* Из 44 имеющихся в коллекции галек данной сырьевой группы – 20 несут на поверхности следы использования.

** По характерным следам сработанности [Щелинский, 1983].

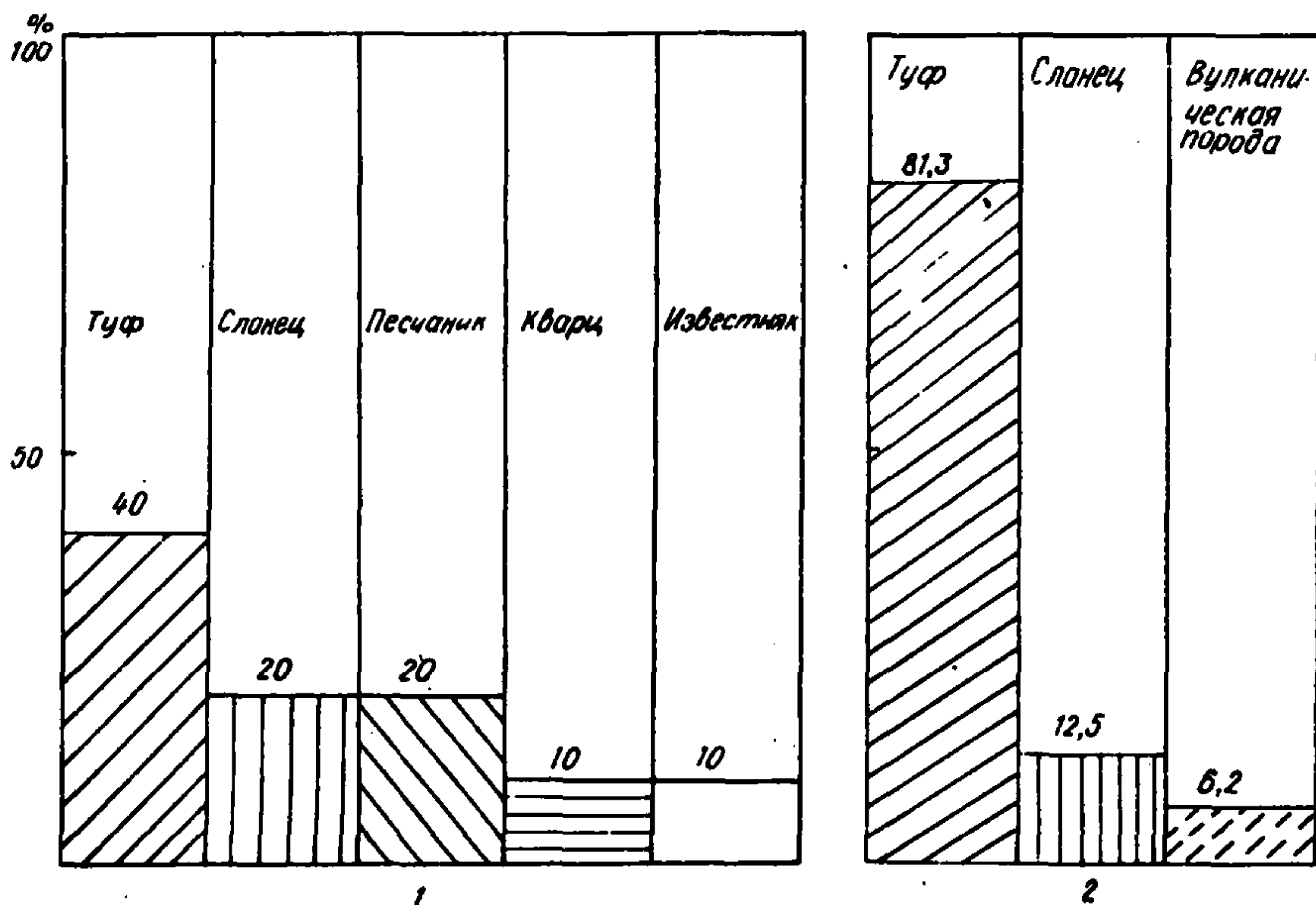

Рис. 2. Пролон I. График процентного состава по породам галек-отбойников (1) и галек-ретушеров (2)

ные для использования в тонких и ответственных операциях вторичного ретуширования и подправки сработанных орудий.

Как выяснилось, отбор галек производился и по другим параметрам: форме, размерам и массе. Если учет двух последних параметров можно представить в четких количественных показателях, то учет формы галек в значительной мере носит субъективно-описательный характер. Была предпринята попытка объективизировать его, используя так называемый коэффициент уплощенности галек, являющийся, по сути, перенесенным на описание галек индексом массивности палеолитических заготовок [Анисюткин, 1965]. Средний коэффициент уплощенности равен отношению среднего показателя длины галек к среднему показателю ширины, выраженному в процентах: $ску = \frac{ср. Д}{ср. Т} \times 100$. Существуют более строгие формулы описания формы галек, принятые в геологии [Кухаренко, 1947; Сигов, 1947], но они слишком специальные.

Оказалось, что гальки со следами утилизации можно разделить в основном на две группы. Первая представлена овально-уплощенными гальками со средним коэффициентом уплощенности 27,2, которые использовались для вторичного ретуширования и подправки изделий (наковальни и ретушеры), вторая – сфероидными гальками со средним коэффициентом уплощенности 37,8, применявшимися для расщепления (отбойники).

В целом сравнение показателей среднего коэффициента уплощенности для галек-инструментов и галек без следов использования показал, что отбирались в целях утилизации более уплощенные образцы: в среднем коэффициент уплощенности неутилизованных галек равен 33,3. Для утилизированных он составляет 31,7.

Определенная направленность отбора проявилась и при определении размеров: средняя толщина неутилизованных галек составила 21,3 мм, длина – 63 мм. Для галек-орудий – соответственно 19,5 и 61 мм.

Отметим, что наиболее типичные размеры ретушеров 5 x 1,5 см, отбойников 6,5 x 2,5 см, наковален 6,5 x 1,7 см.

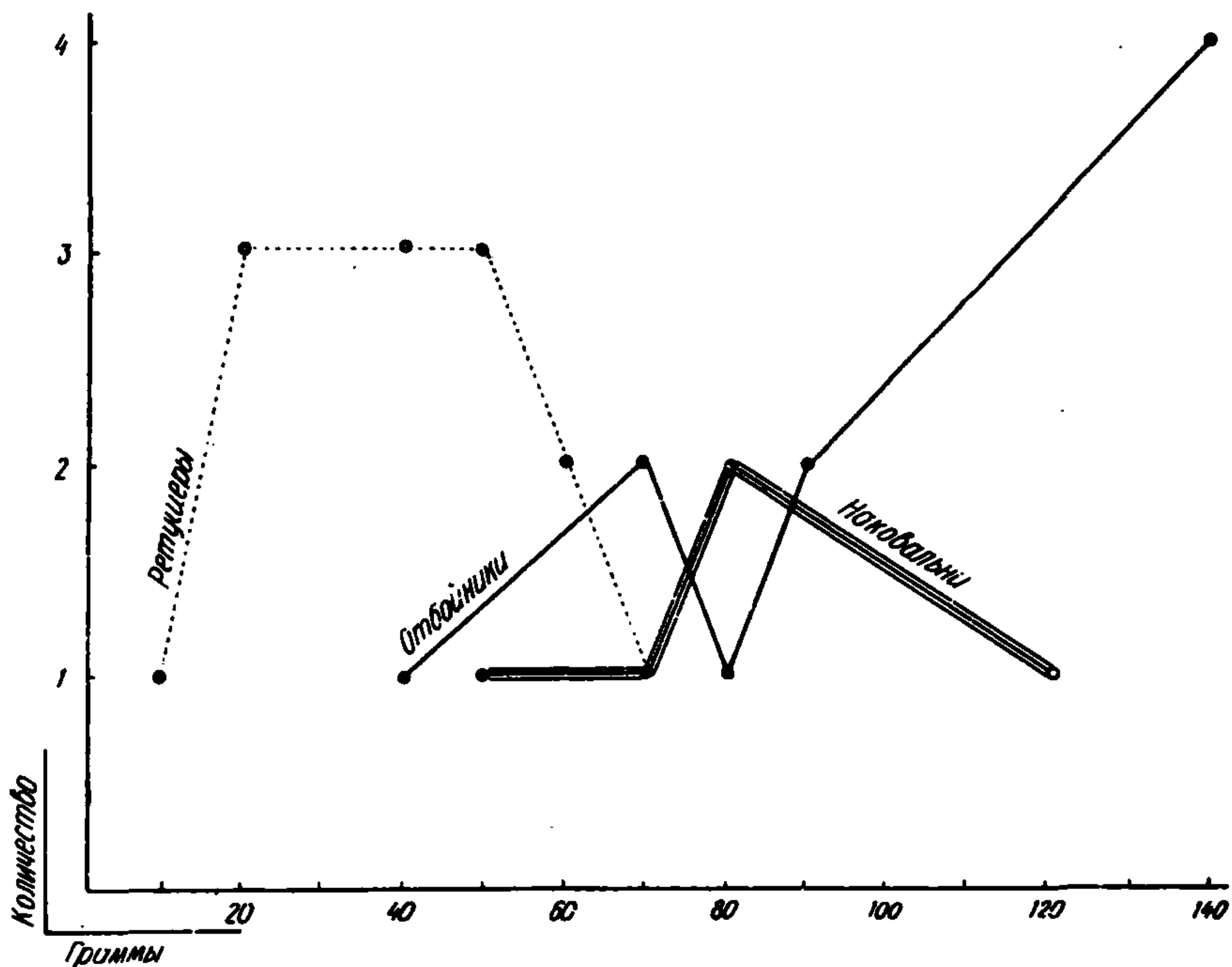

Рис. 3. Пролом I. Графики распределения галек-инструментов по массе

Точная масса определена лишь для серии галек-орудий. Выяснилось, что средняя масса отбойников равна 107 г с основным разбросом от 96 до 125 г. Для наковален эти показатели составляют соответственно 69, 49–75 г, а для ретушеров обоих типов – 33, 20–40 гр (рис. 3).

Таким образом, отбор галек по признаку "масса" был различным для трех основных групп инструментов расщепления и ретушировки. Это, безусловно, объясняется различными требованиями, предъявляемыми к ним с точки зрения функционального назначения.

Итак, на основании анализа коллекции инструментов для расщепления и вторичной ретушировки из материалов позднемустьерской стоянки Пролом представляется правомерным сделать вывод с преднамеренности, целенаправленности, повторяемости действий при подборе природных предметов для производственной утилизации по ряду устойчивых признаков: сырье ("физические свойства"), форма, размеры, масса. Дополнительное доказательство существования уже в средне- и позднемустьерское время критериев подбора естественных предметов для использования в качестве инструментов предоставляют коллекции галек со следами использования на ряде мустьерских стоянок, в частности Заскальной V (слои 1–7), Заскальной VI (слои 1–6), Проломе II (слои 1–4).

Следует отметить, что выводы, полученные на основании анализа одной, пусть довольно значительной количественно серии инструментов для обработки камня, носят предварительный характер и требуют подтверждения на более массовом материале*.

* В настоящее время ведется обработка массовых коллекций галек из материалов стоянок Заскальная V, VI, Пролом II. Полученные данные не противоречат результатам, изложенным в настоящей статье. Отметим, что подсчет процентного содержания галек различных пород на непосредственных выходах в галечниковых отложениях речного русла дает значительное расхождение с процентным содержанием пород галек всего комплекса стоянки Пролом (то есть галек-инструментов и галек без следов использования). Это свидетельствует о двухступенчатом харак-

Инструменты для расщепления, подправки и изготовления орудий занимают одно из первостепенных по важности мест в технологии каменного производства древности. Эксперименты свидетельствуют, что верный выбор инструмента (например, отбойника) по параметрам его жесткости, формы, массы в значительной степени определяет и качество полученного орудия и эффективность его использования [Городцов, 1930, 1935; Семенов, 1963, Щелинский, 1983].

Процесс первичного расщепления конкреции кремня на различных этапах предполагает применения особых инструментов [Щелинский, 1983]. Вторичная же обработка полученных сколов-заготовок требовала еще большего разнообразия применяемых средств обработки. Так, если инструменты для обработки камня в ранних каменных индустриях представлены лишь отбойниками и наковальнями, то есть, средствами расщепления и "грубого" оформления двусторонних орудий, то в мустье появляются новые инструменты для оформления орудий: многочисленные ретушеры на гальках, осколках костей, кремневых сколах, связанные с усовершенствованием техники ретуширования сколов-заготовок.

Совершенствование технологии расщепления и последующей вторичной обработки заготовок, безусловно, требовало совершенствования инструментов расщепления и ретуширования, шедшего по пути выяснения наиболее эффективных формы, массы, физических свойств отбойника, ретушера и т. д. [Семенов, 1975].

Уже на ранних этапах становления и развития техники расщепления камня имел место поиск и подбор средств обработки камня. Но если на этом этапе отбор определялся в основном по одному признаку (достаточная масса отбойника), то в дальнейшем с усложнением приемов обработки камня усваивались новые критерии подбора инструментов для изготовления орудий (в частности, степень жесткости, форма предмета в целом и форма участка, намеченного как рабочего и т. п.). Так усложняющаяся технология каменного производства приводила к усложнению критериев подбора естественных предметов для использования в производственном процессе. Это подготавливало почву для изготовления искусственных орудий с заранее заданными свойствами.

Выработка и усвоение критериев подбора средств обработки камня происходили опытным путем параллельно с освоением каменного сырья для орудий вообще. К позднему ашелю-мустье такие критерии, видимо, окончательно вырабатываются и закрепляются. Возможно, этот процесс следует увязывать с переходом к повсеместному использованию изотропных пород, что, по мнению некоторых исследователей, свидетельствует об оформлении первичных геолого-минералогических представлений и закреплении первичных знаний о физических свойствах природных материалов [Петрунь, 1971].

Подбор как средств обработки камня, так и сырья для производства каменных орудий состоит из двух моментов, во многом, вероятно, определявших характер каждой конкретной каменной индустрии. Г. А. Бонч-Осмоловский отмечал, что форма орудий, как и тип заготовок, является "следствием чрезвычайно сложного сочетания производственно-технических условий" [Бонч-Осмоловский, 1934], имея, вероятно, в виду среди прочего и соответствие между общим уровнем развития приемов и методов обработки камня, с

тере подбора галек. На I этапе из всего массива галек, откладываемых в русле и на отмелях реки, выбираются объекты в принципе пригодные для использования. На II этапе из уже отсортированного предварительно "сырья" отбираются объекты, отвечающие по своим параметрам (физические свойства, масса, форма, размеры) требованиям той или иной специализированной операции обработки камня.

одной стороны, и уровнем развития инструментов для обработки камня и сырьем – с другой.

Есть данные, свидетельствующие, что различный сырьевой состав расщепляемого материала даже при использовании единой техники расщепления давал существенно различающиеся по ряду признаков (массивность, удлиненность) заготовки. В этой связи интересны результаты анализа сколов двух сырьевых групп на мустьерской стоянке Пролом II, недавно открытой и исследованной Крымской полеолитической экспедицией. Как оказалось, сколы из различного сырья значительно разнятся по ряду показателей. Так, отщепы II мустьерского культурного слоя на местном сырье низкого качества имеют удлиненность 110,6 и показатель массивности 27,7. Эти же показатели для сколов из более высококачественного приносного кремня составляют соответственно 115,7 и 20,4.

Дальнейшая утилизация подобных сколов способствовала применению различных приемов вторичной обработки (либо, при использовании одних и тех же приемов, давала различные по морфологическим признакам результаты), что приводило к появлению орудийных наборов, несколько отличающихся друг от друга по технико-типологическим показателям.

Значительный отпечаток на облик сколов-заготовок накладывают и частные особенности предметов, используемых в качестве инструментов расщепления. Общеизвестно, что не во всех случаях выходы сырья связаны с выходами галечника, служившего основной базой обеспечения инструментами для обработки камня. Подбор средств расщепления и вторичного ретуширования был в таких случаях ограничен, в дело шли предметы, не отвечавшие по каким-либо параметрам тем или иным требованиям технологии. Это сразу же сказывалось на качестве получаемых сколов-заготовок. Примером может служить эксперимент по расщеплению высококачественного вольнского кремня слишком тяжелым и жестким кварцитовым отбойником. Применение его было крайне неудовлетворительным, давая частые заломы, забитости и т.п. Большинство получаемых отщепов – массивные, укороченных очертаний. В то же время расщепление такого кремня более мягким и легким отбойником давало значительную долю удлиненных пластинчатых сколов с тонким сечением.

В целом, мы склонны считать, что взаимообусловленность компонентов цепочки сырье – техника расщепления – технико-типологическая характеристика индустрии в мустье имела большее значение, чем это принято полагать. В эту цепочку следует включить и группу инструментов для расщепления и ретушировки, частные особенности которых также, на наш взгляд, в значительной степени определяли особенности получаемых сколов-заготовок, а тем самым – облик набора орудий.

Частный вопрос, поднятый в настоящей статье, важен, поскольку связан с общими проблемами эволюции технологии обработки камня в древности. Наблюдения над коллекцией галек Пролома позволяют внести коррективы в некоторые положения концепции С. В. Смирнова о становлении основ общественного производства. Исследователь выделяет три этапа развития материально-вещественных средств деятельности, каждый из которых характеризуется двучленной структурой: а) инструменты (орудия) для производства орудий; б) орудия для производства предметов потребления. Ведущим критерием выделения этапов была степень намеренности подготовки предметов первого подразделения.

Возникает несогласованность данных, приведенных в нашей работе, с положениями-характеристиками II этапа становления материально-технической базы производства (хронологически это конец ашеля и мустье).

По мнению С. В. Смирнова, этому этапу свойственна "двучленная структура средств деятельности", одним членом которой были "предметы случайных, неустойчивых форм", служившие инструментом при изготовлении объектов

второго подразделения – инструментов для изготовления предметов потребления (то есть традиционного набора орудий) [Смирнов, 1983]. Факты не позволяют определить характер мустьерского комплекса инструментов, применяемых при первичном расщеплении и ретушировании, как случайный и неустойчивый. Такие инструменты в археологических коллекциях представлены предметами на сколах, гальках, обломках кости.

Существование закономерностей и критериев в подборе галек для потребностей технологического процесса обработки камня противоречит "случайности" такого обеспечения. Можно даже предполагать специальное обеспечение предметами конкретных специализированных операций обработки каменного сырья, что подтверждает процентный состав пород галек вообще, галек-инструментов и галек-ретушеров комплекса Пролом.

Возражение вызывает констатация полного отсутствия специальной обработки инструментов, в частности ретушеров на обломках костей животных [Смирнов, 1983]. Г. А. Бонч-Осмоловский, впервые верно определивший функцию этих артефактов, приводит данные, свидетельствующие о преднамеренной предварительной обработке поверхностей, намеченных как рабочие [1940]. Окончательную ясность в вопрос о природе и характере инструментов расщепления и ретушировки в мустье, видимо, внесет дальнейшее углубленное исследование накопленного богатого фактического материала.

Анисюткин Н. К. Дополнение к методике обработки нижнепалеолитических комплексов // Археол. сб. Гос. Эрмитажа. – Л., 1965. – Вып. 10. – С. 5 – 8.

Бонч-Осмоловский Г. А. Итоги изучения крымского палеолита // Тр. 11 межд. конф. АИЧПЕ. – Новосибирск, 1934. – С. 118.

Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма. Грот Киик-Коба. – М., Л. – 1940. – С. 118.

Городцов В. А. Техника и типологическая классификация кремневых резцов Супоневской и Тимоновской палеолитических стоянок из раскопок 1928 и 29 гг. // Техника обработки камня и металла. – Москва, 1930. – С. 19.

Городцов В. А. К истории развития техники первобытных каменных орудий // СЭ. – 1935. – № 2. – С. 71 – 74.

Колосов Ю. Г. Новая мустьерская стоянка в гроте Пролом // Археологические исследования на Украине в 1976 – 1977 гг.: Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. – Ужгород, 1978. – С. 19 – 20.

Колосов Ю. Г. Новая мустьерская стоянка в гроте Пролом // Исследования палеолита в Крыму. – Киев, 1979. – С. 157 – 171.

Кухаренко А. А. Форма галечного материала высших террас р. Койвы // БКИЧП. – 1947. – № 9.

Петрунь В. Ф. К петрографической характеристике материала каменных орудий палеолита // МИА. – 1971. – № 173. – С. 282 – 297.

Семенов С. А. Изучение первобытной техники методом эксперимента // Новые методы в археологических исследованиях. – Л., 1963. – С. 91 – 214.

Семенов С. А. Об олдувайских гоминидах // ВА. – 1975. – Вып. 49. – С. 4.

Сигов А. П. Оценка расстояния, пройденного галькой, по ее окатанности // БКИЧП. – 1947. – № 9. – С. 48 – 58.

Смирнов С. В. Становление основ общественного производства. Материально-технический аспект проблемы. – Киев: Наук. думка, 1983. – С. 179, 204 – 205.

Щелинский В. Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. – Л., 1983. – С. 79 – 83.

А. В. КОЛЕСНИК

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШИХ КАМНЕОБРАБАТЫВАЮЩИХ МАСТЕРСКИХ

Кремнеобрабатывающие мастерские вычленились в самостоятельную форму хозяйственной деятельности еще в раннем палеолите; причиной этого было обособление первичного и вторичного циклов в раскалывании кремневого сырья.

Мастерские по первичной обработке камня у выходов сырья являются одним из необходимых элементов системы производительных сил палеолитического общества. Без их учета картина хозяйственной деятельности древнего

человека будет неполной. В настоящее время все более очевидной становится сложность организации раннепалеолитического общества. Как показывают исследования, в это время уже известны навыки возведения долговременных жилищ [Черныш, 1982, с. 24 – 25], элементы идеологических представлений [Leroi-Gouhan, 1964], зачатки искусства [Черныш, 1978]. Эти явления не могли возникнуть без достаточно развитой экономической базы, в основе которой лежали обособившиеся формы хозяйственной деятельности. Один из ее видов – обработка каменного сырья – нашел свое материальное выражение в мастерских.

Места первичной оббивки камня встречаются практически во всех областях раннепалеолитической ойкумены. В Армении известна верхнеашельская мастерская Джрабер [Любин, 1961]. Отсюда происходит небольшая, но очень выразительная коллекция обсидиановых нуклеусов, сколов, орудий. Ашельская и мустьерская мастерские отмечены в Туркмении. Недалеко от Узоя на подошве гребня Бегарслан-даг собрана коллекция нуклеидных обломков, нуклеусов, сколов и некоторого количества орудий из кремня [Абрамова, Мандельштам, 1977]. На Джанаке открыта ашельская мастерская Коймат II, расположенная на выходах кварцитового песчаника [Любин, 1984]. В Крыму в 2 км от пещеры Шайтан-Коба на местонахождении Кременчак найдено 80 кремней, в том числе 14 нуклеусов, 3 орудия, много первичных отщепов [Петрунь, 1972, с. 86]. В слое галечника Хотылевского местонахождения "мы имеем дело с остатками кремнеобрабатывающей мастерской. На это указывает огромное число опробованных кусков плитчатого кремня, различных нуклеусов, кремневых сколов" [Заверняев, 1978, с. 117]. К типу мастерских относят авторы находок разновременное раннепалеолитическое местонахождение Чикиани в Грузии, давшее громадное количество расщепленного обсидиана (отщепы, нуклеусы) и серию андезитовых орудий [Кикодзе, Коридзе, 1978]. В Цоро-Алазарском районе Грузии известны одновременные мустьерские стоянка и мастерская [Бугианишвили, 1969]. В Крыму в районе мустьерских Ак-Кайских и Заскальненских стоянок обнаружена мастерская Сары-Кая V [Колосов, 1983, с. 15]. В Узбекистане в Учтутской мастерской выделяется позднеашельский комплекс [Касымов, 1962].

Назовем также позднеашельские и мустьерские мастерские Тазазмут в Сахаре [Viberson, 1965, p. 173 – 189], в районе Абды в Палестине [Коробков, 1978, с. 84]. Отдельно отметим, что местонахождение Телле во Франции, известное как Мастерская Коммона (L'ate lieг Commont), судя по публикации Ф. Борда, является типичной стоянкой с большим процентом орудий [Bordes, Fitte, 1953]. Время его бытования – средний – развитой ашель [Combieг, 1976, p. 7 – 13].

Этот далеко не полный перечень показывает, что мастерские по первичной обработке камня – вполне сложившееся явление в раннем палеолите.

Современная трактовка мастерских раннего палеолита базируется на представлении о дифференцированности предметной деятельности носителей древнейших культур и существовании соответственно памятников различного хозяйственного профиля [Любин, 1978, с. 192]. Мастерская оценивается как тип археологического памятника, то есть место первичной оббивки сырья, возникшее там, где оббивка и дальнейшее использование камня оказываются пространственно разорванными. При констатации факта существования особенности социально-экономического статуса мастерских раннего палеолита в основном не учитываются. Вместе с тем этот пока недостаточно разработанный вопрос представляет большой интерес.

Классические кремнеобрабатывающие мастерские давно и хорошо известны и относятся к эпохе неолита, преимущественно ко второй ее половине. Значительное количество подобных мастерских исследовано на

Украине в Донбассе [Цвейбель, 1968, 1970]. Неолитические мастерские предназначались для производства заготовок орудий и нуклеусов с целью обмена и были своеобразным показателем некоторых форм разделения труда в это время [Крижевская, 1974; Гурина, 1974]. В них трудились специально подготовленные люди, жившие какую-то часть времени, необходимым для добычи и обработки сырья, за счет общины. Вряд ли такой контекст применим по отношению к мезолитическим и позднепалеолитическим мастерским. В позднем палеолите, в условиях зарождающегося межплеменного обмена, действительно известны случаи распространения каменного сырья и некоторых морских раковин на довольно значительное расстояние. К. Ранфрю отмечает движение армянского обсидиана в Восточную Анатолию, за 250 – 300 км [Renfrew, 1969]. Вероятные источники кремневого сырья костенковских стоянок удалены на 130 – 150 км [Борисковский, 1963, с. 191]. Но отдельные факты движения сырья еще на доказывают существование обмена как устойчивой экономической потребности. Это расстояние вполне могло быть преодолено специально посланной группой мужчин, как это делали в недавнем прошлом некоторые племена аборигенов Австралии.

Еще менее вероятна подобная трактовка раннепалеолитических камнеобрабатывающих мастерских, прежде всего потому, что в ашеле и мустье плотность населения, видимо, редко превышала тот критический рубеж, после которого обмен физически возможен.

Кроме того, проблематична сама потребность ашельской и мустьерской техники в постоянном и значительном притоке высококачественного сырья. Нужды техники достаточно полно удовлетворял широкий ассортимент осадочных и вулканических пород, распространенных практически повсеместно. Примеры использования неместного сырья в раннем палеолите единичны, если не уникальны. Мустьерское население для изготовления орудий употребляло сырье из ближайшего месторождения поделочного камня. Так, от Шайтан-Кобы до ближайших выходов кремня – 2 км [Колосов, 1972, с. 16], от Староселья – 6 км [Формозов, 1958, с. 18], от Кутурбулака – 6 км [Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, с. 11], от памятников Цхинвальской группы в Грузии – 17 км [Любин, 1978, с. 104] и т. д. Аналогичная картина наблюдается и в ашеле. Д. Кларк определяет расстояние между позднеашельскими стоянками Европы и Африки и ближайшими источниками специфического для данной стоянки сырья от 3 – 4 до 40 миль [1977, с. 93]. Максимальная цифра встречается крайне редко. Для позднего ашеля и мустье обычны стоянки-мастерские, расположенные у источников сырья и содержащие свидетельства полного цикла расщепления камня. В качестве примера назовем в Донбассе Антоновку [Гладилин, 1969] и Белокузьминовку. Логично предположить, что мастерские раннего палеолита эксплуатировались людьми, жившими в непосредственной близости. Очевидно, близость и доступность источников поделочного камня были для раннепалеолитического населения одним из экологических условий жизни.

Таким образом, верхнеашельские и мустьерские мастерские представляются нам как мастерские "ближнего" типа. Их природа определялась едва ли не повседневной включенностью в производственно-бытовую жизнь людей. Детерминированность жизни людей в это время от факторов внешней среды делала мастерские наряду с охотничьими угодьями и стоянками своеобразным экономическим каркасом обжитой территории [Матюшин, 1978].

Частое посещение мастерских обусловило, как нам кажется, одну техническую особенность. Если в качестве образца взять цикл первичного расщепления желвака – наиболее распространенного по форме вида сырья – и представить его в виде последовательных операций, то окажется, что раскалывание камня на мастерских раннего палеолита частично охватывает утилизацию ядрища (таблица). Практически на любой ашельской и мусть-

Модель первичного расщепления желвака

Этапы расщепления	Цикл первичного расщепления					
	1. Стадия желвака			2. Стадия нуклеуса		
Формы исходных заготовок	а желвак	б желвак со следами оббивки	в облупень	а заготовка нуклеуса или пре-нуклеус	б ядрище	в остаточный нуклеус
Операция	оббивка	оббивка	оббивка подправка	расщепление подправка	расщепление подправка подживление	расщепление переоформление
Производные	первичные отщепы, осколки	первичные и полупервичные отщепы, осколки	полупервичные, вторичные, первичные отщепы, сколы отделки	вторичные отщепы, сколы подправки, сколы-заготовки	сколы-заготовки, сколы, подживления и подправки	сколы-заготовки, сколы подправки, подживления и отделки

Этапы, выраженные на мастерских раннего палеолита

ерской мастерской вместе с большим количеством отходов производства находят серии типичных ядрищ на средней стадии сработанности и некоторое количество правильных сколов-заготовок. Ашельская мастерская Джрабер в Армении [Любин, 1961] дала более 100 нуклеусов и почти столько же сколов-заготовок, из слоя галечника Хотылевского местонахождения происходит около 700 нуклеусов и большое количество сколов [Заверняев, 1978, с. 117]. Выразительная подборка нуклеусов и сколов-заготовок представлена в материалах Звановской мастерской [Колесник, Привалов, 1979]. В Донбассе, кроме Звановки и Чугинки, известен небольшой мустьерский памятник у с. Белояровка Амвросиевского района Донецкой области, в котором из 32 кремней 10 составляют различные ядрища, 18 – отщепы и 4 – орудия. Список можно продолжить. Из приведенных примеров достаточно очевидна сопряженность первичной оббивки с расщеплением ядрищ на мастерских раннего палеолита. В более позднее время нуклеусы, как правило, раскалывались вне пределов мест первичной оббивки и удельный вес ядрищ с правильной и регулярной огранкой среди заготовок не бывает значительным.

С "ближним" характером древнейших мастерских хорошо согласуется непропорционально малое количество правильных сколов-заготовок: их значительно меньше, чем следовало бы ожидать при данном количестве ядрищ. Многие сколы, в частности в Звановке, фрагментированы. Видимо, с месторождений камня на стоянки вместе с нуклеусами уносили и отобранные сколы, выбракованные заготовки, а часть нуклеусов оставляли на месте. При частом посещении выходов сырья здесь оставались немногочисленные орудия со вторичной обработкой, которые порой служат единственным датировочным показателем памятника. Процент орудий колеблется в основном в пределах 1 – 2.

Вряд ли правомерно использование процентного соотношения орудий ко всем остальным находкам в качестве операционного критерия выделения мастерских. Количество орудий зависит не только от рода деятельности на памятнике, но и от некоторых сугубо технических причин. При тщательном использовании сырья неизбежно образуется огромное количество относительно мелких сколов-отщепов, в совокупности которых орудия со вторичной обработкой будут казаться небольшой составной частью. Таковы, в частности, некоторые днестровские стоянки, дающие 2 – 5 % орудий [Черныш, 1965; Аниюткин, 1981]. Мастерские у выходов сырья, наоборот, содержат порой россыпи крупных отщепов, осколков и других отходов производства, которые и количественно, и в массе абсолютно преобладают над орудиями.

Верхнеашельские и мустьерские мастерские, оставаясь однородными по сути, могут разграничиваться в техническом аспекте. Типологический акцент ашельских индустрий смещен, как известно, в сторону рубящих орудий, что определяет своеобразное положение отщеповой техники получения заготовок (бифас в начальной стадии обработки – тот же нуклеус). Эта особенность не могла не отразиться в ашельских мастерских по первичному расщеплению камня. В последние годы в Армении обнаружено место изготовления ашельских бифасов, изученное еще недостаточно [Казарян, 1986]. Как нам кажется, допустимо рассмотрение под таким углом зрения и сатани-дарских находок [Паничкина, 1950]. В то же время в ашеле Армении известна уже упоминавшаяся мастерская Джрабер с выраженным набором типологически ясных нуклеусов.

Появление мастерских было обусловлено внутренними закономерностями развития техники в палеолите. Источник их возникновения следует искать в зарождении и развитии целенаправленной установки деятельности древнего человека. Типологическим фоном появления мастерских было обособление первичного и вторичного циклов раскалывания камня. В олдувайскую эпоху использовались орудия с нерасчлененными функциями, галечные изделия могли быть одновременно и орудиями труда, и нуклеусами [Матюхин, 1976, с. 15–18]. Прimitивная универсальность орудий соответствовала начальному уровню производственной организации, отсутствию разделения общественного труда. Уже в раннем ашеле человеком осознаются стадии расщепления камня, разделение целого на части [Филиппов, 1983, с. 70]. Появляется идеальная модель орудия [Кочеткова, 1973, с. 222]. В развитых ашеле и мустье формы "ядра" и "скола" функционально четко разделены. Именно с этого времени поиск и предварительная первичная обработка сырья прочно входят в производственную жизнь, вычлняются в самостоятельную форму хозяйственной деятельности. Дальнейшее развитие этой формы демонстрируют позднепалеолитические мастерские.

Абрамова З. А., Мандельштам А. М. 1977. Бегарсландаг – новый памятник каменного века в районе Узбоя // БКИЧП. – № 47. – С. 111 – 115.

Анисюткин Н. К. Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы // Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. – М., 1981. – С. 7 – 53.

Борисковский П. И. Очерки по палеолиту бассейна Дона // МИА. – 1963. – № 121. – 230 с.

Буганишвили Т. В. Палеолитические памятники Цоро-Алазарского бассейна // ТКАЭ. – 1969. – Вып. 1. – С. 291 – 293.

Гладилин В. Н. Антоновское раннепалеолитическое местонахождение. Материалы по четвертичному периоду Украины. – Киев: Наук. думка, 1969. – С. 290 – 301.

Гурина Н. Н. К вопросу об обмене в неолитическую эпоху // КСИА. – 1974. – Вып. 138. – С. 12 – 23.

Заверняев Ф. М. Хотылевское палеолитическое местонахождение. – Л., 1978. – 126 с.

Казарян Г. П. Верхнеашельское местонахождение Атис I // АО 1984 г. – М., 1985. – С. 433.

Касымов М. Р. Кремнеобрабатывающие мастерские каменного века в Средней Азии: Автореф. дис...канд. ист. наук. – 1962. – 19 с.

Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. – М., 1977. – 264 с.

Кикодзе З. К., Коридзе И. Д. Краткий очерк работ, проведенных Параганской разведывательной археологической экспедицией в 1977 г. // Археологические экспедиции Гос. музея Грузии. – Тбилиси, 1978. – Т. 6. – С. 188 – 194.

Колесник А. В., Привалов А. И. Мустьерская стоянка Звановка // АО 1978 г. – М., 1979. – С. 34.

Колосов Ю. Г. Шайтан-Коба – мустьерская стоянка Криму. – К.: Наук. думка, 1972. – 158 с.

Колосов Ю. Г. Мустьерские стоянки района Белогорска. – Киев: Наук. думка, 1983. – 224 с.

Коробков И. И. Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит мира. Палеолит Ближнего и Среднего Востока. – Л., 1978. – 264 с.

Кочеткова В. И. Палеоневрология. – М., 1973. – 280 с.

Крижевская Л. Я. О некоторых формах разделения труда в неолитическую эпоху // КСИА. – 1974. – Вып. 138. – С. 24 – 26.

Любин В. П. Верхнеашельская мастерская Джрабер // Там же. – 1961. – Вып. 82. – С. 59 – 67.

Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. – Л., 1978. – 223 с.

Любин В. П. Палеолит Туркмении // СА. – 1984. – № 1. – С. 26 – 45.

Матюхин А. Е. Экспериментальное изучение техники изготовления галечных орудий // Там же. – 1976. – № 3. – С. 8 – 24.

Матюшин Г. Н. Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке // Проблемы советской археологии. – М., 1978. – С. 14 – 26.

Паничкина М. З. Палеолит Армении. – Л., 1950. – 109 с.

- Петрунь В. Ф. О внепещерных памятниках Крымского полуострова // МИА. — 1972. — № 185. — С. 83 — 88.
- Ташкенбаев Н. Х., Сулейманов Р. Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. — Ташкент: Фан, 1980. — 101 с.
- Формозов А. А. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите // МИА. — 1958. — № 17. — 125 с.
- Филлипов А. К. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита. — Л., 1983. — 208 с.
- Цейбель Д. С. Древние кремнеобрабатывающие мастерские на окраине г. Краматорска // Материалы кафедры ист. наук (ДонГУ. Ист. фак.) — Харьков — Донецк, 1968. — С. 227 — 233.
- Цейбель Д. С. Древние кремневые выработки у с. Широкого в Донбассе // СА. — 1970. — № 1. — С. 227 — 233.
- Черныш А. П. О времени возникновения палеолитического искусства в связи с исследованиями в 1976 г. стоянки Молодова I // У истоков творчества. — Л., 1978. — С. 18 — 22.
- Черныш А. П. Ранний и средний палеолит Приднестровья // ТКИЧП. — № 25. — 1965. — 139 с.
- Черныш А. П. Многослойная палеолитическая стоянка Молодова I // Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. — М., 1982. — С. 6 — 102.
- Biberson P. — Recherches sur le Paleolithique inferieur de l'Adrar de Mauretanic // Actas del V Congr. panafricano de prehistoria y de estudio del cuaternario (Santa Cruz de Tenerife. 1963). — 1965. — Vol. 1. Santa Cruz de Tenerife. — P. 173. — 189.
- Bordes F. et Fitte. L'atelier Commont // L'anthropologie. — Paris, 1953. — V. 57. — N 1 — 2.
- Combiere J. L'Evaluation de l'acheuleen on Europe // Congres IX Colloque X. — Nice, 1976. — P. 7 — 13.
- Leroi-Gourhan A. Les Religions la Prehistoire. — Paris, 1964.
- Renfrew C. Trade and Cultural Process in European Prehistory // Current Anthropology. — 1969. — Vol. 10. — P. 2 — 3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ	– Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АО	– Археологические открытия
АП	– Археологічні пам'ятки
БКИЧП	– Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода
ВА	– Вопросы антропологии
ДонГУ	– Донецкий государственный университет
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
ПИДО	– Проблемы истории докапиталистических обществ
СА	– Советская археология
Тез. докл. АКМУ	– Тезисы докладов археологической конференции молодых ученых
ТКАЭ	– Труды Кахетинской археологической экспедиции
ТКИЧП	– Труды комиссии по изучению четвертичного периода
SCIV	– Studii si cercetari de istorie veche
ZFA	– Zeitschrift für archaeologie

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3	
I. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ		
Телегин Д. Я.	Степное Поднепровье и Нижнее Подунавье в неолите – энеолите	6
Неприна В. И.	Неолитические традиции в культуре ранней бронзы на северо-востоке Украины	17
Титова Е. Н.	О контактах населения киево-черкасской и буго-днепровской культур	28
Котова Н. С.	К проблеме контактов азово-днепровской и днепро-донецкой культур	39
Товкайло Н. Т.	О восточных связях буго-днепровской культуры (по материалам поселения Пугач)	47
Чабай В. П.	Классификация мустьерских индустрий Юго-Западного Крыма	54
Коен В. Ю.	Неолитическая стоянка Кафка-Богаз в Крыму	63
II. ХОЗЯЙСТВО		
Зализняк Л. Л.	Социальная структура общества позднепалеолитических охотников приледниковой Европы	71
Кротова А. А.	Об одном из аспектов изучения кремневого инвентаря позднепалеолитических памятников	81
Балакин С. А., Нужный Д. Ю.	Хозяйственно-экономическое развитие в голоцене и проблема археологических критериев мезолита	90
Яневич А. А.	Хозяйство мезолитического и неолитического населения Горного Крыма	102
Степанчук В. Н.	Критерии подбора инструментов расщепления и ретуширования в мустье Крыма	112
Колесник А. В.	К вопросу о древнейших камнеобрабатывающих мастерских	118
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ		124

КАМЕННЫЙ ВЕК НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

**Некоторые аспекты хозяйства
и этнокультурных связей**

Сборник научных трудов

**Художник обложки С. В. Назаров
Художественный редактор И. П. Савицкая
Технический редактор Т. К. Валицкая
Операторы Н. В. Матюрина, Н. В. Бровко, В. Ю. Чернина
Корректоры С. В. Лисицына, В. А. Подольчук**

ИБ 10786

**Сдано в набор 05.01.90. Подп. в печ. 26.09.90. Формат 70 X 108 / 16. Бум офс. № 1. Офс. печ. Гарн. Тиде.
Усл. печ. л. 11,20. Усл. кр-отт. 11,73. Уч.-изд. л. 11,83. Тираж 750 экз. Заказ 0-745. Цена 2 р. 50 к.**

**Оригинал-макет подготовлен в издательстве "Наукова думка". 252601 Киев 4, ул. Репина, 3.
Киевская книжная типография научной книги. 252004 Киев 4, ул. Репина, 4.**